

К 63.3(2)7
С48-А

Слово о Горе
Благодать

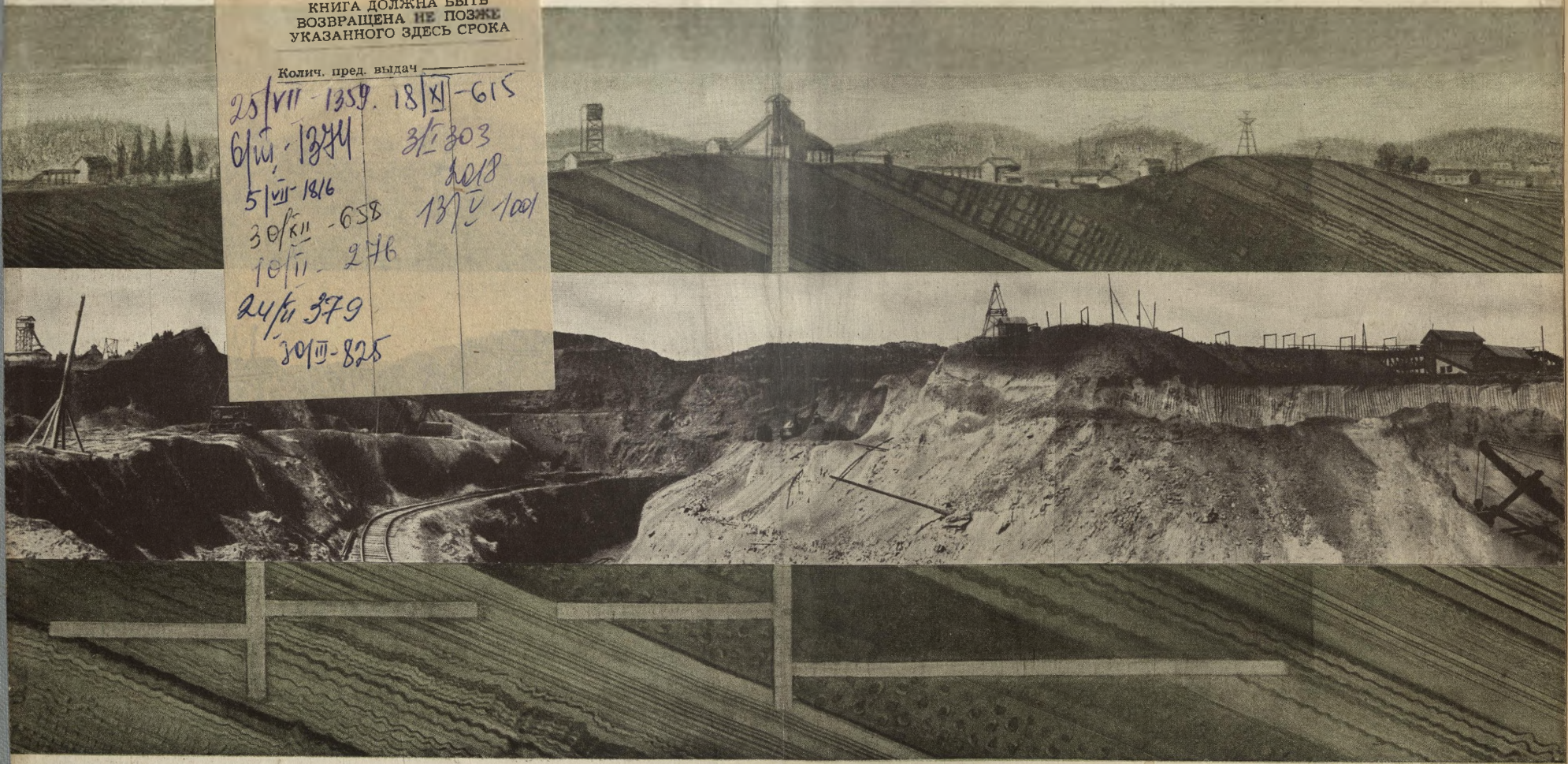
Большинство 7-к.
быв. ко. №1.

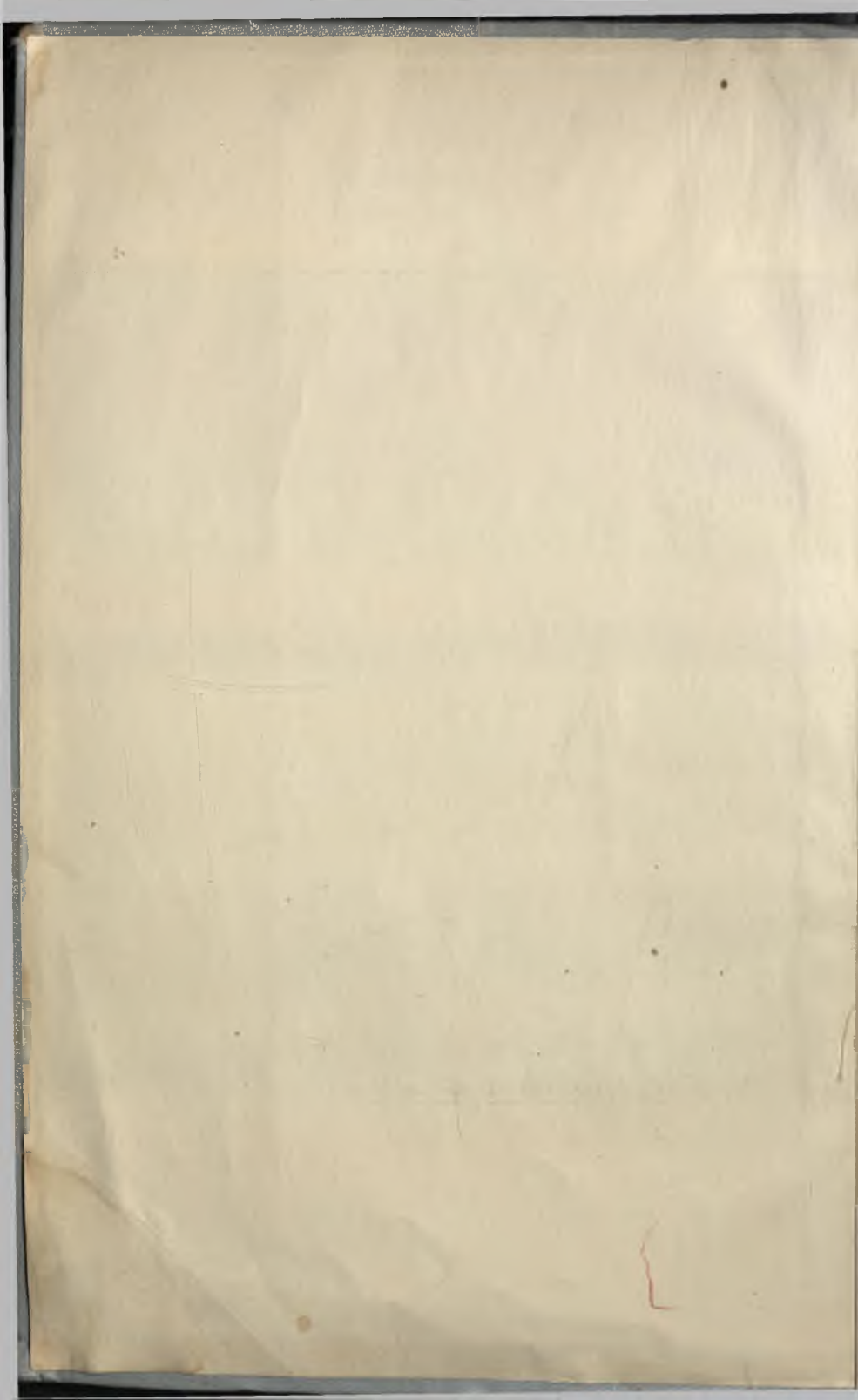
ЛИСТОК СРОКА ВОЗВРАТА

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Колич. пред. выдач

25/VII - 1359	18/XI - 615
6/IV - 1344	3/I - 303
5/IV - 1816	2018
30/VII - 658	137/II - 1001
10/II - 276	
24/VI - 379	
30/III - 825	

Слово о поре Благодать

Повествование

о древнейшем Уральском
железном руднике

Поре Благодать,

о старой и новой жизни,
о великом Сталинском
перестроении,
о новой технике,
о Великой Отечественной войне,
о героях тыла,
о наших горячих днях и о том,
каким рудник будет
в ближайшие годы

Записан и обработан

Е. А. Пермяк

под общей редакцией

С. А. Кирьякова

Издательство ЦК ВККСМ «Молодая Гвардия»

1949

Уведомл 16899

+

А

Обложка и титул
С. ПОЖАРСКОГО

Рисунки:

**П. РЯБОВА, П. КУЗЬМИЧЕВА,
В. ЦЕЛЬМЕРА и А. ЕЛИСБЕВНИНА.**

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Эта книга — коллективное повествование о двухсотлетней жизни одного из уральских железных рудников — горе Благодать.

Двести горняков рассказывают здесь историю рудника и его людей, начиная с легенд и преданий, слышанных ими еще от дедов и прадедов. Здесь нарисованы картины беспросветного прошлого и рассказано о пробуждении и борьбе трудового народа и, наконец, о торжестве победившего труда, торжестве социализма.

Не впервые в нашей стране выходят труды, авторами и одновременно героями которых являются рабочие. А. М. Горький был зачинателем книг по истории фабрик и заводов. При жизни Алексея Максимовича были выпущены первые коллективные книги рабочих.

Издательство ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», выпуская в свет «Слово о горе Благодать», ставило перед собой задачу: показать молодому поколению советских людей на примере Гороблагодатского рудника становление социалистической промышленности, борьбу и достижения трудового народа, победившего под водительством партии Ленина—Сталина.

Издательство считало необходимым во многих местах текста книги сохранить особенности говора гороблагодатцев из желания донести до читателя их яркое, острое, самобытное слово.

Обложка и титул
С. ПОЖАРСКОГО

Рисунки:

**П. РЯБОВА, П. КУЗЬМИЧЕВА,
В. ЦЕЛЬМЕРА и А. ЕЛИСБЕВНИНА.**

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Эта книга — коллективное повествование о двухсотлетней жизни одного из уральских железных рудников — горе Благодать.

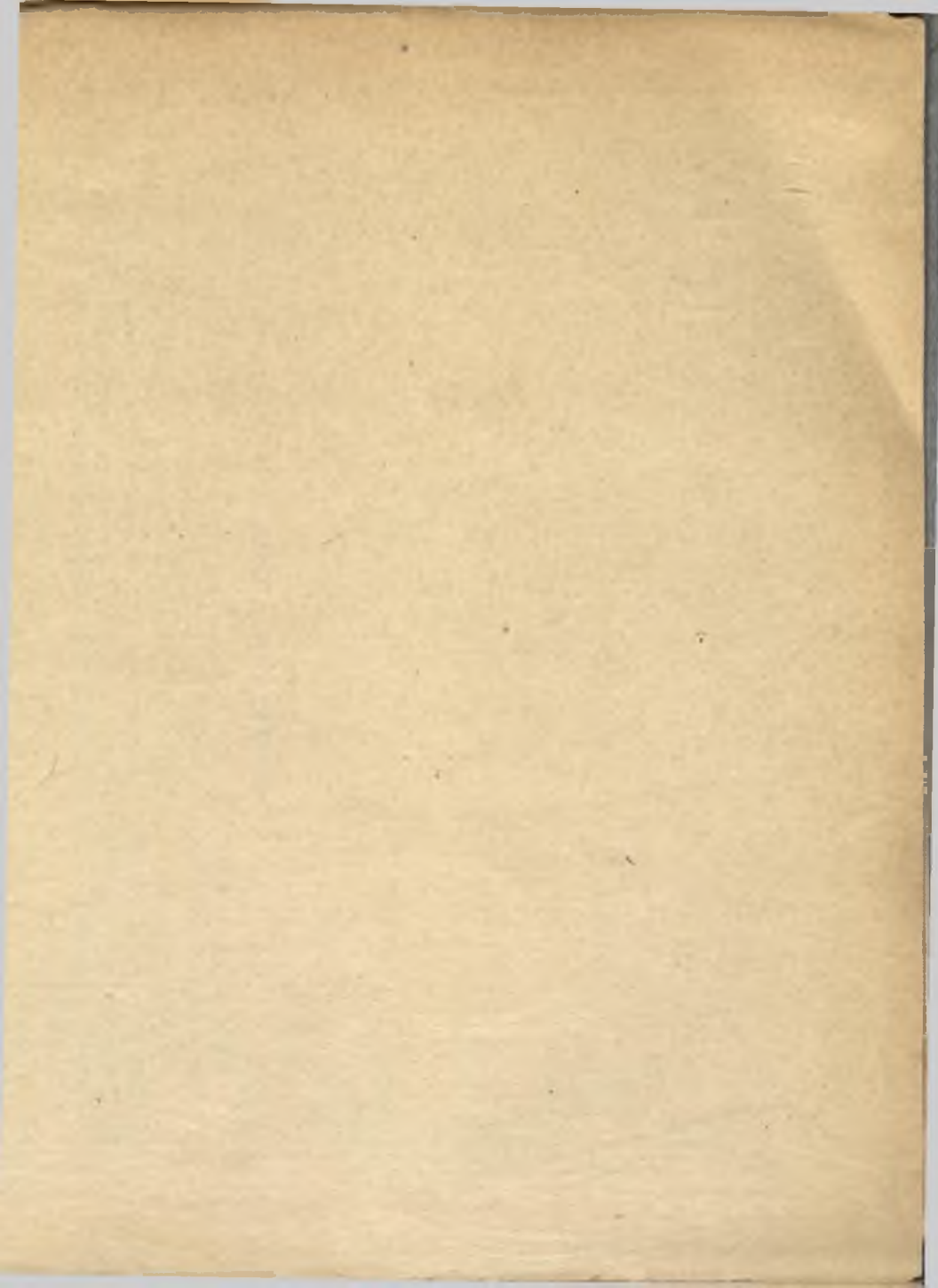
Двести горняков рассказывают здесь историю рудника и его людей, начиная с легенд и преданий, слышанных ими еще от дедов и прадедов. Здесь нарисованы картины беспросветного прошлого и рассказано о пробуждении и борьбе трудового народа и, наконец, о торжестве победившего труда, торжестве социализма.

Не впервые в нашей стране выходят труды, авторами и одновременно героями которых являются рабочие. А. М. Горький был зачинателем книг по истории фабрик и заводов. При жизни Алексея Максимовича были выпущены первые коллективные книги рабочих.

Издательство ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», выпуская в свет «Слово о горе Благодать», ставило перед собой задачу: показать молодому поколению советских людей на примере Гороблагодатского рудника становление социалистической промышленности, борьбу и достижения трудового народа, победившего под водительством партии Ленина—Сталина.

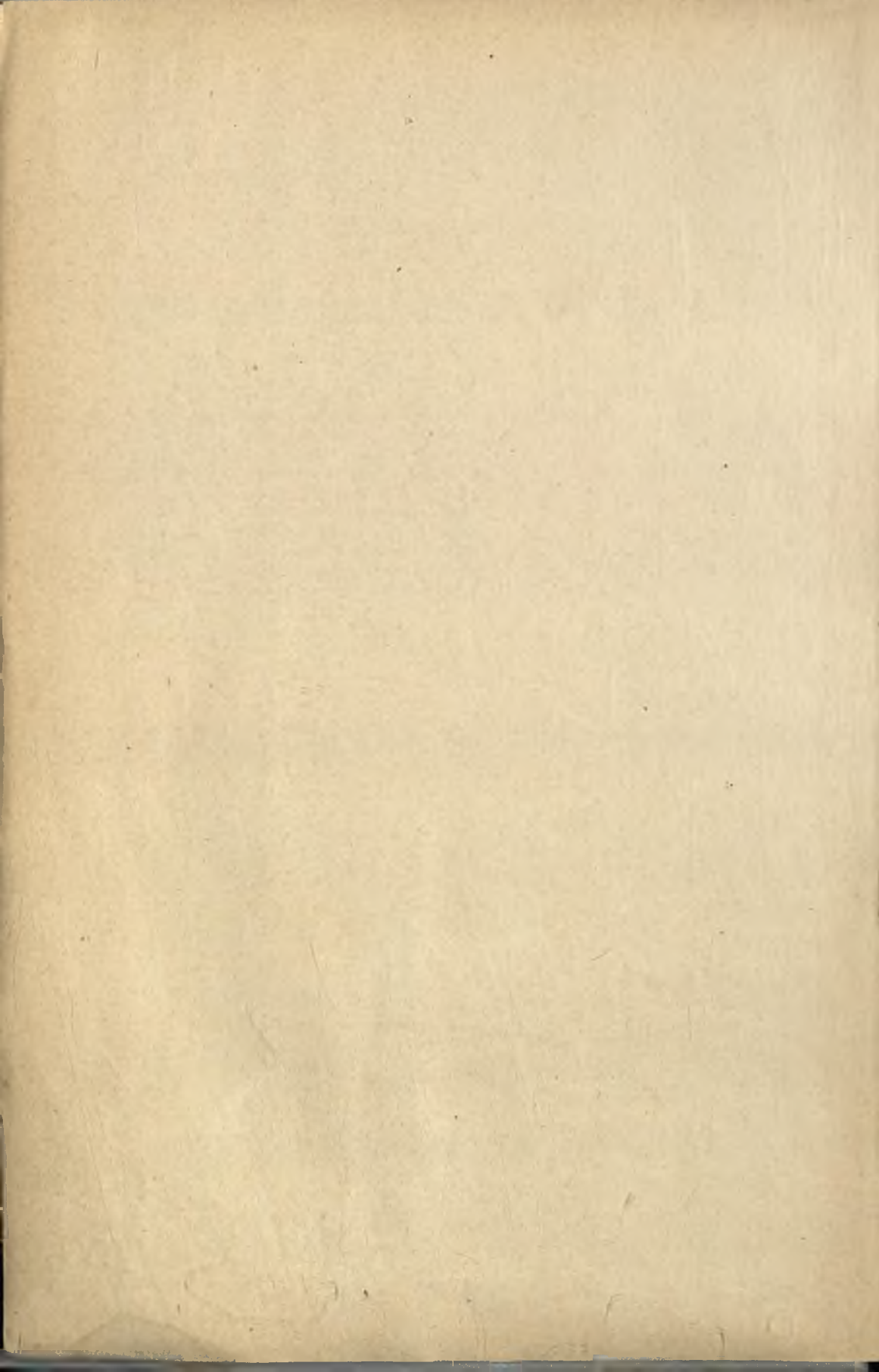
Издательство считало необходимым во многих местах текста книги сохранить особенности говора гороблагодатцев из желания донести до читателя их яркое, острое, самобытное слово.

Рабочий класс перестал быть эксплуатируемым классом, лишенным средств производства, как это имеет место при капитализме. Он уничтожил капитализм, отобрал у капиталистов средства производства, превратил их в общественную собственность. Он перестал быть пролетариатом в собственном, старом смысле этого слова. Пролетариат СССР, обладающий государственной властью, превратился в совершенно новый класс. Он превратился в освобожденный от эксплуатации рабочий класс, уничтоживший капиталистическую систему хозяйства и установивший социалистическую собственность на средства производства, то-есть в такой рабочий класс, которого еще не знала история человечества.

История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Краткий курс, стр. 328.

ЛЕГЕНДА ОБ ОТКРЫТИИ ЖЕЛЕЗНОЙ ГОРЫ

Минувшее горы Благодать так поросло легендами, преданиями, сказками, они так пестро расцвечены людской молвой, что трудно выбрать и решить, которые из них вернее и ближе к истине. Наверно, ближе те, которые так явно, так настойчиво замалчивались царской цензурой и печатью. Немало вариантов истории открытия горы запечатлели ветхие страницы старых книг. Эту историю показывали так, как было выгодно досужим великодержавным пересказчикам и их хозяевам. Они, обеляя хищников, закрепостителей горы, и очерняя сынов народа, действительных хозяев, несомненно, имели своей целью вытравить в памяти народа, затмить в его душе все то, что по духу, по идее стояло гораздо ближе к правде.

Мы, начиная нашу книгу, расскажем очень редкий, почти забытый сказ о том, как наши предки отыскивали и завещали нам великое железорудное богатство.

Легенда нам рассказывает так.

Никто теперь не знает, зачем, откуда, из какой слободки именно бежала девка красная, по имени Акси́нья, на Урал и здесь, на речке Кушве, нашла прибежище в тайном скиту у кержаков. Есть древний слух о том, что эта самая Акси́нья была так хороша собой, что ослепляла красотой встречных, и что однажды в подмосковную слободку, где ее отец гнул сани, приехал царский покупатель — Сашка Меншиков. Видно, отец Акси́ньи был мастером первой руки, коли сам царь заказывал ему сани. И слух идет, что будто Сашка Меншиков, увидев санникову дочь, зачистил в слободку не столько за санями, сколько по другой нужде. Лишился парень сна. Акси́нья же хотя была совсем простого

рода, а норов у нее был не простой. Одна она была у санника Микулы, как синь-порох в глазу, и воли он давал ей много. Слушок идет, что в те поры Аксинья баловалась ружьем, охотой и на коне скакать умела так, что дай бог царской свите — верховым. Ну и на злат-венец, супружество-замужество она имела свою точку: «Сама решу, кому быть моим мужем, выберу сама того, кто должен взять меня в жены». Вот оно что! Вон еще когда, в какие годы хозяйка жизни пробуждаться стала! А Сашка, царский служка-дружка, хотел, видно, облагодетельствовать своей сановною любовью санникову дочку, но та такие ему загнула сани, что Меншиков не только сна, а разума лишился. Как пришитый к Аксиньиному сарафану: дворец сулит, подарки возит, какие не только в слободе, но и в Москве не все в руках держали.

Микула-санник стал поставщиком саней царю Петру и дело так повел, что добрых три десятка мужиков из слободских санничали на микулинском дворе. В те годы немало мужиков из мастеров пошли демидовской дорожкой. Немало расторопных рук бросали ремесло и начинали загребать ефимки царя в свою мощну. Далеко бы пошел Микула, да дочка на своем остановилась: «Не мил! Сама себе найду зазнобу».

Только шутить в те годы с государевым дружком, который не спрашивал ни у кого, кроме царя, и, если надо было, о полночь ходил, не постучав, в цареву спальню, было трудно. Нагрязнули сваты, и началось такое сватовство, что наша девка села на коня и остудила след свой так, что ни отец, ни Сашка Аксиньи больше и не видели.

Какой дорогой, с каким проводником Аксинья добралась до наших мест — никто не знает. В молве об этом ничего нет, но только сказывается, что в скиту на речке Кушве появился верховой в малиновых штанах, в алом камзоле, с хорошим дорогим ружьем и с девичьей косой.

Кержаки Аксинью расспросили: откуда, как, зачем? Та без утайки им рассказала о себе, и они, опальные, пустили опальную невесту в скит. Не глядя, что Аксинья была не ихней веры, не кержацкой, срубили ей избенку-курнушку и мало-помалу стали обращать в старую веру. Надо думать, что к тому был у них свой прицел. Женского сословия в те годы в скитах не густо было, — женить хотели на ней своего кержацкого сына. Только у Аксиньи было свое ружье, со своим прицелом, своя избенка и своя коняга. На сватовство она внимания обращала мало, а силой взять норовистую девку тоже было не легко. Того гляди, ускачет, а не резон терять охотника, который давал такой мясной прибыток, такой пушной товар, что скитники даже на мену, на деньги стали поваживать меха и мясо в Верхотурье, конечно, тайно, тайным скупщикам. Не шутка — деваха ставила по осени лосей десятка три-четыре и несчитанно козлов. Потерять такую — большой урон скиту. Не стали девку донимать ни верой, ни сватами. Время придет — сама покажет

на чью-нибудь избу или в свою введет. Куда ей деться? От жизни не уйдешь.

Так и случилось. От жизни не ушла Аксинья, только суженым ее стал не кержак, а человек совсем другого рода-племени.

Темен и густ в те годы был наш лес. Реденько жили люди. Да все же при этой темноте в глухих чащобинах случались встречи, и такие, что диву и по сей день даются люди.

Наши места тогда знавало племя манси, или вогулов, как их прозывали наши деды. Они охотничали силком, ловушкой, луком. Случались и ружьишки. Крепкий народ. Широкие в костях, темноволосенькие, темноглазенькие, честные, прямые, добрые ребята. От них соседи, те же кержаки, обид не видели. Дружили даже. Что ж, что манси другим богам молились — деревянным? Не этим связь крепка. Хозяйственно дружили. Взаимную пользу имели. Одни — одно, другие им — другое. Перенимали друг у друга сметку, ремесло, повадки. Вот и жили. Не слышать было в наших местах, чтобы манси прикончил русского, а русским новоселам вовсе старожиллов тревожить было не к чему. Разве только верой Верхотурье донимало. Крестили манси. Крестили лаской, подкупом, случалось, и насильно. Манси не очень противились полам, особенно когда крещеным стали выдавать кафтаны, обувки, утварь. Другой манси крестился раза по четыре и более. Износит одежку и снова в Верхотурье: «Так и так, хочу принять законную веру» — и ну читать молитвы. Глядишь, опять кафтан, опять штаны. Ну, а к своим вернется, свою «лампаду» перед своим божком задует и вымолит прощение у божка, а если случится, что божок простить не пожелает, так бога можно и... дубинкой, а то и на костер. Другой смолевый бог из кедрового пня или из лиственя дает столько тепла и дыма, что жару на ночь хватит. А как потребуется новый бог — пеньков достаточно. Можно вырубить опять повеселее или пострашнее идола.

Словом, в соседстве жили русские и манси. В дружбе Аксинья не чуралась, встречалась с манси и много переняла у них охотничьих уловок. Но раз была такая встреча, что если бы сказать о ней Аксинье накануне, она бы посмеялась.

Выследив козла, Аксинья подползла к нему на выстрел и только было взяла его на мушку, вдруг козел скатился кубарем с горюшки.

«Кто это его?»

Ответа долго ждать не пришлось. К козлу бежал охотник-манси с луком. Он так ловко всадил стрелу, что для его ножа мало осталось дела.

Встреча. Разговор. Знакомство.

Хотела было охотница оспаривать козла, да спорить не пришлось. Охотник сам поднес козла Аксинье. Аксинья не взяла козла, и тот его оставил. Разошлись.

Лес велик, широк, да тропы узки, особенно узки они, когда один с другим хотят столкнуться. Встретились опять. Опять поговорили, посмеялись, и вскоре дело повернулось так, что, по какой тропе охотница ни шла бы, охотник

встречает. Как будто он из-под земли вдруг вырастет и начинает, здороваясь с Аксиньей, коверкать русские слова, а ей это коверканье становится куда приятнее кержацкой чистой речи.

Мелькают дни, идут недели. Аксинья мазать стала из ружья. И тот постреливать стал мимо цели, верную добычу упускать, зато при встречах, робея и бодрясь, он бил по цели невидимыми стрелами любви. Сама Аксинья натянула тетиву, сама позволила ему избрать себя и рассказать ей ломаными русскими словами о любви манси.

Едва ли живы те деревья, что слышали о том, как любит манси, что видели, как девичьи глаза Аксиньи в ответ пустили сотни стрел и молча назвали охотника Степана женихом.

Привела Аксинья возлюбленного в скит и объявила своим суженым. Был в этот день и шум и гам в скиту и охи стариков, вопли старух и вздохи молодых. Один даже всердцах пощупал нож за голенищем, да дедова рука сдержала. Убить манси — всех погубить и скит открыть. Далеко ли Тагил! Начальство рядом. Тогда конец кержацкому скиту. Вогулы не простят обиды. Выдадут крамольное гнездо — и всех их в гору, на руду. Гора Высокая — исток демидовских богатств — в руках нуждалась крепко, и беглый, пойманный, опальный, попав к демидовским властям, шел работать в гору.

За пять кунит, за две лисы, за связку белок верхотурский поп в церквушке на отскоке тайно обвенчал Степана Чумпина и девицу Аксинью Микуличну. Обрядный муж, не сводный. Не по лесным законам, как зверье, как беспоповствующее кержачье, сошлись Аксинья и Степан — венчально, при свечах, у аналоя.

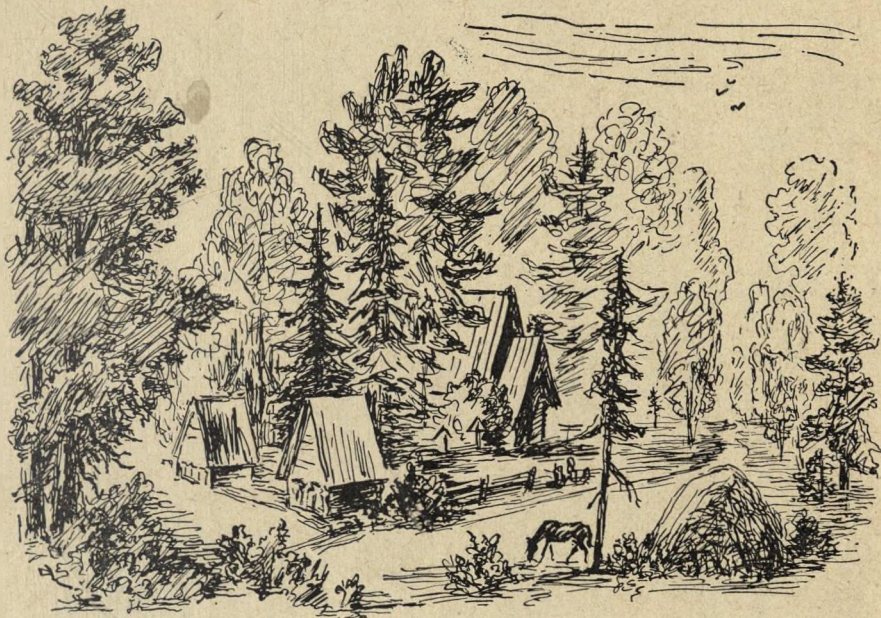
Распел Степан Аксинье девичью косу. Две недели в обнимочку, в развалочку шли молодые в обратный путь по тропам. Хозяином пришел Степан. Хозяином жены, коня, ружья и маленькой курной избушки.

Счастливо потекла их жизнь. Редкий год не прибавлял им сына или дочь. Шли годы, и на речке Кушве в новом доме, неподалеку от скита, появилась новая семья. Сыны росли и здоровели. Свои опушки распахал Степан, свою корову начала доить Аксинья и стричь своих овец.

Чаша семьи Степана Чумпина полна, да небогата. Аксинье стала вспоминаться иная жизнь — родная слобода, отцовский распорядок в доме, утварь московская, московские наряды. Лесная жизнь скупа и одноцветна. Тагил дымил в те годы не одной трубой. И каждый раз, когда Аксинье случалось побывать в демидовских местах, где жизнь была ключом, где люди выплавляли из руды не только лишь металл, но и большую жизнь, задумываться стала баба.

— Степан! Растут сыны и дочери. Растут, не видят света. Что из них станется? Какое мы оставим им наследство? Ружье, избу да старого коня? Гляди-ка, люди домны ставят. Живут не так, как мы. Подумать надо о ребятах. И о себе надо подумать. Нам жить да жить еще. Охота кормит, а одной едой нельзя быть сытым. В люди надо выводить сынов, давать им дело надо в руки.

На глазах Аксиньи ее отец, имея в руках дело-ремесло, шаг-

нул широко. На ее глазах шагал Демидов. Акси́нья ви́дела, как тут и там отыскивались руды и задувались доменные печи.

Выслушал Степан жену, сказал ей:

— Не пропадут наши ребята в нужде и в бедности. Есть для моих детей богатое наследство. Да только как его возьмешь? — И показал Степан Акси́нье гору.

Чудесна была та гора. Акси́нья и Степан ви́дали руды на Высокой, но таких руд в таком обилии едва ли кто знавал тогда. Глыбами, острыми камнями торчали руды из горы. Чудесно было свойство этих руд. Они ружье притягивали с такой силой, что еле оторвешь.

Конечно, легенда и молва всегда прибавят вдвое, но, видимо, гора настолько удивила Акси́нью, что она с того дня, как побывала на ней, не говорила ни о чем, кроме горы. Сказалась в дочери отцова кровь.

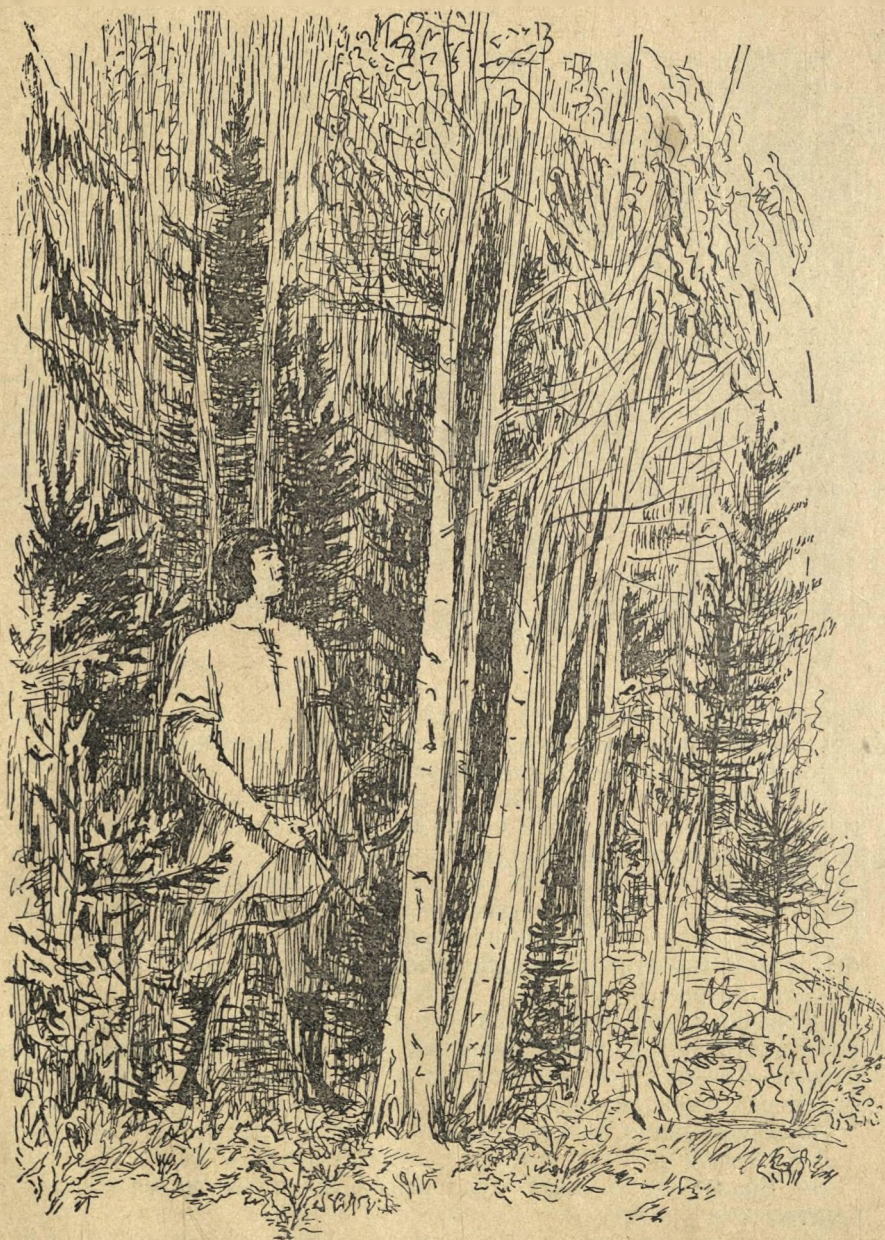
— Жизнь надо давать горе!

— Какую?

— Челом надо царю ударить. Опала снимется, забудут бегство и наградят.

Степан отмалчивался. Не решался. Открытие горы Степану перешло от отца. И он был волен распорядиться ею. Но магнитное свойство горы было так чудесно для племени манси, что старейшины провозгласили гору священной. Там было мольбище. Степан боялся объявить в Тагиле о горе. Он понимал, что за прощением жены и за большой наградой понаедут люди — и мольбищу будет конец. Сородичи за это спасибо могут не сказать. И кержаки не будут благодарны.

Но разве переспорил кто-нибудь когда-нибудь жену? Акси́нья

настояла на своем: нельзя богатства прятать от царя. Нельзя для идолов забыть себя. К тому же рудознатцы государевы из года в год шныряли чаще, глубже. И если они откроют гору, тогда к старой провинке добавится еще одна вина — знала и молчала про руду. Указ же был: указывать, кто что найдет в земле.

Степан увидел, что правда у жены, и согласился объявить о новых рудах.

Зверь, как говорится, на ловца бежал.

СТРАНИЧКА ИЗ ЛЕТОПИСИ

Весною 1735 года шихтмейстер Сергей Ярцев, служивший на Шайтанском демидовском заводе, ездил по назначению казны для присмотра за частными заводами. Вместе с приказчиком того же завода Мосоловым они решили осмотреть железные руды, найденные заводскими служителями при речке Баранче. Неподдалеку от тех мест жил Степан.

Ярцев и Мосолов остановились в мансийской деревушке Ватиной, в доме крещеного манси Якова Ватина. Вот в этом-то доме и появился Степан Чумпин. Ярцеву были предъявлены образцы новой руды. Не поверили сначала Мосолов и Ярцев Степану, но вслед за образцами Степан указал и рудную гору, откуда были взяты эти образцы.

Большие события начались вслед за этим. Явился сам Акинфий Демидов на речку Кушву и тайно предложил горнозаводскому начальству большой откуп, чтобы оставить гору за собой.

Кавалер и барон Николай Григорьев сын Строганов посылал лазутчиков осматривать гору и хотел начать судебную тяжбу за овладение горой.

Зашевелились и купцы Осокины. Даже до верхотурских и кунгурских мужиков дошел слух о великом открытии, о новой рудной горе.

Уральскому главному командиру горнозаводской промышленности Татищеву сообщили из екатеринбургской пробирной палаты о результатах пробы руды, которая дала железо мягкое, доброе, жильное.

Заскрипели телеги, повалились старые деревья. Татищев начал рубить дорогу на Кушву. Пришел день — прикатила карета Татищева. Изумился он и свита, увидев рудное богатство. Никто не мог взобраться на черные магнитные столбы, торчащие из горы. Гора захватила все мысли Татищева. В его голове уже возникали заводы, домны. Новый промышленный куст Урала.

— Господа! — воскликнул он. — Это сокровище из сокровищ, гора из гор! Настанет ли год, когда можно будет дойти до ее рудного дна?

Государство Российское получило новый богатый железный рудник. Слава о нем быстро докатилась до Москвы и перемакнула в Европу.

Как же был награжден Степан Чумпин, указавший гору? На это отвечает летопись и конец легенды.

КОНЕЦ ЛЕГЕНДЫ О ЖЕЛЕЗНОЙ ГОРЕ

Горстью меяков пожаловали царские управители великого сына нашего народа Степана Чумпина.

Пожизненной кабалой наградили Аксинью Микуличну и ее чад. В гору загнали жену Степана, одержимую высокими помыслами — дать жизнь горе, дать жизнь своим сынам.

Поблагодарило Степана и темное племя охотников за выдачу горы русским, за поругание над мольбищем: сожгли Степана на вершине железной горы.

Говорят, умирая, завещал он сынам, внукам, правнукам выволить гору из хищных рук и владеть этим наследством сообща.

Если взглянуть в лица наших старожилков, в лица потомков Степана и Аксины, то пристальный взгляд увидит Степановы мансийские черты и вечную немеркнущую русскую красоту легендарной прабабки Аксины.

Так кончается одна из легенд, которая нам показалась любее других, ближе и лучше. А сколько тут правды, сколько домысла и вымысла, судите сами.

АНДРЕЕВИЧ ЕВГЕНИЙ
АНДРЕЕВИЧ,
журналист

ЖЕЛЕЗНОЙ ГОРЕ ПРИСВАИВАЕТСЯ НАЗВАНИЕ

Вскоре Татишев отправил письмо императрице Анне Иоанновне:

«Сего сентября 5 числа ездил я отсюда на реку Кушву и, приехав на оную 8 числа, осматривал. Она гора есть так высока, что кругом видеть с нее верст на 100 и более; руды с оной горы не токмо наружной, которая из гор вверх столбами торчит, но кругом, в длину и поперек, раскапывали и обрели, что всюду лежит сливная, одним камнем в глубину. Для такого обстоятельства назвали мы оную гору — **Благодать**, ибо такое великое сокровище на счастье вашего величества по благодати божией открылось, тем же и вашего величества имя в ней в бессмертность славиться имеет».

С тех пор и осталось за горой имя Благодать, что по-древнееврейски обозначает Анна. Наши люди не знают этого, а те, которые и знали, не хотят помнить. Благодать осталась и живет в народе как настоящее достойное название богатого благодатного рудного месторождения. А если сейчас мы и вспоминаем бездарную царицу Анну, породившую ненавистную бирю-

новщину, то только потому, что слово из «песни» выкидывать не хотим, хотя настоящая-то песня совсем о другом говорит:

Урал необъятный,
Урал благодатный,
Родная гора Благодать!
Ты сгалью булатной
Прославлен стократно,
Тебе не впервой
побеждать...

Вечная память и вечная слава другу русского народа мансийцу Степану Чумпину, связавшему на веки веков свое имя с нашей горой Благодать!

Так началась история древнейшего уральского железного рудника — горы Благодать, родной сестры горы Высокой.

Гороблагодатское месторождение занимает одно из первых мест не только на Урале, но и во всем мире.

Геологи так характеризуют его.

БРОНИЦКИЙ ЯКОВ АНАНЬЕВИЧ,
главный геолог рудоуправления

ГЕОЛОГО-ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Гора Благодать расположена на восточном склоне среднего Урала, в тридцати километрах от хребта — границы Европы и Азии, ее координаты $59^{\circ}41'$ восточной долготы и $58^{\circ}17,5'$ северной широты. Эта возвышенность, вытянутая с юга на север, с довольно плавным запад-

ным и крутым восточным склонами. Вершины горы над уровнем моря поднимаются до 360 метров.

В целом район Благодати представляет собой типичное предгорье Урала и характерен слабой расчлененностью рельефа. Пространство между холмами представлено низинами. Речная сеть района развита слабо. Самыми крупными являются реки — Большая Кушва и Малая. У восточного подножья горы Благодать берет начало река Половинка, впадающая ныне в Туринский пруд.

В климатическом отношении район относится к резко-континентальному.

Геологически район характеризуется преимущественным развитием изверженных и осадочно-метаморфических (измененных) пород. Разнообразие горных пород горы Благодать по их составу, способу образования и условию залегания говорит о весьма древней ее истории.

Когда район горы Благодать, как и значительная часть Урала, представлял море, то на размытую поверхность отлагались осадки органического и неорганического происхождения, впоследствии ставшие основанием таких пород, как сланцы, песчаники, известняки и др.

Большие вулканические извержения, происходившие на дне моря, способствовали образованию железных руд.

Образование залежей железных руд связано с вторжением глубинных пород в толщу пород осадочных. Железорудные залежи Благодати расположены главным образом по восточному склону. Преобладающая форма рудных тел представляет собою пластообразные залежи, реже — отдельные линзы и штоки.

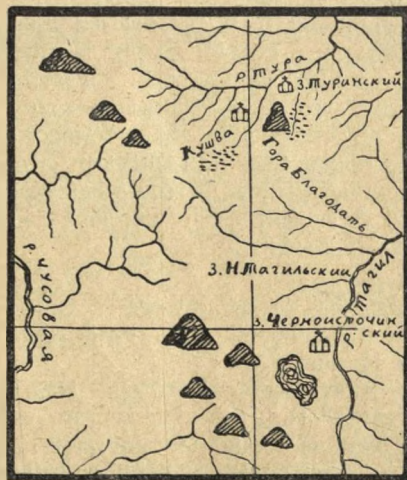
По составу руды горы Благодать делятся на два основных типа: первый из них — магнитные железняки с весьма незначительной примесью нерудных пород; второй тип — так называемые оспенные руды с вкраплением других пород.

Запасы магнитных железняков горы Благодать огромны. Большое содержание в них железа предопределяет широкие возможности и перспективы рудника.

Названные залежи относятся к коренным рудам, залегающим на месте их первоначального образования. Помимо них на Благодати распространены валунчатые руды. Россыпи этих валунчатых руд произошли в результате разрушения и сноса коренных руд. Валунчатые руды являются уникальными по своему качеству.

Такова в кратких чертах геологическая справка о горе Благодать.

А теперь вернемся к прошлым дням и послушаем, что происходило после того, как Василий Никитич Татищев послал свое письмо императрице.

ЗАКРЕПОЩЕННАЯ ГОРА

ХМЕЛЬНОВ НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ,
краевед

ГОРА БЛАГОДАТЬ ПОРОЖДАЕТ ЗАВОДЫ

Из мрака веков, беспросветных ночей
Уральские домы восстали.
Забрезжило зарево первых печей,
Прабабушек нашей стали.
В них ядра, и плуги, и млат, и булат,
В них детство российских заводов.
Бессмертны вовеки уральцев дела,
Дела великана-народа.

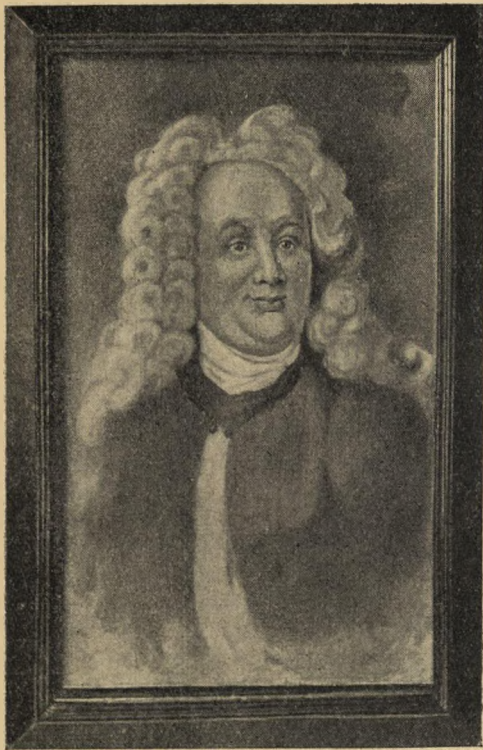
Пока скакал до стольного града
Питера гонец с донесениями об от-
крытии горы Благодать, пока до-
кладывали бездумной императрице
Анне донесение Татищева, пока в
ее куриных мозгах созревало реше-
ние, Татищев, не дожидаясь ответа,
приступил к делу.

Осенью 1735 года у подножья
магнитной горы Благодать заскри-
пели телеги, появились рабочие. На
берег реки Кушвы пришли рабочие
с Черноречского и Сылвинского за-
водов, лялинские рудокопы, рекру-

ты из приписных слобод. Повыгнал
Татищев и раскольников из скитов,
запрятанных в дремучие тайные ча-
щи уральских лесов.

В декабре 1735 года, когда уже
фактически были начаты работы,
Татищев получил высочайший указ,
в котором говорилось: «На всепод-
даннейшие ваши доношения от раз-
ных чисел, полученные во всемило-
стивейшую нашу резолюцию, пове-
леваем следующее: обретенную го-
ру ради богатой, по вашему показа-
нию, железной руды, именовать
Благодатью».

Насчет приписки крестьян к за-
водам был дан неопределенный
ответ, а на вызов для добровольно-
го поселения желающих из других
уездов разрешения не последовало.
Предвидя отрицательный ответ на
некоторые свои просьбы, Татищев,
нетерпеливый по природе, не дожи-
даясь ответа из Санкт-Петербурга,
после поездки на Благодать немед-
ля приступил к приготовлениям по
постройке заводов, домов, казарм и
амбаров на горе Благодать.

В. Н. Татищев.

С весны 1736 года началась постройка плотины и доменных печей на реке Кушве; сделаны приготовления к постройке завода на реке Туре, в девяти верстах от Кушвы; избрано место для третьего завода на реке Имянной, впадающей в реку Туру (впоследствии это место было признано неподходящим).

Размах у Татищева был широкий: в два года он надеялся закончить постройку заводов, которые по его расчетам должны были давать в год до 50 тысяч рублей чистой прибыли. Но замыслы свои Татищев не смог осуществить. В Горном управлении готовились перемены. Для заведывания всеми горными делами временщик Анны Иоанновны Бирон вызвал из Саксонии барона Шемберга.

При Шемберге значение Татищева

умалилось: прежде он был подчинен только императорскому кабинету и сенату, писал донесения прямо императрице, а теперь должен был сноситься через Шемберга, который, кстати говоря, не жаловал Татищева.

Попробовал было Татищев опять просить о приписке к Кушвинскому заводу крестьян, но, кроме сухого обещания, ничего не получил. Следствием отношения Шемберга к Татищеву было то, что в мае 1737 года он был назначен начальником Оренбургского края, причем за ним было оставлено наблюдение над уральскими заводами. Занятие новыми делами отвлекло в значительной степени внимание Татищева от заводских дел, поэтому постройка новых заводов пошла чрезвычайно медленно.

В начале 1738 года Татищев снова просит средств для полного устройства гороблагодатских заводов. Вместо ответа екатеринбургская канцелярия получает высочайший указ — представить срочно следующие сведения:

1) В каком состоянии кушвинские заводы?

2) Сколько в год дают прибыли?

3) Сколько в руде чистого металла?

4) По какой цене железо и чугуна?

5) Сколько в год можно получить, если пустить все 10 доменных печей (предположенных Татищевым)?

6) Как глубоко руда лежит?

7) Сколько весу в 1 кубической сажени руды и сколько из нее чугуна?

8) В каком расстоянии пристани и каковы дороги?

Для ответа на эти вопросы екатеринбургская канцелярия заводского правления командировала бергмейстера Никифора Клеопина. Клеопин сообщил:

«1) Плотина Кушвинского завода

близка к окончанию; 2 доменных печи недокладено аршина 4 для надлежащей высоты (стоимость 17 505 руб. 8³/₄ коп.).

2) На Туре заводская плотина далека от окончания.

3) На горе Благодать добыто и приготовлено к обжогу — 148 000 пудов.

4) Заготовлено также много всяких материалов и припасов.

5) Под завод на Имянной расчищено только место, да и то еще немного.

6) От Кушвы до пристани на реке Чусовой 57 верст. Дорога прорублена и большей частью расчищена. Для зимы она удобна, но для летнего проезда необходимо сделать много мостов и гатей в болотистых местах.

7) Мастерских и рабочих при заводах 632 души.

Клеопиным была произведена разведка горы. Он пишет:

«В двух разных местах горы добыто было по 1 куб. саж. руд и обожжено, как следует, к плавке куб. саж. руды из одного места, где она была сливная (сплошная), без пустого камня и земли, — весила 2 386 п., а другая, которая добыта меж пустого камня и земли, — 1 616 п.; следовательно, средний вес 2 001 пуд. Добытая руда обошлась по 1 руб. 27 коп. за каждую тысячу пудов».

Клеопин предполагал устроить проплавку в Н. Тагильском заводе, но из Екатеринбурга ему сказали, что следует, сколь возможно, стараться запереть плотину и достроить хотя бы одну доменную печь, чтобы проплавку произвести в ней. Как ни торопились строители, а к зиме не успели ни кончить плотины, ни достроить домны. Клеопин вернулся в Екатеринбург 11 января 1739 года, собранный материал был отправлен в Петербург.

Типичная планировка старого уральского завода.

БЛАГОДАТЬ В РУКАХ БАРОНА ШЕМБЕРГА

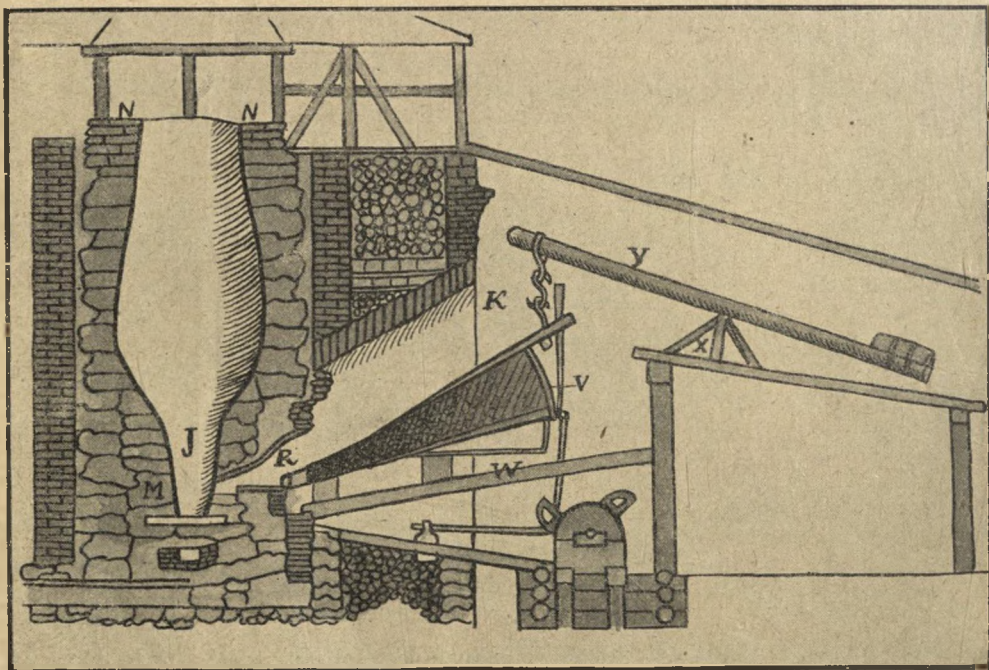
Из собранного материала было ясно, что гора Благодать представляет лакомый кусок, и это, вероятно, было причиной того, что Шемберг — орудие корыстолюбивого иностранца Бирона — выпросил гороблагодатские заводы в свое пользование со всеми запасами и постройками. В комиссии по передаче заводов в частные руки вопрос о передаче гороблагодатских заводов Шембергу первоначально разрешился не в его пользу. В решении комиссия записала: «Отдавать гороблагодатские заводы Шембергу неудобно, так как он будет радеть с одной своей партикулярной пользе, а не о государственной прибыли и пользе», но при давлении на членов комиссии бироновской партии они согласились на передачу заводов Шембергу и подписали акт, который был утвержден 15 февраля 1739 года. 3 марта

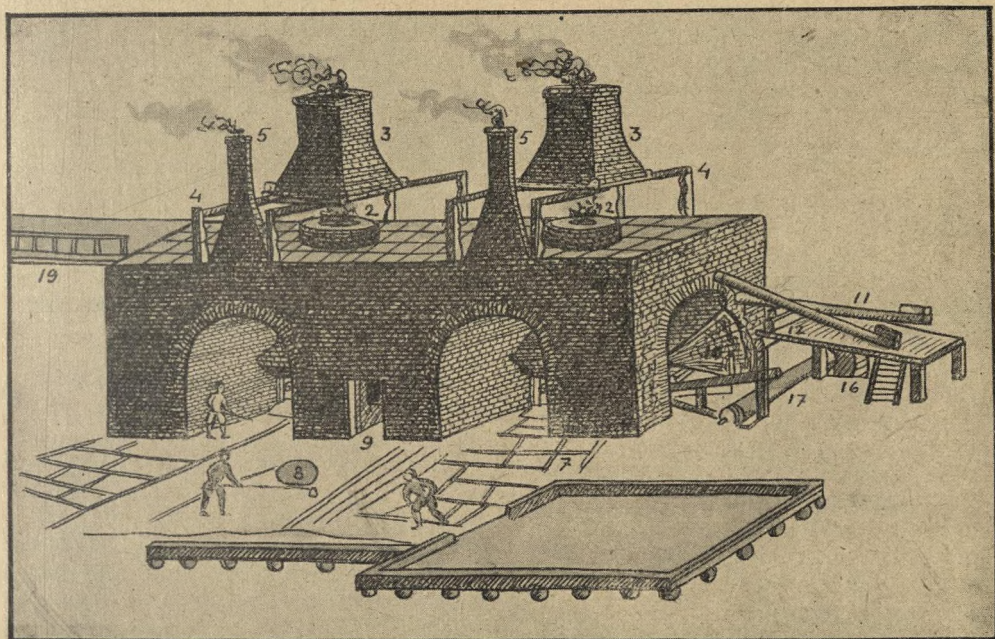
Шемберг получил гору Благодать с состоящими при ней заводами. Шемберг обещал учредить горную компанию для разработки руды. Это обещание он выполнил — горная компания составила из Шемберга, Бирона, горнозаводчика Акинфия Демидова и др.

Номинально главой компании был Шемберг, но фактически ею управлял не кто иной, как сам герцог курляндский Бирон. Ему по положению, занимаемому в государстве, неудобно было объявить себя главой частного промышленного предприятия.

Трудно придумать более льготные условия, на которых правительство Анны отдало гору Благодать и ее заводы Шембергу. За строения и припасы он должен был уплатить ничтожные суммы. Кроме этого, он получил баснословную по тем временам ссуду в 50 тысяч рублей. Ему были дарованы льготы, по грошовой

Разрез доменной печи татищевских времен.

Общий вид первых уральских домен.

цене продано все казенное заводское железо, с выплатой за него в неизвестный срок: «впредь до указа». Военное и морское ведомства, нуждаясь в железе, должны были его покупать не по «уговорной», а по вольной цене у компании Шемберг—Бирон (Бирон—Шемберг).

Всего этого императрице показалось мало. Она, так ограничивавшая рабочих для Татищева, приписала барону Шембергу три тысячи душ крестьян. Но и на этом не кончились императрицыны милости.

Управляющие заводами Шемберга, доверенные Карл-Готлиб Фогт и Вильгельм Вланкен-Гаген получали от казны жалованье под тем предлогом, что составляли комиссию для ревизии казенных заводов. Для ведения горных и заводских работ были посланы на гороблагодатские заводы штейгеры и мастера, выпитанные из Саксонии для казенных заводов, содержавшиеся тоже на

«казенном коште». При таких средствах можно было закончить постройку Кушвинского и Туринского заводов. В 1739 году началась выплавка чугуна. Сведений о количестве добытой руды и выплавленного чугуна нет. Только в позднейших указаниях Фогта сказано, что по 1742 год приготовлено:

Железа и железных инструментов	71 736 пудов
Отлито чугунных припасов	31 116
Итого	102 852 пуда

Надо думать, что Фогт преуменьшает действительные цифры, чтобы скрыть настоящие доходы своих фактических хозяев.

БРАХ БАРОНА ШЕМБЕРГА

За три года владения гороблагодатскими заводами и горой Благодать Шемберг не только не выплатил заниженных сумм стоимости за-

водов и не возвратил полученных наличными 50 тысяч рублей в качестве ссуды, но и ухитрился не внести государственной пошлины с добытых руд и выплавленного металла, которую платили все заводчики того времени. Он не платил и подушных за приписных крестьян и обманул правительство, не заплатив ему за 570 тысяч пудов железа, купленного у казны по сходной цене, установленной временщиком Бироном. Этот ловкач и проходимец, не заплатив более чем за полмиллиона пудов железа, принадлежащего казне, продал его этой же казне за наличные деньги.

Василий Никитич Татищев подсчитал, что убыток Российского государства за время правления иноземца Шемберга выражается в 400 тысяч рублей.

Так царица Анна разматывала отечественные богатства, раздавая иностранцам и горы, и недра, и земли, и воды.

Были ли в то время на Урале русские люди, способные руководить заводами и рудниками? Да, эти люди были. Кто как не они вывели отечественный металл на первое место в мире, внося усовершенствования, предлагая передовую для того времени механизацию. Великий изобретатель огнедействующей машины Ползунов, автор проекта фабрики-автомата Фролов прогивопоставляли баронско-царскому хищничеству машину. «Птенец гнезда Петрова» Татищев и его группа боролись по мере сил против иноземного вторжения проходимцев типа Шемберга, получавших царское покровительство.

Предания и легенды, «тайные сказы рабочих Урала» донесли до наших дней гнев порабоженного работного люда Урала, сознававшего себя и в те годы хозяином своих гор.

После смерти Анны и свержения Бирона барон фон Шемберг — бироновский агент — был

изгнан с горы. Казалось, что справедливость восторжествует и Шемберг будет привлечен к ответственности за хищения и прямой грабеж, но «ворон ворону глаз не клюет»: Шембергу дали возможность сбежать за границу.

АНДРЕЕВИЧ ЕВГЕНИЙ АНДРЕЕВИЧ,
журналист

ГОРА БЛАГОДАТЬ С НОВА ПЕРЕХОДИТ В КАЗНУ

Кирка да лопата, лом да топор были единственными орудиями производства тех лет.

Большим трудом, ценою громадных усилий строил уральский народ новый завод. Летом комары и зной, зимой морозы и ветры донимали строителей. Многие из них полегли костями на дамбе Кушвинского пруда и на фундаментах домен.

Кушвинский завод, как большинство заводов Урала, получил название по реке, на которой он возведен. С возведением завода стал расти и поселок Кушва.

Не одни русские были строителями и основателями Кушвы. Население увеличивалось за счет рекрутов, в числе которых были чуваша, марийцы и пермяки. Они, как и манси, обрусели и смешались с русскими людьми, оставив свои черты во внешности коренных уральцев.

Задымили первые домны Кушвы, следом за ними туринские и другие. Все глубже входил заступ и била сильнее кирка в богатырскую железорудную грудь горы Благодать. К заводу приписывались все новые и новые деревни. Крепостные крестьяне, работавшие главным образом на подвозке руды, валке леса и на углежжении, прибывали сюда иногда за двести, за триста и за четыреста километров.

Потом тысяч людей добывались бешеные прибыли для хозяев горы Благодать и окрест ее дымивших заводов.

Заводы снова перешли в казну. Об этом в горной Уральской летописи сказано:

«...7 апреля 1742 года, в царствование Елизаветы Петровны, заводы и рудники были отобраны у Шемберга в казну. С переводом заводов в казну тотчас же были удалены управители, рудокопы и плавильные мастера из саксонцев и заменены русскими, так как заводское начальство прямо заявило, что заводы «в немцах вовсе не нуждаются и впредь никакой прибыли от них, кроме убытка, ожидать нельзя». Заводское производство решено было увеличить. В 1747 году начата была постройка Баранчинского завода, в 15 верстах от Кушвинского завода, при слиянии рек Октя и Баранчи. В 1749 году Баранчинский завод был пущен в ход».

Гора Благодать со своими заводами, едва ли не первая из уральских заводов и рудников, стала государственной, но не надолго.

О ГРАФЕ ШУВАЛОВЕ

ТРЕБЕЛЕВ АЛЕКСАНДР ИСАКОВИЧ,
инженер-конструктор

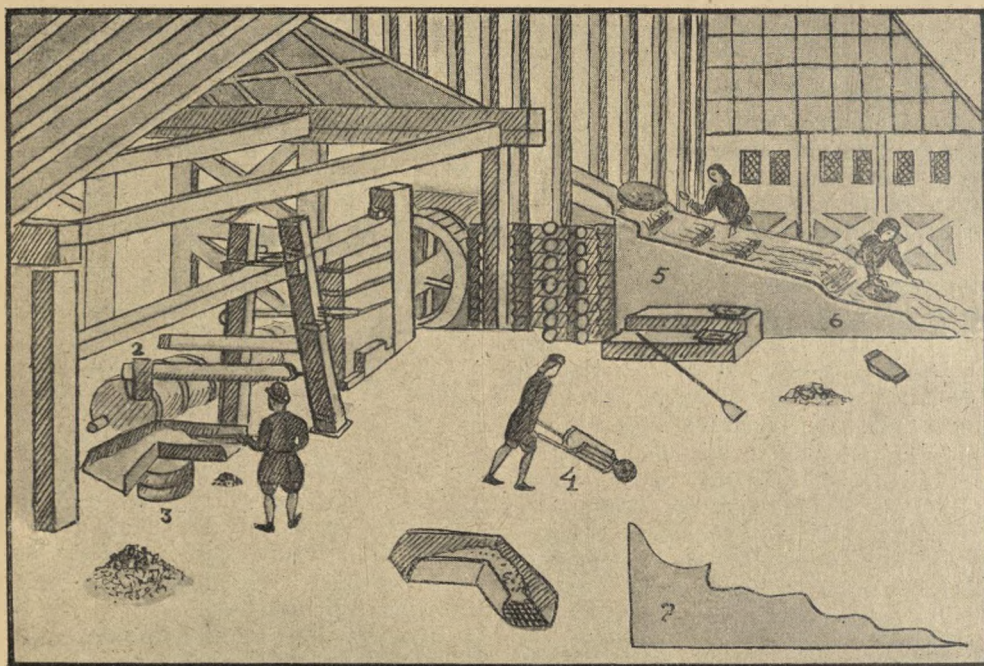
В начале 1754 года был снова поднят вопрос о передаче казенных заводов в частные руки. В комиссии, составленной по этому поводу, вероятно под давлением графа Петра Ивановича Шувалова, имев-

шего в то время большую силу, решено было все казенные заводы постепенно передать в частные руки. Указом правительствующего сената 5 мая 1754 года гороблагодатские заводы были уступлены графу П. И. Шувалову, «яко к тому содержанию и размножению оных заводов надежной персоне». Шувалов получил заводы с приписными мастеровыми, материалами, припасами, выплавленным чугуном, чугунными изделиями и даже уже отправленным в караване железом за цену стоимости казне; а стоимость была выведена за все 179 689 рублей ассигнациями. Сумму эту должно было уплатить казне в течение десяти лет. Получив заводы на таких льготных условиях и имея большие средства и связи, Шувалов мог принести много пользы округу. На первых порах он принялся за дело энергично. Указом берг-коллегии от 5 декабря 1754 года ему было разрешено своими средствами строить Серебрянский железодельный завод и, кроме того, Воткинский и Ижевский заводы на Каме, в Вятской губернии, для переделки гороблагодатского чугуна.

Новая императрица, Елизавета Петровна, пообещав продолжать политику Петра Первого, на деле повторила низложенную ею предшественницу Анну.

Нельзя не удивляться легкости, с которой императрица разбазаривала государственную промышленность. Не добившись порядков на казенных заводах, она отмахнулась от них, даря, сдавая, продавая и просто оставляя на произвол судьбы замечательные творения народа. Недаром об этой императрице поэт А. К. Толстой написал:

Веселая царица
Была Елизабет.
Поет и веселится...
Порядка все же нет.

«Промывальня» старого уральского металлургического завода.

Шувалов, подобно Шембергу, не платил казне по своим обязательствам. После смерти Шувалова императрица Екатерина, ввиду полного расстройств заводов и больших казенных недоимок, достигших около 700 тысяч рублей, повелела взять их обратно в казну.

С 1769 года рудник горы Благодать с его заводами остается собственностью государства.

Все же, несмотря на хищничество менявшихся хозяев, злоупотребления, отсталость и плохую техническую оснащенность, первая половина XVIII века была периодом бурного расцвета уральской промышленности. Урал не только удовлетворял потребность русской армии и русского флота. Значительная часть уральского металла вывозилась за границу, где успешно конкурировала с английским и шведским металлом.

Неистоимость сил нашего на-

рода сказала и тогда, в те глухие, бесправные крепостные годы.

Гора Благодать становится центром большого горного округа, названного ее именем, — Гороблагодатский.

КРЕПОСТНАЯ ГОРА БЛАГОДАТЬ

Каким был труд в этом большом Гороблагодатском округе, на чем основывались огромные доходы с его заводов?

Принципиально крепостной рудник ничем не отличался от крепостной фабрики. Пригнанные беглые, пойманные коренные жители и «вольнонаемные» подпадали под общий режим, закрепощались хозяевами и рудничными властями и становились кабальным, крепостным рабочим ядром горы Благодать.

Только при Шувалове, получившем Гороблагодатский округ, было

приписано до тридцати трех тысяч крестьян.

Баракы, казармы, черные избы являлись жилищем постоянных рабочих рудника и прилежащих к нему заводов.

Рабочий день горняка достигал четырнадцати часов в сутки. Тяжелые горные работы велись только вручную, труд превращался в непосильную каторгу.

Известное представление о добыче руды дают архивные материалы, собранные и переписанные по поручению начальника Гороблагодатского округа К. П. Голяховского:

«...Железные руды горы Благодать лежат весьма близко к поверхности, они и добываются на всех рудниках разносома. Для чего, удостоверясь предварительными цифрами в каком-нибудь месте, что они в значительном количестве,

снимают и относят накрывающую их толщу, которая всегда бывает до такой степени разрушена, что представляет рыхлую землю. Обнажив таким образом руду, и добывают оную, можно сказать, почти всегда порохострельною работою, употребляют для сего следующие инструменты и припасы:

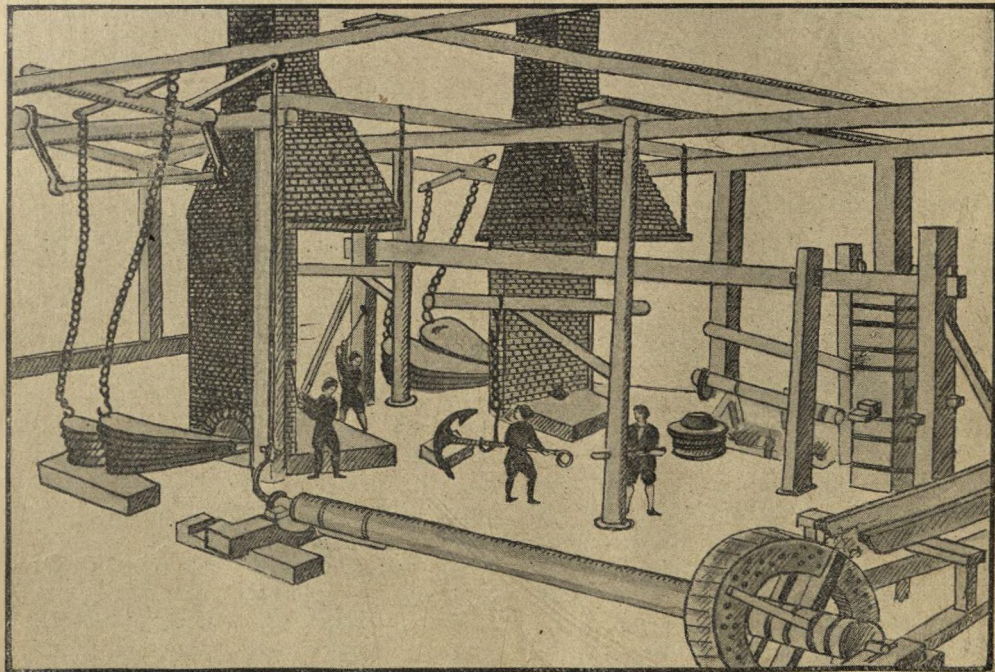
Ручной долотчатый бур длиною от $1\frac{1}{2}$ до 2 аршин; толщиною в $\frac{1}{8}$ дюйма стального наварка обоех концов, одного наподобие долота, а другого наподобие головки для битья по нему молотом.

Молот весом от 10 до 15 фунтов.

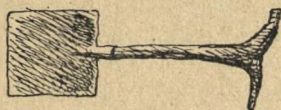
Железная чищалка длиною в $\frac{1}{2}$ аршина, соразмерной толщины, с ложкой на конце, употребляемая для освобождения от измельчающейся в буровой скважине руды.

Штревень, по-здешнему «прожог», делаемый из медного прута длиною в аршин, а толщиною в 3 ли-

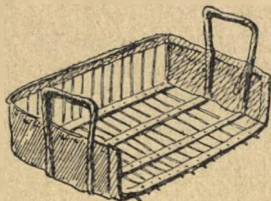
Старая латорная фабрика.

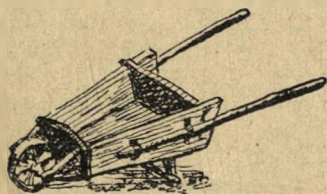
нии, употребляемый для образования скважины, в которую кладется затравка, для чего он и делается медный, а не железный, дабы при забивании буровой скважины не

могло произойти искры. Скважина заряжалась $\frac{3}{4}$ пороха, смешанного с древесными опилками. Засыпав порох и опилки, их трамбуют, затем замазывают глиной, оставив отверстие для затравки, воспламеняющей заряд.

Зарядив таким образом несколько буровых скважин, работники уходят, кроме одного, который зажигает все затравки, одну после другой, и прячется в безопасное место. Огонь добегают до пороха и производит взрывы руды или камня в том месте, где было менее

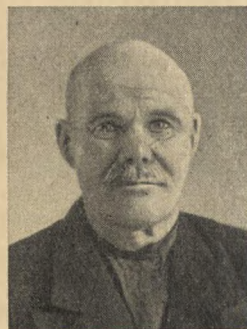

сопротивления, причем иногда одним зарядом отрывается до 500 пудов руды, иногда только делаются трещины около скважины, тогда доканчивают отделение руды кайлами и ломом. Оторванные и отделенные таким образом глыбы разбивают клиньями и балдами,

делают разбор и, нагребая железными гребками и граблями в деревянные корытца, складывают в тачки или носилки и относят или откатывают руду на «пожог», подрубки в особенную руду, а пустую породу в отвал.

На каждого человека ежедневно приходится от пятидесяти до восьмидесяти пудов добытой руды с помещением ее на пожог и уборкой подрубка и пустой породы».

БАБ В СТАРИНУ РАБОТАЛИ

НИКУЛИН СЕМЕН ГРИГОРЬЕВИЧ,
техрук промысловой фабрики

От стариков я слышал, что во время крепостного права рабочих на добычу руды привозили из разных мест. Труд был тяжелый, таскали руду корытцами. Корытца были деревянные. Из выработок вытаскивали носилками. Бурили железными бурами, взрывали минным порохом, в который подмешивали древесного опилу. После заправки смазывали лучинки минным порохом, сделанный шнур сверх пороха забивали глиной и зажигали. Много было несчастных случаев во время паления, а также и во время пробивки отверстия для заправки. Штревни были сначала железные, а потом их заменили медными. Задание не выполнялось ввиду неопытности, а также из-за плохой организации труда. За не-

выполнение наказывали розгами. Некоторых прогоняли через строй. Выстраивали солдат в две шеренги; у каждого была розга. Двое солдат ведут жертву с обнаженной спиной; каждый солдат, стоявший в строю, стегал по спине, а сзади, которые шли, проверяли. Если слабо ударит солдат, то ему поставят метку и его тоже накажут розгами. Если жертва не выдержит — падает без сознания, приводят в сознание и продолжают отсчитывать намеченное число ударов.

Теперь о питании. Выдавали на месяц один пуд муки, членам семьи — двадцать фунтов. Крупы или гороха давали пять фунтов. Вот и вся провизия. Одежду и белье носили самотканые, изготавливали из льна. Лен сеяли около пней. Чистого места не было. Валили лес и между пеньков сеяли. Тяжко жилось тогда, а работалось еще тяжелее. Одним словом, крепостной, подневольный труд. Вот Иван Павлович Хайдуков тоже может порассказать, что за труд тогда был, что за убогая техника.

Хайдуков Иван Павлович,
старый горнорабочий, ныне пенсионер

Да, уж про эту технику я понаслышался от стариков. Как сейчас, вижу картины, которые старые люди нарисовали мне, когда я еще во все мальцом был. Вот как было дело.

Артель человек в тридцать-пятьдесят занимала участок: ломщики, буровщики, молотобойцы, катали, сортировщики по забоям, в своих постаях день и ночь обливались потом, грызли склады горы Благодать, отбирали руду от пустяка.

Равномерно, один за другим, молотобойцы опускают тяжелые кувалды на головки ручных буров. Все глубже и глубже вводится бур в породу. И вот уже, извиваясь змейкой, бежит по фитилю дымок к пороху — трах, взрыв! Раскололась скала, и в раскол, в щели загоняет свой инструмент ломщик. Рушит камень за камнем. Растет гряда наломанной породы. Солонее от пота рубаха, а если зимой, так человек курится паром.

Начинается разборка породы. Место обметается начисто метлой, и на нем появляются груды: чистая руда — первый сорт, победнее — второй, колчеданистая, и рядом пустая порода.

В забое все меньше и меньше кусков, остается одна мелочь. Расставляются по забоям наклонные грохота, длиною аршин семь, шириной четвертей восемь, с бортами вершков до четырех. Втроем, вчетвером бросают люди на грохот оставшуюся в забое мелочь. Растут под прутковыми колосниками груды подрудка. Оставшаяся мелочь идет в «сушительный отвал». А там к штабелям готовой, отсортированной руды уже непрерывной лентой подходят подводы — руда пошла на завод, а колчеданистая на пожоги.

Пожоги закладывались в горы. Подвозит конница дрова, укладывает из них 2-аршинную клетку, а в середине из этих же дров выводит трубу. На первый слой дров наваливается такой же слой колчеданистой руды, потом опять дрова и снова руда и так раза три. Вокруг сердцевины пожоги забираются жердями — забором. Пазуха, по за-

борам, заваливается подрудком и мелочью. Сверху весь пожог тоже засыпается подрудком. Остается одна лишь труба. Готов пожог. Разгорается нижний слой дров, занимается внутри пламя, и тогда трубы заваливаются рудой и подрудком. Местами нет-нет, да и прорвется огонь. Не зевай, засыпай это место подрудком, не то государев кнут оставит след на твоей соленой от пота спине.

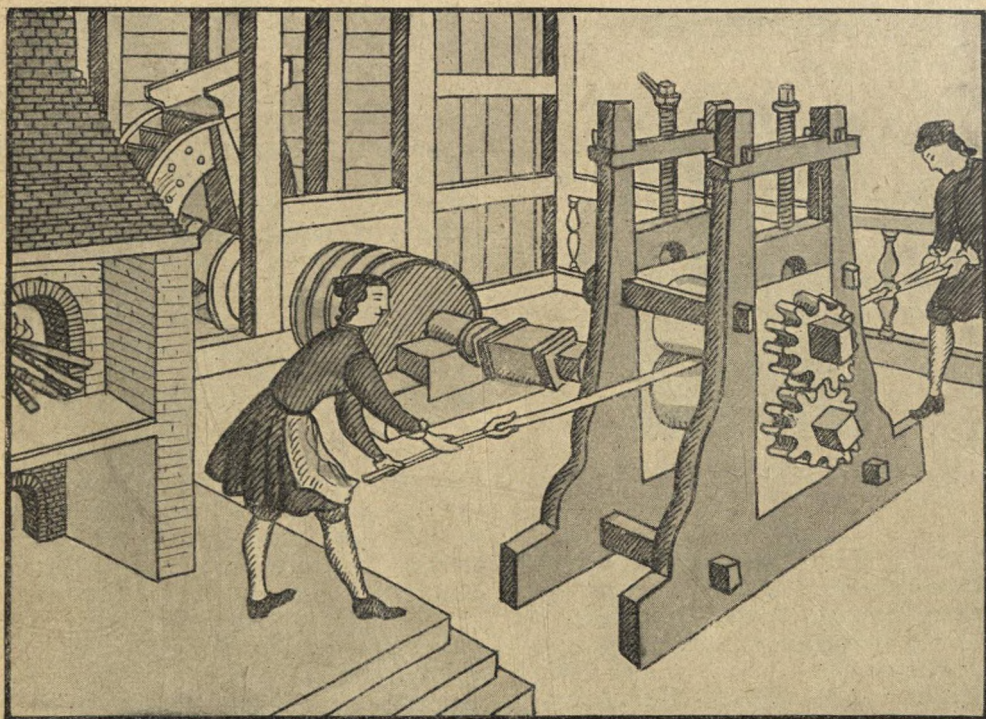
Прогорели дрова. Вскрывай пожог и грузи руду, готовую к плавке в доменной печи.

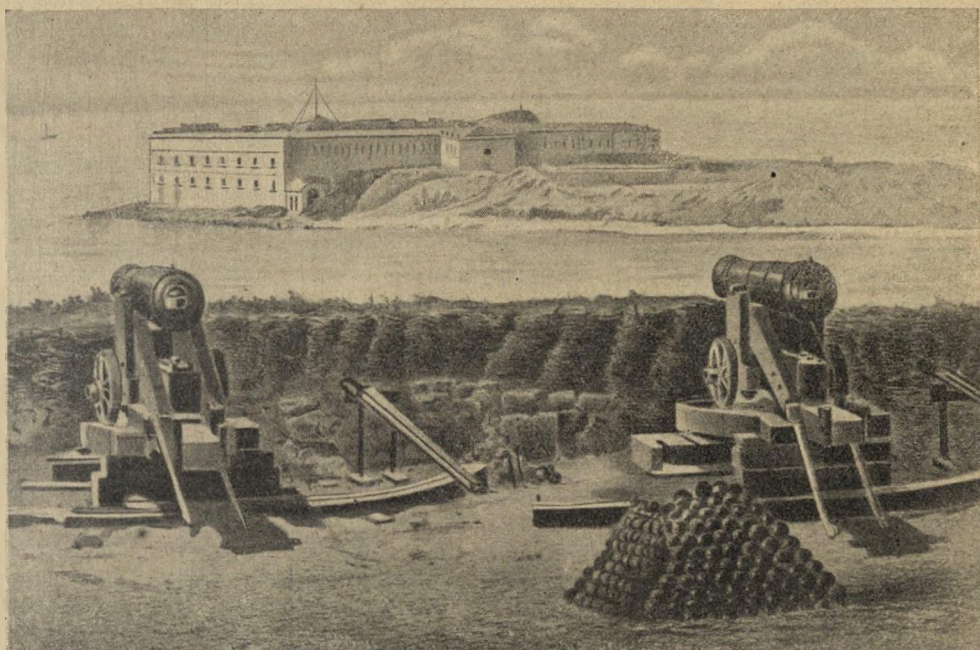
Жестоки были минувшие времена. Бесправен был предок наш — крепостной горняк. Безжалостны были господа начальники. Того же Генина взять, и он наших предков не очень жаловал. Вон он что в своей инструкции по приему руды на-

писал. Прочтите ее да вдумайтесь.

«...И как привозить будут руду, то определенному к тому берггауру и доменному мастеру осмотреть, что руда добрая ль и по-надлежащему ль обожжена и буде явитца добрая и обожжена по-надлежащему, то целовальнику велеть принять и сколько примут, тогда приставленным к тому поверенным записывать на тех данных крестьяном листах, которого числа, и на сколько возах, и сколько весом пудов привез, а тое записку чинить месячные числа цифром, а возы и пуды складом одною, а не разными руками и при целовальнике и доменном мастере, и, записав, прочесть, сколько записано при оных же мастера и целовальнике и при вошке, кто оную привез, и отдавать те записки возвратно во-

Старинный прокатный стан (по Генину).

Уральские пушки.

щикам. А они имеют их хранить для себя, а буде потеряют, то и зачету не будет. И когда всю по окладу руду вывезут, тогда те данные им листы объявлять в приписной конторе, которые рассмотрят; что одною рукою писаны и поверя, то ль число вывезено, что надлежит по окладу, и буде явитца сходно, записать руду в приход, и что она записана, на том листу подписать, в котором и на какой странице та ево вывозная руда в приход записана, и он отпущен в дом, и при том, закрепя управителю, отдавать им, вощикам, те записки возвратно вместо квитанциев. А ежели у кого из них, вощиков, явитца не одной руки записка или в числе пудов переправка, о том ими и кем надлежит следовать и по следствию, до чего дойдет, чинить по указам. А негодной руды, которая бывает с кремнем и с пустым камнем и не довольно обожженной, не принимать, а

буде в приеме явитца, то мастера доменного и берггаура штрафовать жестоко и убыток, что от того пустава камня и худой руды будет, доправить на них.

Оные руды принимать днем, а не ночью, ибо когда в ношное время принимать, то могут плохие руды приняты быть, как уже то здесь и было, ибо они, крестьяне, кладут на верх воза руду хорошую, а выспод не обожженую и плохую, и норовят с таковыми возами быть к ночи, чтоб оное их пронырство тем могло быть прикрыто».

ТРОФИМОВ ГРИГОРИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ,
старший доменщик

ПРО СТАРУЮ ДОМНУ

На нынешнюю домну посмотришь, она как кофейничек, на ней легко работать, а в старые годы совсем не такие домны были. Я с двенадцати

лет на домну пошел и захватил еще тех стариков, которые на самых старых домнах работали.

Старая домна так строилась: сначала сваи били, потом фундамент из камня выкладывали. Горн составляли из горного камня, а лещадь (под) из цельного горного камня клали. Больше сажени камни были. И стены тоже из горного камня клали, а камень этот каменосеки обрабатывали. Из кирпича-то домны позднее пошли. Стены у старой домны были толстые — до сажени доходили. Нутро горна на манер рюмки делали. Дутье было холодное, мехами. Мехи приводились в движение водой. Старая домна мало чугуна давала — 300—350 пудов самое большое. Работала на древесном угле. Засыпали домну через трубу чуманьями — железными корытами.

При мне старые домны ломали и при мне новые строили. Но и новые домны против тех, которые сейчас, тоже сильно отличались.

Теперь, конечно, ничего от старых домен не осталось — все перестроили. Молодежь, она не помнит той рабской техники, которая была в старое время.

Вот я и расскажу про весь доменный процесс, как он прежде велся.

Из рудника руду везли гужом — летом в колымагах, зимой на полозьях. Сваливали руду в отвал. Отвал был против заводской конторы, где теперь витрина стахановцев.

Там же стояли весы. Возчики заезжали на площадку весов и, взвесив руду, сваливали ее на отвал.

Зимой руда смерзалась. Мерзлые глыбы прямо с отвала грузили в тележки — короба, и катали везли тележки наверх, к колошнику.

Тележку везли двое каталей, а весила каждая тележка с рудой по тридцать и больше пудов.

На колошниковой площадке женщины и подростки дробили руду молотками.

Засыпное отверстие домны было закрыто железным колпаком — точь-в-точь как в избах у дымовой трубы. А к колпаку был привязан канат, и он через блок шел вниз к горну. Когда надо было открыть, кричали вниз рабочим. Те зацепляли канат за вороток и начинали крутить. Колпак медленно поднимался, из-под него рвалось пламя, газы.

Засыпщики, по-двое с каждой стороны, нагревали дробленую руду в чуманы и с них кидали руду в печь.

Жар невыносимый. Засыпщики постоянно ходили без бровей, без ресниц — все спалено, и глаза красные, слезятся, болят. Чтобы хоть немного защититься от жара, засыпщики пришивали к шапке суконную завеску, а на руки надевали суконные нарукавники. Но это плохо помогало.

И вот бросают с двух сторон руду и уголь. Пыль, жара, угар... Прямо ад, а не работа.

Летом руду дробили мальчишки прямо на отвале.

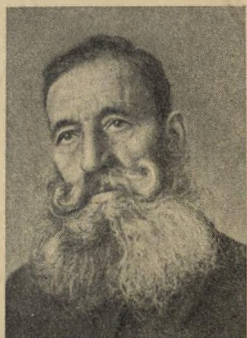
На берегу пруда стояли угольные сараи. Оттуда уголь на домны доставлялся тоже в вагонетках.

Раньше электричества не было. Светили у домны смоляными факелами, а в угольных сараях — свечками в фонарях. Можно сказать, ощупью работали, ведь при погрузке угля такая пыль поднимается, что в двух шагах этой свечки в фонаре не видно. Освещались еще смоляной лучиной. Надо итти фуры посмотреть — зажжешь лучинку и идешь.

Перед каждой домной был устроен литейный ток. На току был толстый слой песка. Подмастер с рабочими выдавливали в песке формы для чугуна. Горячий чугун выпускали на ток, в формы. Когда металл остывал, его разламывали на чушки и в колымагах везли на склад. А шлак застывал громадной плитой; его подденут длинными слегами, крючьями и под «дубинушку» тянут вон из цеха.

Работка была ой-ой-ой! Проклясть эту работу сам бог велел. Силы брала много, воды много, времени много, а металлу давала... тьфу! А уголь какой тогда жгли! Бесценный уголь древесный. А сколько надо было его при этом холодном дутье? Горы высокие угля требовались. А как выжечь его? Как доставить?.. Не по моей это специальности. Жигарей надо спросить из стариков. Те чин по чину опишут все: как их деды-прадеды лесовали и как кучи ставили. Одним словом, как в старые годы уголь жгли.

КАК В СТАРЫЕ ГОДЫ УГОЛЬ ЖГЛИ

БОЛОДКИН ВАСИЛИЙ ДМИТРИЕВИЧ,
старый горняк, ныне
инспектор по качеству

Вы интересуетесь, как в старые годы уголь жгли? Вот что я вам на это скажу. Самых-то старых лет, когда крепость была, ни я, ни дедушка мой не помним. Но через стариков, от тех, от крепостных стариков, слушок идет. Слушок такой: при крепости уголь так же жгли, как и при моем малолетстве. Все так же было, только в те годы кнутом в лес загоняли, а в мои годы — нуждой. Вот вся и разница. А суть одна. Раньше жигари в кабале были у господина правителя, а в мои годы к господину голоду перешли. Кото-

рый из них лютей, не могу сказать. Два сапога — один давит, другой жмет. Так и так долго-то не постоишь.

Угля этого требовалось видимо-невидимо. Бывало навалят целые горы. И тянутся эти горы от теперешней проходной мартеновского цеха до того места, где памятник Карлу Марксу стоит. Много людей, много лошадей требовалось, чтобы этот уголь заводу поставить. Проводилось это дело, помнится, так. С конца зимы заводоуправление объявляет: так и так, нужно угля столько, желающие взять подряды могут явиться и заключить договоры на поставку этого самого угля. Ну и являлись желающие. Мой отец тоже являлся. Конечно, чтобы подряд получить, надо было ублажить кое-кого. Одним словом, дать кому следует. Правда, были и такие, которые взятки не брали, но все-таки большинство не брезговало.

Дедушка мой Абрам любил выпить, поэтому лошадей у него не было. Свой заработок он больше в водку перегонял. А работник, надо сказать, хороший был. Куренную сажень за день нарубал. Бабушка моя вместе с ним в лесу робила. Зимой и летом полушубка не снимала. Дед-то мой дерзкий был. Бил бабушку чем ни попадет. Не от хорошей жизни бил. Две недели работает и все, что заработит, пропьет. Когда пьет, тогда в хорошем расположении бывает. И всех, кто мимо идет, тех к себе созывает.

И как выпьет все бутылки, все четверти, на дне одна злость останется. Опять в лес. Эту-то злость он и выливал на бабушку. Бабушка-то поэтому и не снимала полушубка, чтобы, если ударит, не так больно было.

Когда отец мой подрос, они вместе с дедом робить начали. Отец-то мой другого складу был. Дед, глядя на него, меньше пить стал. Лошади у нас появились.

Отец, можно сказать, уж не работником, а самостоятельным жигарем был, и я с ним работал.

Когда подпишут, припечатают договор, отведут лесную делянку. Там, на делянке, мы избушку рубим. Другие жигари тоже. Избушка маленькая, но теплая. В избушке печь битая и нары. Делянки далеконок от Кушвы были, верст за тридцать. Уезжали недели на две, а то и больше. Хлеб, припас разный, мясо, капуста — все это с собой берем. Начинается валка леса. Начинали ее с марта, и до июля, не считая, конечно, больших праздников, жили в лесу. В июле, в августе — страда. Покосишки, хлеб кое у кого был и тому подобное. С сентября опять в лес. С этого месяца и начинается обжиг.

Что это за обжиг был и какая такая в мои годы углеобжигательная техника была? Самая отсталая. Деды и прадеды так же уголь жгли. Сначала мы выкладывали из нарубленных дров трубу. Клали плашмя в виде треугольничка. Вокруг этой трубы на манер напильника, только, конечно, большего, начинали дрова ставить тычком. Получалась куча. В этой куче десять сажен и более дров укладывалось. Когда куча готова, начинаем ее дернить. Сначала дерняли, а потом таскали его на кучу и обкладывали ее дерновым пластом в три ряда.

Задерненную кучу засыпали землей. А засыпанную кучу дровами разжигали. Когда дрова разгорятся, труба гореть начинает. Когда труба сгорит, дрова-то, что к ней были прислоненные, осядут, повалятся и заглушат собой огонь. Тогда начинается томление. Томятся дрова дней шесть-семь. Отец тогда вовсе не спит. Ходит, смотрит, уминает, за огнем глядит. Огонь может загнездиться в одном боку, а этого не надо. Тогда отец в нужном месте, где жару нет,

окно проделывает. Дерн открывает. Тяга начинается, огонь-то и переходит к окну. Тогда отец опять закрывает окошко. Куча горячая бывает. По ней только в лаптях с деревянной дощечкой, которая к ним подвязывается, ходить можно. Дерн выгорает весь начисто, и земля тоже чуть не в золу перегорает, и получается вроде загнетки. Вы, конечно, знаете, что в русской печке уголь в бочок, в загнетку хозяйка загребает и заметает его золой, — он и тухнет. То же самое и жигарь делает, только вместо золы земля да дерн.

Как остынет куча, разгрести начинают ее, очищать от земли. Уголек другой раз такой звонкий получается, глядеть любо-дорого. Бывает, что целое полено так целиком и обуглится. И кора и сучки и полосочки всякие — все на нем знатко, только все это черное. Уголь.

Таких куч мы с отцом по четыре за осень ставили.

После этого начинается доставка. Осенью возить нельзя. Дороги неудобные. Корни и колоды. Коням тяжело. Возили зимой на дубовых санях в угольном коробе. За короб платили рубль с пятаком, все про все. В этот рубль и валка и обжиг, и доставка, и укладка, и надругания — все входит.

Хуже всего слада. Привезешь уголь к приемщику, и он тебя заставляет его перво-наперво свалить. Удостовериться хочет: не привез ли ты ему чего другое вместо угля. Свалишь — он поглядит. Если при-

емщик вымогатель попадет, придирки всякие строить начинает, фыркать и тому подобное. Потом на меру кладем. Мера тогда была ящиком, — ящик навалишь, приемщик запишет — и снова в короб, потом в склад, потом сметывать — укладывать. Уголь, продукция, известно, легкая. Мало весит. Но при сдаче так намаешься, что лоб и спина мокрые.

Это в мои годы было так, а при крепости вовсе уж никого не миловали. А все ж таки, как ни втапывали нас ниже грязи, наши-то люди все наверх всплывали. Потому как мы с испокон веков мастеровой народ, руками робим, а головой думаем. Машины-то первые кем удуманы? Не нашим ли братом? А? Самая-то первая машина где, думаете, была? Иван-то Ползунов каких кровей, каких местностей? А? Наших! Его ведь паровик во всем свете первый вертеться начал. А Черепановы-то, которые баню на колеса поставили и руду на ней возить начали, кто? Не тагильские ли? А Тагил — от вон он где — рядом. Влезь на Благодать, тагильский-то дым совсем близехонько. Коротки руки были у барина, чтобы ум наш перешибить. «Ласипед» на что, и тот ведь из нашей Кушвы по всему свету бегать начал. Не верите? Ну, так послушайте про девку Нинку да про двухколесную тележку быть. Вам любая старуха перескажет ее, а потом для проверки в рукописные книги поглядите. Там все есть от основания земли.

ПРО ДЕВКУ НИНКУ И ПРО ДВУХКОЛЕСНУЮ ТЕЛЕЖКУ

...Не так жили люди в старину. Со страхом жили. Больно лютый был тогда один управитель. Давай ему молодых бабочек, и только. Как зиркнет на какую, так ту и по-

давай. Ну, вдова или солдатка — в цехах их много работало, так те и не противились. А бывало молодуха али девка. Как быть? Ну, да ведь известно — крепостные. С барями не спорь. По той зареке жил кузнец, Василием звали. Белоусов, сказывают. Девка у него была, что ягодка, полная, да молодая, да хорошая с лица. Приметил ее ирод. Зовет Василия: «Пришли девку горницы убирать». Василий понял, в чем дело. Хотел к барыне пойти, к жене, значит, да забоялся: узнает, заперет. Девку звали Нинкой. Отец пришел домой к Нинке, так и так, а сам заплакал. Она тоже залилась и говорит: «Заперет, со света тебя сведет». Парни в тот вечер на улице гулянку водили. Был там у нее Черноголов — слесарь. Так он тут же всем парням и рассказал. А сам домой. А дома-то рисунки у отца двухколесной тележки взял да в Кушву к Гребенщикову. Главный управитель всего Гороблагодатского округа был. Так тот, как увидел рисование: «К коронации, — говорит, — мне беспременно сделай, а твою он не тронет», и дает записку сделать тележку. Сделал, выкатил и, как верхом на лошадь, садится. Толкнет пяткой оземь и едет, и едет, да так шибко. Послали его на коронацию. Царь посмотрел: «Возьми, — говорит, — вольную. Видно, умные люди есть на Урале, коли такое умеют делать». Приехал, а тут Нинку эту самую с руками отдают. Думают, как бы не трекнулся. Нет. Любил ее он. Ой, как любил!..

Таких-то людей у нас много было, да не всем им на коронацию, под хорошую руку царю приходилось попадать. Зазря сгибли многие. Господа не любили из нашего брата умников. Ну, да и дураки-то тоже мало радости видели.

ВАРТОВ ВГОР ДМИТРИЕВИЧ,
старый горнорабочий

ДАЖЕ УМАЛШЕННЫХ, И ТЕХ НЕ МИЛОВАЛИ

На этот счет про крепостное право как-то дедко такой случай рассказывал: если кто опоздает на раскомандировку, того бьют. Был крепостной парень умалишенный, звали Изосим — Изоско Пономарев. Мать на санках возила сына для того, чтобы он не попал под порку: сам-то он, как дурачок, задумается и опоздает. Однажды везла она его на санках и не довезла немного. «Ты, — говорит, — сынушка, сам дойдешь, а у меня квашня». Он немножко помешкал и обратно пришел, известно, дурак и дурак. Мать испугалась «Опять тебя драть будут!» Так и случилось. Рота солдат его била розгами, через строй пропускали.

Дальше, как говорится, ехать некуда. А это ведь было. Много издевались в ту пору над нашим братом, рабочим.

Вот она, песенка-то, о чем поет:

Сгинет, сгинет бравый парень
Во железной во горе.
На работу гонит барин
И приказчик на дворе.
Гонит, гонит, подгоняет
От темна и до темна.
Люд работный погибает,
Пухнет барская казна.
Ломит руки, ломит ноги.
Как до дому доберусь?
Ой вы, царские остроги...
Ох ты, каторжная Русь...

Вот и Владимир Ильич хорошо говорит об этом, он правильно указывает, что крепостное-то право само сук подрубило, на котором сидело.

ТРЕБЕЛЕВ АЛЕКСАНДР ПСАКОВИЧ,
инженер-конструктор

НАЧАЛИСЬ ВОЛНЕНИЯ

Приписные крестьяне, работавшие на горе Благодать, подвергались крайне жестокой эксплуатации.

Крестьяне на заводах должны были отрабатывать большее число дней, чем у себя дома. Это приводило крестьян к экономическому истощению и острому недовольству.

Сильные члены семьи должны были отбывать работы на заводе, иногда за сотни верст от дома. Дома же оставались старики, старухи и дети, неспособные к работе. Такие тяготы стали невыносимыми для крестьян, приписанных к заводам, и вызывали не только на Урале, но и во всей России народные волнения, которые к концу царствования Елизаветы Петровны стали повсеместным явлением. Екатерина II при вступлении на престол писала: «Заводские крестьяне почти все были в явном непослушании властей. Сие непослушание унимали А. А. Вяземский и А. И. Бибииков, рассмотря жалобы на заводо-содержателей, не однажды принуждены были употреблять против их оружие и даже пушки». Выводы Вяземского А. А. в результате исследования положения заводских крестьян на Урале были в его докладе Екатерине сформулированы так:

«...1) Употреблять крестьян для фабричных работ только определенное число дней в неделю. 2) Не употреблять для фабричных работ крестьян, находящихся на большом расстоянии от заводов. 3) Не обременять крестьян слишком тягостною работою, накладывая на них больше работ, чем сколько им по количеству подушного налога заработать следует».

Но все это осталось благими пожеланиями. Екатерина II ничего не сделала для облегчения участи крепостных. В среде заводского и подзаводского населения росло недовольство. Это и ряд башкирских восстаний, в связи с нараставшим недовольством коренного русского населения, создали благоприятную почву для распро-

странения Пугачевского восстания 1773—1775 годов и на Урал. Документы об участии в этом восстании рабочих гороблагодатских заводов и приписанных к нему крестьян были уничтожены. Все же можно без колебания утверждать, что ядра наших заводов сослужили свою службу в артиллерии Пугачева. Наши заводы помогали Пугачеву не только ядрами, но и людьми.

Как известно, пугачевское движение не коснулось непосредственно гороблагодатских заводов, но его соседство отразилось на режиме работ и нашло сочувствие населения.

В послепугачевские времена медленно, но неуклонно идет рост гороблагодатского заводского района. «Краткий исторический обзор Гороблагодатского горного округа» не без некоторой угодливости правительству и начальству сообщает нам материалы о дальнейшей истории наших мест.

ГОРНАЯ ДЕТОПИСЬ. УЧРЕЖДЕНИЕ ДОЛЖНОСТЕЙ ГОРНЫХ НАЧАЛЬНИКОВ

Высочайшим указом от 9 ноября 1800 года и указом правительствующего сената от 16 марта 1801 года были учреждены три горных округа: Екатеринбургский, Пермский и Гороблагодатский. Первым горным начальником Гороблагодатского и Пермского округов был назначен Андрей Федорович Дерябин.

Дерябин поселился на Ижевском заводе. Там он построил оружейную фабрику, уделяя ей много внимания, но в то же время зорко следил за гороблагодатскими заводами. Здесь он увеличил отливку артиллерийских снарядов из домен, расширил приготовление якорей и цепей для морского ведомства в Серебрянском заводе и заботился о разведках руд, о чем со времени Шувалова никто не думал.

ОТКРЫТИЕ ВАЛАКИНСКОГО И ЕРМАКОВСКОГО РУДНИКОВ

При нем были открыты в 1805 году рудники бурого железняка: в 45 верстах от Кушвы — Балакинский рудник, долго служивший для выплавки литейных (фосфористых) чугунов, особенно пригодных для отливки ядер и бомб, а между рекой Сылвицей и Ермаковкой, в 38 верстах от Серебрянского завода, — Ермаковский, руда которого давала превосходный чугун для отливки изделий. В 1806 году Дерябин построил железоделательный Верхнебаранчинский завод, в 9 верстах от Н.-Баранчи и в 13 — от Кушвы, по Серебрянской дороге. Завод этот считался вспомогательным Кушвинскому. В 1810 году устроили в Верхнетурином заводе 4 самодувные печи, а в следующем году была установлена отливка орудий, валков и других тяжелых вещей; в это же время было обращено внимание на выделку железа: увеличено число горнов и началось приготовление на Баранчинском заводе двухаршинного листового железа (в 1812 году).

С 1813 года развитие округа пошло далее. Высота доменных печей увеличилась до 16 аршин, а потом и до 19, отчего выплавка чугуна увеличилась; деревянные мехи были заменены везде чугунными; в Кушвинском заводе под наблюдением горного офицера введена была опытная плавка руд для определения их содержания, введено было приготовление томленной стали на Нижнетурином и Серебрянском заводах, была построена на Кушвинском заводе первая в округе паровая машина на случай недостатка воды в пруде, улучшено выжигание угля и облегчилась работа разделением двадцатисаженной кучи на две десятисаженные.

Следующий горный начальник, обер-бергмейстер Мамышев, назна-

ченный с 12 июля 1820 года, достойно продолжал дело развития округа. Он восстановил отливку чугуна из вагранок и пушечно-литейное производство, давшее хорошие результаты, но просуществовавшее опять недолго; ввел скоробьющие молоты для приготовления сортового железа и установил на заводах урочное положение. Ввиду сохранения лесов Мамышев уничтожил кричные горны на заводах Кушвинском, Баранчинском и Верхнетурином и усилил выделку железа на остальных двух. Затем энергично занялся разведкой горы Благодать; следы его капитальных работ в этом направлении остались до сих пор (Мамышевская штольня). При нем же (в 1823—1824 гг.) были открыты в округе первые россыпи золота и платины. Кроме того, к заслугам Мамышева принадлежат проекты переустройства всех заводов. Заводы оставались в том виде, как они перешли в казну от Шувалова, — с незначительными перестройками и изменениями. Переустройство заво-

дов по сметам Мамышева, с некоторыми изменениями сообразно успехам техники, продолжалось до 1850 года; в это время была возведена большая часть капитальных зданий заводских, существующих и поныне.

В управлении Иванова производились опыты приготовления железа малыми крицами в 5—9 пудов вместо большекричного способа, существовавшего до тех пор, в 13—15 пудов; но после долгих опытов возвратились к прежнему способу. При нем же была начата геогностическая съемка всего округа. Все дачи были разделены на восемь участков такого размера, чтобы каждый можно было расследовать в течение лета. По этим исследованиям была составлена первая геогностическая карта округа в 1841 году.

К сожалению, кроме двух-трех отчетов об этих исследованиях, напечатанных в «Горном журнале» в 30-х годах, никаких данных об этих работах не сохранилось.

«РАСКРЕПОЩЕННАЯ» ГОРА

ПЕРМЯК ЕВГЕНИЙ АНДРЕЕВИЧ,
писатель

ГОРА БЛАГОДАТЬ ПОСЛЕ РЕФОРМЫ

Реформа 1861 года была значительным этапом и заметным рубежом в развитии русской промышленности, и черной металлургии в частности. Ей немало посвящено и од, и славословий, и просто стихотворений «питов умиленных». Подписавший реформу царь Александр II милостиво позволил приписать себе титул «Освободитель», а равно не противился тому, что каждый город возводил ему чугунный монумент чиновными руками от имени освобожденных «верноподданных».

На первый взгляд реформа давала повод рассчитывать на то, что народу жить будет легче, что «свободный труд» улучшит положение труженика. Большинство либерально и оппозиционно настроенных кругов общестственности сходило на том, что реформа — благо. В действительности же дело обернулось по-иному.

Реформа коснулась и «работного люда» горы Благодать, который, по существу, был на положении крепостных крестьян, с той лишь разницей, что работал не в поле, а в горе или на домнах.

Далеким эхом доходят до нас отзвуки о том, что весть о реформе на горе вначале была встречена с радостью. Однако эта радость длилась недолго. Реформа оказалась новым видом закрепощения.

Привычный ритм, установившиеся взаимоотношения между заводчиком и рабочей силой нарушились. Заводам и рудникам при старой рабской технике оказалось не под силу оплачивать вольнонаемный труд, а за бесценок освобожденный манифестом рабочий работать не шел. Он предпочел работу «посходнее» на стороне и занятия сельским хозяйством.

Заводы и рудники начали пустеть. Единственная возможность удерживать рабочую силу заключалась в том, что нужно было платить за работу хотя бы тот минимум, при ко-

тором рабочий не умер бы с голоду. Для этого была необходима иная техника, иная производительность, совсем не та, что при рабском, крепостном труде. На реконструкцию царских рудников и заводов власть имущие итти не хотели, так как требовались огромные вложения.

Согнанные крестьяне возвращались в деревню. Гороблагодатские заводы резко снизили производительность. Цифры — живой свидетель. Вот они:

в 1860 году на заводах было занято людей 8 663,

в 1861 году уже 7 030,

а в 1862 году 4 671

и в 1864 году только 2 839.

Гороблагодатские заводы выплавляли чугуна (в тысячах пудов):

в 1861 году 1 172,

в 1862 году 953,

в 1865 году только 810.

Правительство и фабриканты вынуждены были повысить заработную плату. Но, повышая ее, они фактически снижали, так как раньше труд рудокопа оплачивался натурой — хлебом, а теперь деньгами, которые падали в цене, а стоимость хлеба все росла и росла. Мука ржаная после реформы стала стоить дороже втрое, крупы и мясо вдвое, сало и масло в полтора раза, а оплата за труд поднялась всего лишь на несколько процентов.

Реформа 1861 года ухудшила положение и заводов и рабочих.

Много еще лет нужно просуществовать заводам почти в прежнем виде, чтобы подымающийся российский капитализм пожал плоды реформы 1861 года. Эти плоды были результатом окончательного обнищания рабочего люда Урала, и горы Благодать в частности.

Если раньше рудник или фабрика стригли под одну гребенку всякого работника, то теперь вопрос квалификации стал насущным вопросом. Горняк, самостоятельно добываю-

щий руду, и чернорабочий, способный только переместить ее с места на место, не были одинаково полезны казне или хозяину. Поэтому мастер и опытный рабочий стали получать вдвое, втрое, вчетверо против чернорабочего. А так как чернорабочих было большинство и их рост и переход в высшие квалификации был затруднен, то они оказывались в нищенском, полуголодном состоянии.

Капитализм выиграл от реформы, а народ проиграл.

Это вовсе не значит, что рабочему люду предпочтительнее было оставаться крепостным, кабальным, посессионным. Это значит только, что царь-«батюшка» Александр II снял с рабочего видимые деревянные колодки и перестал бить его ремненным или витым веревочным кнутом, заменив все это кандалами экономической зависимости и безжалостной плетью голода и нужды.

Рабочему стало не слаще от того, что он из писаной, узаконенной кабалы перешел в кабалу неписаную, безысходную.

Таковы суть и последствия реформы 1861 года.

ПОСЛЕ ПАДЕНИЯ КРЕПОСТНОГО ПРАВА

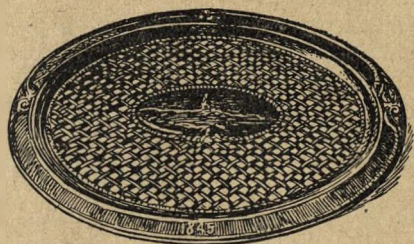
Раскрепощенный манифестом рабочий попал в новое, еще худшее закрепощение.

В своей бессмертной книге «Развитие капитализма в России» Владимир Ильич Ленин с убедительной яркостью показывает положение рабочего класса, состояние промышленности на Урале. Он пишет:

«В исходный период пореформенного развития России главным центром горной промышленности был Урал. Образуя район, — до самого последнего времени резко отделен-

ный от центральной России, — Урал представлял из себя в то же время оригинальный строй промышленности. В основе «организации труда» на Урале издавна лежало крепостное право, которое и до сих пор, до самого конца 19-го века, дает о себе знать на весьма важных сторонах горнозаводского быта. Во время оно крепостное право служило основой высшего процветания Урала и господства его не только в России, но отчасти и в Европе. В 18 веке железо было одной из главных статей отпуски России; железа вывозилось в 1782 г. ок. 3,8 мил. пуд., в 1800—15 г.г.—2—1½ мил. пуд., в 1815—38 г.г. — ок. 1½ мил. пуд. Еще «в 20-х годах 19 века Россия получала чугуна в 1½ раза более Франции, в 4½ раза более Пруссии, в 3 раза более Бельгии». Но то же самое крепостное право, которое помогло Уралу подняться так высоко в эпоху зачаточного развития европейского капитализма, послужило причиной упадка Урала в эпоху расцвета капитализма. Развитие железной промышленности шло на Урале очень медленно. В 1718 г. Россия добывала чугуна ок. 6½ мил. пуд., в 1767 г. — ок. 9½ мил. пуд., в 1806 г. — 12 мил. пуд., в 30-х г.г. — 9—11 мил. пуд., в 40-х г.г. — 11—13 мил. пуд., в 50-х г.г.—12—16 мил. пуд., в 60-х г.г. — 13—18 мил. пуд., в 1867 г. — 17½ мил. пуд. За сто лет производство не успело удвоиться, и Россия оказалась далеко позади других европейских стран, в которых крупная машинная индустрия вызвала гигантское развитие металлургии.

Главной причиной застоя Урала было крепостное право; горнопромышленники были и помещиками и заводчиками, основывали свое господство не на капитале и конкуренции, а на монополии и на своем владельческом праве. Уральские заводчики и теперь являются крупней-

шими землевладельцами. В 1890 г. при всех 262 железных заводах Империи числилось 11,4 мил. дес. земли (в том числе 8,7 мил. дес. леса), из которых 10,2 мил. дес. было при 111 уральских заводах (леса 7,7 мил. дес.). Средним числом, след., каждый уральский завод владеет громадными латифундиями, тысяч по сто дес. земли. Вырезка наделов крестьянам из этих дач и до сих пор еще не вполне закончена. Средством приобретения рабочих рук является на Урале не только наем, но и *отработки*. Земская статистика, напр., по Красноуфимскому уезду Пермской губ. считает тысячи крестьянских хозяйств, которые пользуются от заводов землей, выгоном, лесом и т. п. либо бесплатно, либо за пониженную плату. Само собой разумеется, что это бесплатное пользование на деле стоит очень дорого, ибо благодаря ему чрезвычайно понижается заработная плата; заводы получают «своих», привязанных к заводу и дешевых рабочих».

«В естественной и неразрывной связи с низкой заработной платой и с кабальным положением уральского рабочего стоит техническая отсталость Урала. На Урале преобладает выделка чугуна на древесном топливе, при старинном устройстве доменных печей, с холодным или слабо нагретым дутьем... Применение паровых двигателей на Урале гораздо слабее, чем на Юге. Наконец, нельзя не отметить и замкнутости Урала, оторванности его от центра России вследствие громад-

ного расстояния и отсутствия рельсового пути. До самого последнего времени доставка продуктов из Урала в Москву происходила главным образом посредством примитивного «сплава» по рекам раз в год.

Итак, самые непосредственные остатки дореформенных порядков, сильное развитие отработков, прикрепление рабочих, низкая производительность труда, отсталость техники, низкая заработная плата, преобладание ручного производства, примитивная и хищнически-первобытная эксплуатация природных богатств края, монополии, стеснение конкуренции, замкнутость и оторванность от общего торгово-промышленного движения времени — такова общая картина Урала».

ИЗ ОБЗОРА ГОРОБЛАГОДАТСКОГО ОКРУГА

Говоря о положении на уральских заводах после реформы 1861 года, даже чиновники, составлявшие «Краткий обзор Гороблагодатского округа», не могли скрыть истины. Перед нами выдержка из обзора: «Наступили шестидесятые годы.

время освобождения мастеровых и рабочих от обязательного труда. Событие это, важное для всей государственной жизни, могло оказать только полезное влияние на развитие заводов и благосостояние народонаселения. Заводы освободились от массы ненужных людей, которые, исполняя кое-как работу, обязательно должны были получать провиант и некоторое денежное вознаграждение. Все работы оказалось необходимым перевести с урочного и подневного положения на сделную и поштучную плату, выбор рабочих мог производиться из среды более сильных и умелых, дельных людей, число служащих на заводах сильно сократилось, накладные расходы на цеховой рубль могли уменьшиться. Само население оказалось на первое время в довольно затруднительном положении, так как из сравнительно обеспеченного положения при казенном провианте оно оказалось без средств постоянных, пока не освоилось с свободным трудом и не нашло посторонних заработков на окружающих золотых промыслах, объявленных вследствие невыгод работы свободными для частной золотопромышленности с 27 октября 1861 года».

СТАРЫЙ БЫТ, СТАРЫЙ ТРУД

Нагляднее всего о состоянии гороблагодатских предприятий и положении рабочих в пореформенный период рассказывают сами рабочие горы Благодать. Предоставим им слово.

КАК КУШВА РОСЛА

НИКУЛИН СЕМЕН ГРИГОРЬЕВИЧ,
техник промышленной фабрики

Пришлые, беглые да прочие закабаленные составляли главный костяк рабочего люда горы и завода. Получив по манифесту раскрепощение, на деле же новое закрепощение, наши люди остались без харчей и крова. А куда деться? Хочешь не хочешь, строй свой дом, еще крепче о своем куске думай. Вот оно как, «освобождение»-то повернулось. У мужиков, у тех хоть свои дома по деревням были, а наши кушвинские больше по казенным баракам жили. Вот тут-то и встал вопрос о своей избе, о своем огорошке, о своей полосе. Они, как мы

увидим далее, после пятого года и хорошую службу сослужат нашим кушвинским и плохую. Да не только кушвинским. Урал тогда весь большой Кушвой был. Нам-то уж это доподлинно известно. Конечно, если бы в Кушве пожара не было, то сейчас многие документы можно было бы показать и планы представить. Но мы и без документов знаем, что Кушва вся пришлая да пригнанная. Из здешних-то коренных жителей всего несколько вогулечьих (мансийских) семей осталось. И так перемешались с пришлыми, что не поймешь, что от них и сохранилось.

Надо сказать, что Кушва вокруг пруда росла. Так все заводы росли: Тагил ли взять, Туру ли. Все так. И от стариков мы знаем, что сначала домишечки были «треньбрень», лишь бы не капало да снегом не запылаивало. На одно окно. Не особенно, видно, предки-то наши оставаться тут хотели. На чемоданах, можно сказать, жили. Ну, а как деды-то наши народились, они никаких других мест не знали, и

Старый рабочий дом в Кушве.

наши места, понятно, для них родной сделались. Раз уж родились тут. И они покрепче стали колья в землю вбивать. Вместо одного окна два стали ладить. Коров начали водить. Двор стал расти. В казарме не больно с семьей-то сладко. Общежития для семейного никогда сладкими не были. Ну, а из дворов и улицы появились, а из улиц поселок вырос. Вот и вся история наша.

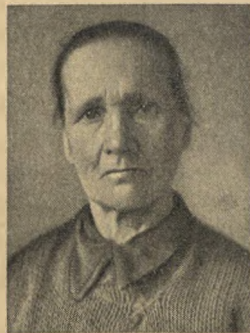
Из разных людей наша Кушва состоит, как и весь Урал. Со всей России сюда народ гнали. И народ этот селился гнездами. Кержаки отдельно, татары — тоже, чердаки, из Чердыни которые, свои гнезда вили рядом. Деваться ведь некуда. Раз поселился, так строй. Кутазы — сами собой, переведенцы — тоже. А откуда эти кутазы пошли, смешно даже вспомнить. Они, не знаю я, из какой губернии пригнаны, только у них колоколец, который корове подвязывают, кутазом называется. Ну, их кутазами и прозвали. И по сей день ихнее гнездо кутазом называется. А переведенцы — это те крестьяне, которых перевели на другое местожительство. Вот из этих-то гнезд и Кушва составила. И сейчас еще старые названия остались в отдельных частях города. Кутазы — я уж рассказывал их обозначение, Пеньки — место после

вырубленного леса, где пеньки были, Поскотина — где раньше выгон был, и Пролом. Почему Пролом называется, этого я не знаю.

Строиться, понятно, нелегко было. Правда, лес хоть и рядом, так ведь его нарубить надо, да доставить, да сруб срубить, на мох поставить, да тесу на крышу напилить. Глядеть, домишко небольшой, а он много труда брал.

ШАТОВА АННА ИВАНОВНА,
работница, ныне пенсионерка

Каждой семье жизнь с постройки дома начинать приходилось. Мы так ее и начинали. Отвели нам делянку. Нарубили лесу. Дядя помог нам его перевезти: у него лошадь была. Начали мы рубить избушечку на два окна. Не успели покрыть ее, а уж выдохлись. Стали «займовать», через силу работать на руднике, себе в куске хлеба отказывать и таким-то вот трудом сумели домишечко выстроить. Четырнадцать лет в нем прожили. На пятнадцатый семья вовсе большая стала. Прируб прирубили. И опять долги. На дом да на корову, можно сказать, весь заработок и уходил.

ПАВЛУХИНА НАДЕЖДА ДМИТРИЕВНА,
старая горнорабочая,
ныне пенсионерка

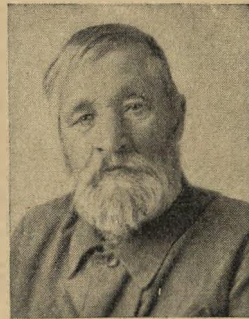
Без дому жить было нельзя. А дом нажить тоже невозможно. Вот нас взяли. Была у нас избушечка. До того ветхая, того и гляди, упадет. Дом надо. А денег нет.

Решили продать корову. Начали лес валить да возить. Навозили. Деньги-то и кончились. Остались мы и без коровы и без дома. Потому что на все работы нанимать надо было. Наше дело сиротское. Но счастье нашло нас. Нашлась одна старушечка, у которой на старость сто рублей было накоплено. Пожалела нас и дала нам в долг. Опять дела пошли. Всякий, конечно, знает, что деньги отдавать легче, чем их добывать. Куда ни сунешься — плата. Мох привезти — даром в лесу растет, — подавай плату. Тес нужен — нанимай пильщиков. Лесопилка-то ведь в те годы и в помине не было. Руками пилили. Опять деньги кончились. А мы уж совсем из сил выбились, работаем, стараемся лишнюю копейку в дом заработать. Уж так жались из-за материала, что вот, скажем, на кирпич — нам две печки хотелось, вторую-то плиту, — нехватило денег: одну сложили.

И так не один год мы мучились. И без коровы, и без денег, и надеть нечего. Кабала этот дом. Дороже он всякой квартирной платы. И рад бы тогда ее платить, да некому. Одноэтажная Кушва-то была у нас, деревянная да избяная. Господский дом хоть и большой, да и тот в один этаж.

ГРЕХОВ ПАВЕЛ ТИМОФЕЕВИЧ,
*старый горнорабочий,
ныне пенсионер*

И я вот тоже всю жизнь строился. Глядеть, домишко не хитро срубить. За лето можно. А у нас годами тянулось. Пока достроишь его, он гнить начинает. Ссуд долгосрочных тогда не было. Единственно что — если сам накопишь. А как скопить? Деньги-то ведь каждый день нужны. За последние годы касса объявилась. Давали взаимопомощь. Так ведь тоже на короткий срок. На полгода, на десять месяцев уж от силы. Такую ссуду возьмешь — и сиди голодным. Все вычитают.

БАРТОВ ВТОР ДМИТРИЕВИЧ,
старый горнорабочий

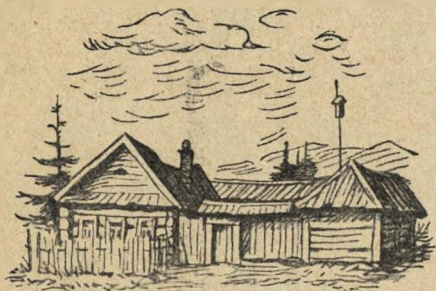
О ТОМ, КАКИЕ ДОМА И ДВОРЫ БЫЛИ

Согнанные да пришлые обсиделись здесь и вовсе своими себя начали чувствовать. Спроси любого теперь — скажет: «Здесьний я, и деды, отцы здесьний». И не поверят даже, что здесьних-то в наших местах когда-то никого и не было. Лес один, да вогулы охотились.

Когда рабочий домом обзавелся, оказался привязанным к месту жительства и все терпел. Дом-то да двор ему как бы новым крепостным правом стали, только неписаным. На деле свободный, а по сути — раб. Куда наш рабочий от своего жилья побежит, когда уж осел окончательно. Ему хоть сколько заработок сбавляй, он все равно тут останется.

Уголок старой Кушвы.

Ну и выходит, что в мое-то время уже пришло-то народа здесь во-все не было, кроме разве «условных» татар, ну, так те сезонные были. Большинство коренных рабочих жили хоть в худеньких, да в своих домах. Реже на квартирах. Дома были обычно деревянные, трехконные, вместо фундамента на чурках да на стойках стояли. Реже на бутовом камне. Дом делился на две половины: кухня и горница. В кухне — русская печь, стол со скамьями, лохань, над лоханью умывальник — чугунный на проволоке, или туесок—ведерко из бересты. В кухне же были и полати, — старики на печи спали, а ребята на полатах. Здесь протекала вся жизнь семьи. В горницу хозяйки пускали неохотно, она была застлана половичками. Домотканными, ткали из тряпья. В горнице кровать. Спали на ней молодые. Кровать застилали стеженным одеялом. Тоже самодельщина. Из лоскутов квадратиками, клинышками. Горит такое одеяло в глазах. На окнах в горнице цветы—герань, фикусы, луковичные. Бывали и зеркала, смотря по достатку. Комод тоже, смотря по достатку. Надо сказать, что рабочие, как и ихние жилища, делились на два класса: достаточных людей и неимущих. Достаточными были те, которые имели землю — десятину-полторы. Земли были «потомственные», земля давала прибыль. Доход от земли помогал и корову держать и лошадь, а раз лошадь есть, то хо-

зяин ее и работал на ней, ему и жилось лучше, потому что дров и все другое он не покупал. А нашему брату приходилось покупать все из одной и той же поденщины. Поэтому земельному жилось легче. У земельных был глухой реж (крытый двор), во дворе амбары, завозня, конюшня, стайка — помещение для коровы. Держали и овец. Можно считать, что рабочий Кушвы был, ну хоть и не на половину, а на третью часть крестьянином. Такому рабочему не были страшны перебои на руднике. Он мог и перебиваться. Нашему же брату, пролетарского происхождения, приходилось искать кусок хлеба где-то.

Гора часто «останавливалась». Работа замирала. Куда деться? Приходилось нашему брату искать работу на стороне. У меня такой случай стихами описан. Я, надо сказать вам, свои сочинения не карандашом на бумаге записываю, а в голове держу. Вот мой стих:

Тысяча девятьсот первого года первого октября

Стала кормилица — наша гора.
А работы не можем найти нигде.
К мастеру кинулся бедный народ,
А мастер нас шлет на Уральский хребет.
Собралось нас человек восемь людей.
Отказал нам смотритель кварцовых копей.
Оттуда пришлось идти нам пешком
С пребольшими котомками, с грязным
лицом.

Дошли мы пешком до косогору.
Лежат там десятник. Ну, чистой боров!
Я ночевал с ним тут у дверей
И смотрителя проклял кварцовых копей.

Из неимущих — из бескоровных да безлошадных — и формировался настоящий уральский рабочий класс, или пролетариат. Ну, об этом потом пойдет речь. Нам тогда терять было нечего, окромя котомок. А те, которые с домами-то, были привязаны к руднику и домом, и коровой, и покосом. Трогаться им было нельзя. Всю жизнь, значит, сломать надо было. Они и шли на всевозможные уступки и соглашения. Они, по совету говоря, и мешали нам полу-

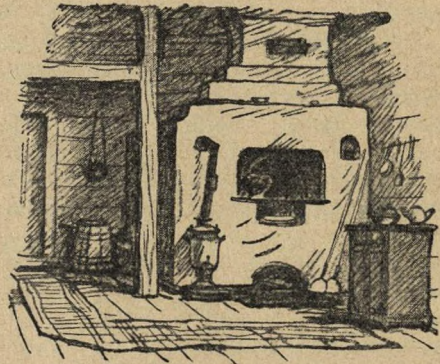
чать даже те деньги, которые можно было получать и которые платили тем же «условным» татарам.

«УСЛОВНЫЕ» ТАТАРЫ

«Условные» татары — это были такие татары, которые по условию, по договоренности с заводом сюда прибыли. Одни на год, другие на шесть месяцев. Так этим «условным» татарам по семьдесят копеек платили, а нам за ту же работу только пятьдесят. Полтинник. Ну, скажите, пожалуйста, не обидно ли? Надо во внимание принять еще и то, что «условный» татарин не обучен ничему. Он бурить или, того больше, взрывы порохом производить — ни-ни. Ни боже мой! Они грузили да балдой били — и все. А мы природные рудокопы. Хоть в шахту, хоть в разрез. Шахтенки, надо сказать, у нас тоже были. Неверно говорят, что Благодать только открытыми выработками работала. Были шахты. Хоть неглубоконькие, но были. Конным воротом туда опускали. Словом, были шахты. И вот промеж нас разлад пошел. Бить мы татар начали. И я бивал. Теперь-то я понимаю, что не виноваты они, что это такая национальная политика тогда была, нацию на нацию натравливать. Но ведь нам никто этой политики не объяснял. Ведь глаза-то мы разлипать начали толком только с 1905 года. Да и то не полностью разлепили. Помню, такой случай был.

Кончили мы работу, идем домой. Вдруг крик. Что такое? Глядим, калачи белые, крупчатые на дороге валяются, татары караул кричат, наши ребята их дубасят. Дале — шире. Вовсе свалка получилась. Ну, разнимать никто не разнимает. На этом и кончилось.

А разобраться — татары очень смирные были. Сами не лезли. Работали до поту. А что им семь гривен давали, так ведь их от родного

дома оторвали. Надо сказать, что кое-кто из татар прижился тут. Жен перевезли. На татарской улице поселились. А улица татарская еще со старых времен началась. При крепостном праве сюда разный люд сгоняли, ну, и казанских татар тоже. Они с русскими не мешались. Свою нацию блюли и свою улицу организовали.

Может, мы и в сторону от нашей темы уклонились, только без татар полной картины не может быть.

ЧИЧИЛИМОВ СЕМЕЛ ВАСИЛЬЕВИЧ,
старый горнорабочий

КАК Я В СВОЕМ ДОМЕ ЖИТЬ НАЧАЛ

Отец мой из крепостных. А откуда его отец, про то никто не знает. Нас три брата было, а хозяйство одно. Делиться начали. Старшие-то братья похватчее меня были. Мне что осталось, то и досталось. Телка да овечка, так и ту брат отобрать хотел. С топором за мной бегал. Кое-как высвободили от братца. Ну, бог с ним, с братом. Только жить в наших местах без дому нельзя. Одной горой не проживешь. Хоть плачь, а дом заведи. А дом завел, без лошади не проживешь. Топиться надо, обогреться. Значит, вези дрова. Вот так-то я с теленком да с овечкой и начал жизнь. Ребят у меня пошто-то не было. Купил дом за триста рублей. В долг. Потом за

этот дом я уж не упомню, сколько потов спустил. День и ночь в горе. Там и обедал, под елочками. Разогреешь на костерке мерзлый хлеб и айда — пошел дальше бить. На красуле мы работали. Так красная глина рудная звалась. Вязкая она. Тяжелая. Все больше через коленко копал. Вот уж помирать скоро надо, а коленко-то все еще твердое. Видно, уж в могиле отмякнет. Памятны мне эти триста рублей. Но без дома рабочему в те годы нельзя. За домом я лошаденку стал подыскивать. Денег у меня хватило на такую, что падала она. До того тоща была. Подыму да опять кормлю. Откормил. Оклемалась лошаденка. Стал дровишки возить, а потом променял свою лошаденку, придачи дал. Вовсе лошадь хорошую добыл. Ну и братья тоже, кто как мог. Вот этак-то появился и вырос новый рабочий дом. Так, почитай, и все дома росли. Ну, хоть и не все, другие с земли начинали, с кола строили. Это совсем трудно. Только я то хочу сказать, что жизнь такая была, что без дому наш рабочий не мог быть. Казна тебе дома не предоставит. Не было этого заведение. Один казенный дом был, да и тот господский. Управитель в нем жил.

САНИНЬОВА ЕКАТЕРИНА НИКИТИЧНА,
старая работница

РАБОЧНЕ БАБЬИ СУТКИ

Мужики про свою тяжесть достаточно наговорили. Теперь баб послушать надо. Заложика ты, Галина Петровна, листочек почище да поболее, чтобы женская-то доля на нем знатче выпечаталась. Записывай, а я тебе сказывать буду.

Другой раз я диву даюсь, на нынешних баб глядя. Ясли у них, столовые, декрет и всякие привилегии, и то некоторые пофыркивают. Поглядели бы они, как мы жили,

какие такие наши рабочие бабы сутки были, поняли бы кое-что. Советская-то власть ведь не всегда была, мы безо всякого внимания ране жили. И профсоюза никакого не было. Кроме бога одного, и пожаловаться некому. А бог-то высоко живет. Молитва не всегда доходит, особенно в ветер. Относит ее... Куда бабе пойти, кроме сеней да коровы. Им только и можно было жаловаться...

Работа на руднике в шесть часов начиналась. Значит, мужик должен в пять встать. А баба? Бабе с квашней надо управиться, собрать на стол, самоваришко поставить, накормить мужа. Я в четвертом часу вставала. В шестом мы из дому выходили. Наши женщины редко кто не работал.

Как дом оставался? А никак. Замкнем на замок — и все. Нянек-то ведь не было. Без яслей жили. Все няньки — старшая дочь. А старшей-то пять годов. Для нее для самой нянька нужна. Идешь на работу и думаешь про ребят: как они там? Долго ли до греха. У одной нашей ребенка из окна выронили, девочку. Так горбатенькая на всю жизнь и осталась. И спросить не с кого.

На рудник придешь работать, а уж до этого дома досыта наработаешься. Корову подоишь, прибе-решь, сена задашь, почишишь у нее. А зимой так и снег еще отгребешь.

Начинается рабочий день. Мастер Бобылев, черноватенький такой мужичонко, уж с батожиной бегаёт и покрикивает: «Скорей, бабы, скорей, веселее ходи». С таким не постоишь. Мастера на то и поставлены были, чтобы нас поторапливать. Их ублажали за это. Царские кафтаны жалованные выдавали тем, которые поретивее, кто пуше из нас пот выжимал. Разоденется такой мастер в кафтан. Полы до пят. Кафтан позументом обшит. Почет. Дома у этих

мастеров ладные были. Наславу жили. Хозяйство большое имели.

Вот так до обеда и маешься. Обед — полтора часа. Отпалка в это время бывала — порохом руду рвали. Кто в разряд идет, кто под елочкой мерзлый хлеб жует. Разряд — это барак такой, где кипяток давался. Другая мать, если успеет в Кушву сбежать, так и покормит ребеночка, а нет — так и до вечера лежит он мокрый да некормленный.

Для кормящих тогда никакого снисхождения не было. Вообще материнство и младенчество не в чести было. До последнего дня другой раз женщина ходит. Я чуть не на дороге после работы родила. Родили дома. После родов на вторую неделю опять на работу. Не глядели на то, что женщине в себя притти надо и ребенку дать хоть мало-мальское питание. Трудно матерью-то было быть.

Так вот. Обед кончится, опять начинается работа. Часов до шести и более. В шесть часов домой бежишь. Сердце кровью обливается. Как-то ребята? И пожар могут наделать и покалечиться. На замке ведь, сами себе хозяева. А в ребята-то голову мало ли что может притти.

Войдешь домой — не сядешь. Мужа кормить надо. А муженек-то у меня строгонький был. На горе злость копил, на меня ее побоями выкладывал. Да и ребята голодненьки, да и сама человек, тоже есть хочу. Утром обедешко который сварила, на стол выставляю. Пообедали, надо прибраться, посудешку вымыть, к корове пойти, ребят прибрать. Глядишь — ночь. Муж и ребята рано ложились, а у женщины только-только домашняя работа начинается. То постирать, то починить, выгладить, выкатать, воды наносить, корове на ночь сена задать. А за чистотой следить надо кому-то. Пол-то другой раз и мо-

ешь ночью. Совсем поздно ложишься. Ляжешь, а уснуть не можешь. Дума думу побивает.

Только заснешь — петухи кричать начинают. Вставать надо, и сутки сызнова начинаются.

Подумаешь, подумаешь, вспомнишь рассказы дедов-прадедов про крепостную жизнь и видишь, что наша-то жизнь ничуть не лучше была.

Невыносимые были бабы рабочие сутки. Пусть мужчины не обижаются, я только то скажу, что бабам тяжелее было. Изнашивались мы. Старели раньше времени. Прожили вот и не видели, какая она была, молодость.

Пусть нынешние-то женщины побольше про старое спрашивают да сравнивают пусть нашу жизнь со своей-то. Глядишь, у них в глазах еще светлее будет.

ЗОРЯ-ВЕРДИКОВА ЕКАТЕРИНА ПЕТРОВНА,
фельдшерница-акушерка

РАССКАЗ ОБ ИЗБУШКЕ-МАЛУШКЕ

Ни родильных домов, ни родильных отделений у нас не было. До советской власти роды протекали исключительно на дому.

Мне, как акушерке, очень много приходилось принимать новорожденных у жен старых рабочих. Вызывают. Придешь или приедешь, спрашиваешь:

«Где роженица?»

«А там она», указывают пальцем.

«Да где там-то?»

«В избушке-малушке».

Что же это за избушка-малушка? Это крохотное строение, в котором обычно хранится сбруя, второстепенная утварь. В избушке-малушке обычно бывает печка, иногда железная, иногда кирпичная, маленькое окошечко и грязь непролазная. Там на лавке или на койке я обычно заставала стонущую роженицу. Роженице обычно давали самое бросо-

вое тряпье, старые половики, изношенные пальто. Хозяева искренне удивлялись, когда я требовала для родов что-нибудь почище, так за это многие меня называли «строгая барыня».

Добрую тысячу новорожденных приняла я в наших местах за время моей деятельности, и добрые три четверти рожениц находились в ужасных, антисанитарных условиях.

Даже в обеспеченных семьях роды на дому считались нормой, и присутствие акушерки не было обязательным. Главная «медицинская фигура» старого времени были знахарка и повивальная бабка. К акушерке обычно обращались, когда доморошенная медицина заводит в тупик больного, когда знахарь применит свои страшные «медикаменты» — деревянное масло, настой трав и лекарства, совершенно не поддающиеся химическому анализу.

Помню я бабушку Федосью. Она прописывала новорожденному рецепты по своему собственному убеждению; натрет бывало редьки или свеклы или нажует хлеба в тряпку и — в рот младенцу. Воздействие словом не помогало. Бабушки глубоко верили, что дети выживают и становятся здоровыми только благодаря им.

Нередкими были случаи, когда роженицы обходились и без акушера и даже без бабушек. Родили в поле, на работе, у себя дома.

Избушка-малушка была единственным родильным домом старого времени.

НОВОКРЕЩЕНОВА ЕВДОКИЯ ПРОКОПЬЕВНА,
горнорабочая, ныне пенсионерка

ПРО ТЯЖЕЛУЮ ДЕВИЧЬЮ КАТОРГУ

А я с одиннадцати лет тачку катать начала. Не принимали в артель. Мала, дескать. Большим-то это невыгодно. Пай там какой-то

идет, а в одиннадцать лет, конечно, я столько не могла выработать. Я в ножки артельщику поклонилась. При управителе Апыхтине артели завели. При артелях-то, видишь ты, «щегеря» меньше мошенничали. Когда поодиночке замер шел, ну, он припишет кому что. Ящик вывез — запишет три. Конечно, отчисляют ему потом, ну, а с артелью-то уж не так сговоришься.

Пожалели меня — приняли. Начала работать. В артели которые подгоняют меня: «Почему комья мелкие берешь?» Да тихо возишь, да то, да другое. Я через силу большой ком кладу. Внутри все обрывается. Боюсь — с работы прогонят.

А тут как-то раз управитель пришел. Увидел меня и спрашивает: «Как это так такую маленькую приняли тачки катать?»

Я ему в ноги: «Ваше, — говорю, — благородие, не выгоняйте меня, я сирота круглая, ни отца у меня, ни матери, чем мне жить?»

Тут нарядчик замолвил словечко за меня, обещал последить за мной. Согласился управитель. Осталась. Осталась и еще пуще стараться стала. Боюсь сама — артель выгонит. А большие девки невзлюбили меня. Невыгодная я им, и все норовят тачкой, колеском мне на пятку. Разбили раз, расшибли так, что кровью изошла. А они: «Не лезь с большими работать».

Стала я после этого еще пуще стараться. Не отставать. А силенка-то какая!.. Откуда ей быть? Раз упала с тачкой так, что раскровянилась вся, объявиться боюсь. Скажут — мала, скажут — не может она, и выгонят. Так-то я много раз увечилась, а потом попривыкла. Выполнять норму стала. Три тонны руды надо было выкатить, а в каждой тонне по шестьдесят два пуда. Тогда тонны тяжелее были супротив нынешних. И все за тридцать копеек. Посчитай, сколько тачек надо

было вывозить. Сколько за тачку-то? То-то и есть.

Подросла. Посватался человек. Хороший был у меня муж. Только видется мало с ним пришлось. Одиннадцать лет он провоевал, а когда дома был, то я в дневную смену ходила, а он в ночь. Реденько, когда друг дружку дома захватим. Больше на дороге встречались. Он и по хозяйству мне не отказывал. И квашеночку другой раз растворить поможет. Человек был сочувственный.

Вот как-то стучит он ночью.

«Ты что?» говорю.

А он: «Да так, — говорит, — попроведать пришел».

Я говорю: «Как так? Никогда не хаживал, а тут вдруг...»

Он ничего порядком не сказал. Дома проспал эту ночь. И только утром от других узнала, что его

берут в армию. Он огорчить, видно, боялся меня. Не хотел раньше срока сказывать. Вдруг да не возьмут, зачем жену тревожить, зачем ей лишние слезы лить. Золотой муж был. И работа окаянная с ним веселее была. Хоть и не видимся, а знаешь, что муж есть, который любит тебя, — жить хочется.

Сколько я слез пролила, когда провожала его на японскую! А без него еще более того. В положении осталась. А без мужа легко ли ребят растить? С кем оставить их? Одних ведь запирали. На вторую неделю после родов пожалуйте на работу. Начальство не приглашает — нужда требует. Ребеночек-то дома некормленный. Без материнской груди растет. Расскажешь разве это все.

Кругом я, кругом осиротела, — песня была такая.

Убранство в доме старого мастера.

Тебя, мой милый, здесь нет,
С тобой все счастье улетело.
Когда вернется назад?

И такую еще песню пела:

Вздохи мои, вздохи,
Тяжелые мои!
Полетите, мои вздохи,
Куда я вас пошлю.
Разыщите любезнова,
Которого люблю.

Дочь замуж без мужа выдала.
Легко ли? Квартирантов держала.
Обмывала, обстирывала. Домишко
свой был, а потом продали за девяно-
сто рублей. Всего за девяносто.
Слава, что дом, а посчитать — так
по цене дров стоит. Немного разве
подороже.

А рудник я любила, хоть и ухо-
дила темно и приходила темно, но
только тамлюдно было. Как-то на
людях тоску легче в себе носить.
Видишь, что не у одной она у тебя.
Людно тогда на руднике было. Ты-
сячами робили. Тут буровые, там
катали, молотки стучат, так что в
ушах звенит. Коней этих не пере-
считать. Теперь народу совсем не
видно. Ну, так и зачем быть ему?
Машина одна за двадцать, может,
артелей в один час сработает.
А тогда все руками, все руками. Ру-
ченьки и носили, и возили, и бури-
ли, и все они. Сейчас смешно, ка-
жется, на рабочих глядеть. Совсем
господами работают. Сидит и ма-
шиной правит. А тогда какие маши-
ны — тачка.

САННИКОВА ДАРЬЯ СЕМЕНОВНА,
горнорабочая

О ЖЕНСКОЙ ГОРЬКОЙ ДОЛЕ

Как вы ни говорите там о женщи-
не, ей куда тяжелее, чем мужчине,
в старые годы было. Женщина всем
раба — и рудничному начальству, и
отцу, и мужу. Это ведь нынче по
любви женятся. В наши-то годы,
как скажет тятенька, так и будет.
Много в этом отношении тогда

произволу было. Вот, скажем, я.
О себе-то легче говорить.

Лицом меня бог не обидел, и са-
ма я была ладная девка. Парни
мимо не проходили — заглядыва-
лись. И было, по правде сказать, на
что посмотреть. Соседи соврать не
дадут. Только я не больно простая
была. Разборчивая. Было из кого
выбирать. Не один на наши окошки
поглядывал. А полюбила я одного.
Николаем звали, Колей. Лет мне
мало было, совсем девчонка. Неж-
но я любила его. Все песни, все ду-
мы про него. Работаю бывало, — а
работать с малолеток тоже, как все
наши, начала, — про него думаю.
И парень он был хороший. Не буян,
не поножовщик какой. Поглядит —
рублем подарит. Сердце готово вы-
скочить. Видались, конечно, на ве-
чорках. Один на один в те годы
встретиться — это позор. Так сосе-
ди осрамят — не покажешься. А на
вечорках виделись. В «соседи» иг-
рали. Это когда стульями меняются.
И фантики тоже были.

Вас барыня послала,
Сто рублей денег давала.
Все берите, что хотите.
Черно с белым не берите,
«Да» и «нет» не говорите.

Ну, случалось, проиграешь ему
фантик... поцелует. На виду, не как-
нибудь. Это разрешалось. «Вот,—ду-
маю, — подрасту, сватью зашлет, и
начнется у меня счастливая жизнь».
Хотелось мне, чтобы сыны-то мои
на него были похожие. Ну, да мало
ли что тогда девичий ум не передумал...
Только отец по-другому ре-
шил. Тут у нас старый холостяк
жил. Лет сорок ему было. Ну и при-
глянись я ему. Страшной был; вид-
но, ни одна девка за него не шла,
а меня решили выдать. Отца подпо-
или, угостили, слово выманили, и
отец сказал мне свое слово: хочу
тебя, дескать, за Николая за-
муж выдать. Его тоже тем же име-
нем звали, что и того — зазную.
Я в слезы. Наотрез. Ты что, мол,

тятя, выдумал? Мне пятнадцать, а ему сорок пять. Посуди: тридцать лет разница. Отец не только во внимание мои слова не принял, а даже избил меня смертным боем. Два дня в постели лежала я после этого, с синяками да с шишками под венец пошла.

На что, вы спросите, тятя позарился? Богат он был? Нет. Жигарь и жигарь, достаток один, как у всех. Или, может быть, приданое не спрашивал? Нет. Было приданое, как полагается: и одежда, и постель, и самовар. Что полагается, все было. Так что же? А ничего. На ум взбрело. Слово пьяный дал, а трезвый отказать не мог. «Я хозяин в семье — и все!» Так вот и выдали. Ну, а раз выдали, то прощай все.

Тяжело в гору ходить,
Трудно подыматься.
Хорошо баских любить,
Тяжко расставаться.

Расстались ведь. Из ума его выкинула. Закон приняла, венец надела. Значит, судьба, решила я и с нелюбимым жить стала. Думала: слюбится, как свахи говорят, обтерпится. А слюбится-то тяжко! Кто не испытал этого, тот не поймет, как с неровней-то жить.

Месяц тихо прошел. Ревела укрادкой. А на другой-то месяц слез скрыть было нельзя. Бить он меня начал. Кто посмотрит на меня — зуботычина. А если отведу кому на вопрос, — на руднике в горе вместе работали, — домой приду — баня. Слезами и поужинаю. За столом сидишь, глянешь в окно, — ну, мало ли кто мимо идет, — опять затрещина. Из синяков не выходила до германской войны. Пришла германская, взяли его. Все бабы слезами по своим мужьям обливаются, а я... Надо бы ровно пореветь, да слез нету. Не жалко мне было его. Так и сгиб он. И так я, скажу вам, хоть и стыдно сказывать, да уж коли мы книжку правильную пишем, правильно скажу: довольна была. Большая

семья за моей спиной. Одна я работница в доме. Легко ли вдове, подумайте. Тогда ведь не помогали нам. А все равно легче было. Хозяйкой стала. А как советская-то власть пришла, вовсе мое положение стало форменное.

Теперь я гляжу: по-другому любятся. Лучше. Сами свою жизнь решают. И сами за себя постоять могут, и управа на мужика есть. Закон защищает женщину. Посмотришь — и жалко станет, что жизнь твоя ни за что, ни про что прожита. Ну, да жизнь не катушка. Не воротишь санки обратно, и второй раз с нее не скатишься. Жалей не жалей — ничего не поделаешь. Но, может, на нашем-то горе другие будут счастливее. Значит, и мы не вовсе зря прожили.

БРЮХАНОВА АННА ФЕДОРОВНА,
горнорабочая

ЕЩЕ О СЕРДИТОМ МУЖЕ

Дарья-то чистую правду сказала, мне ровно и прибавить нечего. Муж у меня тоже... Хоть и маленький был, а ежевитенький. Винцо любил; выпьет — и житья от него нет. Так накуделит, — из дому убежишь. А бежать некуда. В те годы разводов ведь никаких не было. Да и позором считалось мужа бросить. Вот и терпишь. Муж был всему господин и всему голова. Как хочет, так и поступает. Невеселая у меня была жизнь. С двенадцати лет, в «золотую роту» работать пошла. По шести копеек в день зарабатывала. Поучиться не пришлось. Мать господской прачкой была. По четвертаку за день стирала. Жили на хлебе да на воде. В лавках-то все было, да купить не на что. Вся молодость моя прошла в бедном состоянии. И вспомнить ее нечем. Овдовела рано. С вина он помер. В те годы наши мужья в вине горе топили.

Я так думаю, что поменьше да

покороче про старое-то надо говорить. Нечего госку-грусть нагонять. Конечно, оно правильно, что через старое-то новое лучше видать. И я бы хотела, конечно, про «золотую роту» рассказ рассказать, только я думаю, что из стариков кто поскладнее о «золотой роте» расскажет. А через нее все ведь мы, все до единого прошли.

НИКУЛИН СЕМЕН ГРИГОРЬЕВИЧ,
техрук промывочной фабрики

ХУДО ЖИЛОСЬ ДЕТВОРЕ

Раньше валунчатую руду копали и вручную добывали. Всю мелочь, которая оставалась, ребята подбিরали. Кто в корзинку, кто в сумку, кто в корытце. Не от веселой жизни ребята работали. Совсем малолетки были: по восемь, по десять лет. Собранную руду в ящик клали. И платили с ящика. Гроши, копеек пятьдесят способный паренек мог заработать в неделю. Работали артелями. И вот эта-то ребячья артель и называлась «золотой ротой». Почему такое название и откуда оно, мне неизвестно. Только через эту «золотую роту» мои сверстники действительно все прошли. Никто не минул ее.

Можно сказать, что «золотая рота» тех лет была наподобие ремесленного училища. Только в другом смысле. Ребята терлись на руднике, приглядывались к работе взрослых и подучивались маленько. Свою профессию выбирали. Из «золотой роты» вербовались бурносы. А работа бурноса, как у челнока: туда-сюда. От рудокопа до кузницы. И обратно. В кузницу затупленные буры несет, из кузницы отточенные. А буры поминутно тупились. И стали в ту пору хорошей не было еще, да и часто на камне работали. Другой стеклянник попадет такой, что на палец не пробуришь, а бур, глядишь, притупился. Вот так-то мальчик и

бегает целый день. Когда подрастет мальчонка, его в метельщики берут, в молотобойцы. Трудовая жизнь начиналась рано, очень рано. Детство недоигранным оставляли.

Казне эта работа выгодна была. За какой-нибудь гривенник мальчонка от детского-то усердия на рубль прибыли даст. Ну и привлекали ребят... А отцы, матери тоже не противились. Те и другие весь день в поту, в работе. Деньжат в обрез. За ребятами поглядывать некому, ну и, глядишь, посылают в гору. Мальчонки сначала в охотку по недомыслию, по несмышлености в гору идут. Интересно ведь свой первый-то пятак заработать. И зарабатывают. А потом горе да нужда и затягивают их. Деться некуда: начал — работай.

Были и поощрения ребятам. «Веселые» поощрения, нечего сказать, «премия». Один тут управляющий поощрял. Приходил на выработку, созывал ребят. Брал горсть медаков и бросал их в ребячью кучу. Ну, крик, визг. Каждый первым схватить хочет, каждый больше. Друг у друга вырывают. Дерутся. В волосы вцепятся. Одним словом, несмышлениши. А управитель ржет во всю глотку. Любо ему. Зрелище. А того не понимает, что этим он дружную артель ссорит. Разногласия меж ребят сеет. А может быть, эти-то разногласия управителям нужны были. При нашем разногласии да при наших ссорах нас легче в яре водить.

Если посмотреть пристально, так эти-то медачки и потом, в зрелые годы, нам бросались. Только в другом смысле. Натравляли нас друг на друга разными поощрениями, выделениями одного против другого. Плохо ведь, когда рабочий-то класс дружно живет. Дробить его надо было царским прислужникам. Ну, вот и дробили, начиная с ребяческих лет, с «золотой роты».

Каталь брался из тех, кто по-

взрослее. Ему надо было день-денской тачку катать. Катали ее от выработки до ящика, метров двести. Так парень накатается за день за тридцать-то копеек, что спины не разогнет. Других ребят брали молотобойцами, по буру бить. Попадали такие породы, что парень до пятисот раз ударит, чтобы пробурить один вершок. Я раблывал молотобойцем у Фалалеева Павла, который и научил меня бурить. Все еще помнится эта работенка. Да и все ее помнят. Не верится теперь даже, что тогда такой проклятый труд был, такая низкая механизация. Свои слова, своя правда выдумкой кажется, а ведь все это было, товарищи.

ЮРЬЕВ ВАСИЛИЙ НИКОЛАЕВИЧ,
слесарь

ХУДО ЖИЛОСЬ МОЛОДЕЖИ

После смерти отца нас четверо осталось. Старшему шел девятый год. Мне учиться мало пришлось. Пошел на рудник. Приняли меня бурносом.

Сначала работа мне показалась интересной — ноги молодые, весь день бегаешь. На моей обязанности лежало подносить из кузницы заостренные буры и каёлки и уносить в кузницу затупленный инструмент: инструмент тупится часто. В зимнее время мне приходилось совершать до пяти прогулок. Полторы версты туда, полторы обратно — это три. И выходило пятнадцать верст. Не легко, да при молодых годах это было ничего, но инструмент был тяжелый. Для мальчика фунтов тридцать таскать на дальнее расстояние — вес порядочный.

Отдохнуть не давали. Ругали, если задержишься. Десятники требовали работу. Тридцать копеек в день не зря платили. Бывали случаи, других бурносов и наказывали.

ЕРМАКОВ МИХАИЛ ДМИТРИЕВИЧ,
*слесарь-водопроводчик,
наблюдатель воздушноканатной дороги*

СТАРЫЙ «ЩЕГЕРЬ» — ЦАРЬ И БОГ

«Щегерь» раньше для рабочего большим начальником был. От него все зависело: и на легкую работу перевести и плату побольше дать. Эти самые «щегеря» из нашего брата выходили. Который в деле понимать начинает, командовать может, того и в «щегеря» назначали. Если к деревне прикинуть, так «щегерь» среди нас вроде кулака ходил. Работать он не работает, только указывает да требует выполнения работы. А плата ему против нас вдвое идет. Рублей сорок-пятьдесят выработывал. По тем временам это почти две коровы в месяц. Наш брат зарабатывал двадцать — двадцать пять рублей. Кроме этого, управитель давал им вознаграждения к праздникам, потому что «щегерь» главная сила на руднике был, от него зависело, как больше руды до-

быть, как сэкономить казенную копейку.

Возьмем Бобылева или Якушева, оба они из простых рабочих вышли. Якушев тогда даже неграмотный был. В «щегеря» вышли — исправно зажили.

ЖЕРНАКОВА ЕКАТЕРИНА НИКИТИЧНА,
горнорабочая, ныне пенсионерка

Помню я мастера Бобылева, черноватый мужичонко, с батожиной бегал, поторапливал. А второй был Якушев, тоже мастером работал. За то, что рабочих понуждали, начальство выдало им царские жалованные кафтаны. Кафтаны были черные, с поясами, обшитые позументом, надевали их в праздничные дни. Дома у мастеров были хорошие, большие, жили на славу. Хозяйство большое имели.

ГРЕХОВ ПАВЕЛ ТИМОФЕЕВИЧ,
старый горняк, ныне пенсионер

В жалованных-то кафтанах чужая работа была. Ящик надо накласть,

сколь требуется, так «шегерь» с верхом хотел. Из этих верхов и складывались большие капиталы. Большое экономяство получалось. За него-то их и жаловали и деньгами и кафтанами, а те рады стараться, жмут нашего брата. Некоторые и домишки понастроили.

БРЮХАНОВА АННА ФЕДОРОВНА,
горнорабочая, ныне пенсионерка

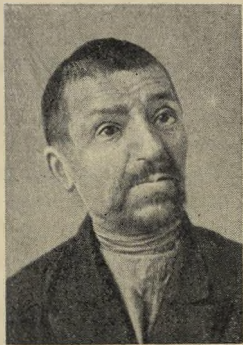
БАК РУДУ ВСКРЫВАЛИ ТОГДА

Шахт у нас почти что не было. Открыто руду не брали. Но руда сверху земли не лежала. Чтобы до руды дойти, вскрышу делали. На вскрышных работах лопаткой работали. Земли много надо было снять.

Царское рудничное начальство.

Брали эту землю и возили конями на отвал. Вскрышные работы были зимой и летом. Летом на колымажках возили и зимой на саях. По четыре, да по пять, да по шесть аршин пласты снимали. Тяжелая работа была, медленная, тихо дело шло, а там, где камень попадал, рвали порохом да ломами. Отваливали. Зимой совсем тяжело было работать: аршина на два земля простывала. Вот и попробуй поковырай. Мокрым и в мороз работаешь, — мы хоть и привычны к этому были, а все-таки простужались, всякое бывало. Тяжелая работа была в горе.

ГРОХОВ ПАВЕЛ ТИМОФЕЕВИЧ,
старый горняк

От «щегерей» я много натерпелся. Больше всего я запомнил Котельникова, сердитый человек был, несочувственный. Зимой бывало погреться не даст, — а в мороз легко ли работать? Наши морозы известные — трещит все кругом.

Даст бывало урок — на ручном грохоте подрудок просевать, а норма большая. Не всегда ее можно выполнить. Не исполнишь — он возьмет да и не зачтет тебе и то, что ты сделал. Все и пропадет.

Руду по узеньким дощечкам катали, а тачки большие, тяжелые, случалось, что вывернет тачку, и ты вместе с ней летишь. Вместо то-

го чтобы делу пособить, улучшения внести, «щегерь» тебя же начинает ругать. Случалось, что другому и затрещину давал — «щегерь» был царь и бог, и от него мы все зависели.

Котельникову за это жалованный царский кафтан выдали и деньгами тоже не обижали. Жалованье порядочное получали и, кроме того, «с дуги» брали и припиской занимались.

«С дуги» все коновозчики платили рубль в месяц. Это почти узаконенным взяточническим обложением было. Если подсчитать, сколько лошадей у «щегеря» работало, да прикинуть по рублю на каждую дугу — большие деньги получались. На эти-то деньги они и строили дома и заводили хорошую одежду.

Конечно, были и хорошие «щегеря», но только редко. Вот, к примеру взять, Осинцев Матвей Григорьевич, Чичилимов, Салазкин Василий Петрович. Эти по совести работали. Работу спрашивали, но и за работу давали.

КАРЫПОВА ЕКАТЕРИНА ВАСИЛЬЕВНА,
горнорабочая

О ПОЖОГАХ РУДЫ

Раньше руду попросту обжигали, без печек. Расчистят место — начинают дрова валить. Клеткой клали их. Клетка была сажень в длину, сажень в ширину. Когда сложат, начинают рудой заваливать. Потом опять дрова кладут. Потом опять руду и, сколько требуется, рядов наложат, тогда зажгут, а бока жердями и пустяком (пустой породой) забирают. Трубы, через которые жар идет, из дров же делают, из поленьев. Наша обязанность была глядеть за огнем. Если возьметесь огонь сильно, дыру проест, мы подрудком заваливали. Нарядчик строго глядел за этим, и чуть про-

зеваешь, он и поколотить мог. Одну, помню, палкой поколотил так, что другим долго боязно было.

Куча эта не один день горела, не помню сколько, но, кажется, до двух недель.

Маятная работа была, невыгодная и вредная, потому что дым едкий, удушливый.

Куче остыть не давали и в завод возили.

А каменные рудяные печки это уж потом пошли. На них куда хуже работать стало.

САШКИВА ДАРЬЯ СЕМЕНОВНА,
горнорабочая

В ГОРЕ ТЯЖЕЛО, А НА РУДЯНОЙ ПЕЧИ КАКОВО?

В горе работать тяжело, а на рудообжигательной печке еще хуже. В горе только «шегеря», а тут еще и огонь. Он хуже «шегеря» стоять не дает. Так пышет, так подгоняет, успевай поворачивайся.

До того как руду-то в домну отправить, серу надо было из нее выжечь. Для этого рудяные печки клали. Я вот и работала на такой рудяной печке. Печка клалась каменная, аршина четыре высотой. С окнами в боках. Окна были для выгреба руды.

Открывались окна и для того, чтобы в случае, если в одной стороне огонь загнездится, в другую его переводить.

Руда обжигалась дровами, — их клали снизу, сверху заваливали рудой. Высоко было грузить. Аршина четыре завести надо тачку—это не шутка. Заваливали руды много и запаливали.

Остывать не давали ей потому, что время терять не хотели. Руду выгребали горячей через окна. Тачкой горячей, что тачки обугливались.

ХАЙДУКОВ ПЬАН ПЬАЛОВИЧ,
старый горнорабочий,
ныне пенсионер

Печь работает непрерывно, — сверху идет завалка дров и руды слоями, внизу через люки разгрузка обожженной руды. Непрерывно идет завалка. Тяжелая это и вредная работа. Завалят руду и прыгнут в печь равнять слой. Дух захватывало. Выскочишь — не отдышешься, а очередь снова твоя.

Больше года не выдерживали люди на этой работе. Желтеть начинали, хрип появлялся, а уж это конец.

Позднее, где сейчас дробилка № 2, для обжига установили печь «Лесмана» — кружало башней. Внизу кругом люки для разгрузки, сверху заезд для подкатки руды. Здесь в печи большой люк для завалки, от него в печь пустотелая арка со сводом спущена, а вокруг выше поднимается длинная труба.

Рабочие печей все страдали туберкулезом. Дышать нечем при завалке, слезы бегут от сернистого, удушливого газа. И главное — опасная работа. Раз как-то нарядчик Уваров с рабочим Путиловым хотели через нижний люк посмотреть, не готова ли руда. Только открыли люк, а газ как фуркнет... Отбросило обоих. Горят. У нарядчика кожа с руки, как перчатка снялась, только на ногтях задержалась. Схватил я их, давай по снегу катать. Умер нарядчик.

Тяжело доставалась руда.

СУСЛОВА ЕЛИЗАВЕТА КУЗЬМИНИЧНА,
горнорабочая

Работа была такая горячая, что подле тебя горит, и позади тебя горит, и тачка горит. Случалось, что за 12 часов по три тачки сгорало.

Молоденькая я была тогда и тачки катать не под силу было, и озорные бабы, которые постарше, тачечным колесом не один раз мне пятки в кровь разбивали.

На обжигательной печи работа была вредная. Серу выжигали, а от серы дух какой — сами знаете. Многие подолгу-то этой работы не выдерживали, убегали с нее, а те, которые подолгу работали, потом легкими маялись, чахоткой.

Многие перечихли. Лечения тогда и в помине для нашего брата не было — на всем казна экономила.

КАРЫПОВА ЕКАТЕРИНА ВАСИЛЬЕВНА,
горнорабочая

РУЧНОЕ ДРОБЛЕНИЕ

В мои годы никаких дробилок не было. Вручную дробили руду. На кобылинки клали чугунные доски. На доски сыпали руду. Руду брали из-под печки, обожженную. С обеих сторон ставили малолеток из «золотой роты». Давали им молотки железные, фунтов по пяти каждый молоток, и мы мельчили эту руду. Куски нужны были маленькие, поменьше кулака. Потом руда складывалась в ящики и замерялась. Заработок был копеечный. Обмеряли на каждом шагу. На всем казна экономничала. Уж на что порох взять... Порохом-то ведь вон сколько можно было бы руды нарвать, так и на нем ужимали нас.

ЕРМАКОВ МИХАИЛ ДМИТРИЕВИЧ,
наблюдатель воздушно-канатной дороги

КАК КАЗНА ПОРОХ ЭКОНОМИЛА

Что верно, то верно, казна раньше порох экономила. И чтобы его меньше шло, заставляли рабочих выкупать его на свои деньги. Когда рабочий своим порохом работает, он жалеет его, потому что платить за него надо. Пользовались порохом только в самых крайних случаях. Когда уж скала звенит, видишь, что щелей нету, тогда только и рвешь. Работать приходилось больше ломом, клином, — словом,

вручную. Случалось так, что рабочие пороха не отработывали и казне должными оставались. Неудобство в этом было большое. Кабалил нас порох. Заставлял непосильную работу делать. Будь бы его достаточно, и заряд можно больше класть и глыбы побольше отваливать.

Как-то мы решили покончить с покупным порохом.

Решили к управителю итти. Послали из артели человека четыре, пошли к управителю на поклон, жаловаться. Рассказали, как и что, все по порядку. Ну, управитель-то, видно, и понял, что для казны невыгодно, когда рабочему порох продают, из-за него приходится и выработывать меньше, и разрешил с тех пор на казенном порохе работать. Но лишка тоже не давали, приходилось работать больше руками. Это не то, что нынче. Нынче по нескольку тонн заряды закладывают, горы целые на воздух летят, а тогда, в наше-то время, самое большое фунт клали. На золотники тогда взрывчатку мерили. Ну, так по стрельбе и добыча была. Теперь вагонами добывают, а раньше тачками да тележками.

ПОЧЕМУ ШАХТУ ЗАБРОСИЛИ

Да не только в одном порохе дело. Царская-то экономия на многом сказывалась. Копейки берегли, тысячи летели. Вот ту же шахту взять. Разве она не могла стать прямым путем к большой руде? Могла. А почему не стала? Потому же, почему на порохе выгадывали, а на руде прогадывали.

Руду у нас на Благодати добывали не только открытым способом, но и шахтами пробовали. Для открытого способа надо вскрышу производить. Толстый слой земли поднимать, а для шахты этого ничего не надо. Я бил одну такую шахту. В артели работали. Глубина ее

была до сорока сажен. Дело шло тихо. Разрабатывали шахту, как колодец, только размером больше. Породу бурили и рвали порохом. Наверх вынимали бадьями, воротом, конным приводом. Ствол шахты был по размеру сажень с лишним. Больше четырех-шести человек в стволе шахты работать было нельзя. И это тоже замедляло дело. Механизация тогда плохая была. Пробурят шпур, порохом засыплют или динамитом, рабочие наверх вылезают, и производится взрыв. Выберут породу после взрыва и снова бурят и снова заряжают. Когда до руды дошли, добыча в шахте была небольшая, потому что при тогдашней механизации многого добыть и нельзя было. С откачкой воды дело плохо было. Качали, но вода все равно заливала. Бросили шахту. Почему? С водой не управились. А ведь маленько-маленько бы надо откачку прибавить. Не прибавили, пороху нехватило.

Порох, товарищи, глубже понимать надо, широко, а не то что как порошок. Везде этого пороху нехватало. Особенно в облегчении труда рабочего. Были бы заводские управители умнее, другую бы линию взяли. В чужих-то странах, — слышали мы тогда, — страхование завели, вспомогательные кассы. Не говоря уж, что машины густо вводить начали. А у нас? Никакого внимания ни к работе рабочего не было, ни к нему самому. Кассы, правда, ввели. Но что это были за кассы? Послушали бы вы Алимпиева Николая Михайловича. Он и тогда грамотным был, и писал, и считал. Он-то может про них написать, во всех подробностях.

АЛИМПИЕВ НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧ,
экономист-плановик

О ЦАРСКИХ КАССАХ И ОБ ОХРАНЕ ТРУДА

В горной летописи значится, что «в 1865—1867 годах рабочие и слу-

жащие на гороблагодатских заводах были до некоторой степени обеспечены учреждением вспомогательных касс горнозаводских товариществ, установленных по высочайше утвержденному 8-го марта 1861 года Положению о горнозаводском населении казенных горных заводов и рудников, с целью оказывать своим членам, их вдовам и детям постоянные пособия (пенсии) или временные. Для усиления вспомогательных касс предоставлено было выдавать членам ссуды и принимать от них вклады для приращения процентами. Участниками в кассе должны быть вольнонаемные служащие и работающие на заводах или рудниках, к какому бы сословию они ни принадлежали; кроме того, предоставлено право участия в кассе и поставщикам заводских материалов (если это не подрядчики), лесникам, объездчикам и вообще лицам, заключившим договор с казною не менее как на год по исполнению обязанностей или работ. Такие кассы открыли свои действия на всех пяти заводах округа и на Илимской пристани».

Такая касса и на моей памяти была создана в «добровольно-принудительном порядке». Основные капиталы кассы составлялись из принудительных вычетов с каждого рабочего и служащего.

Касса при поручительстве не менее чем двух человек выдавала ссуды, начисляя на выданную сумму проценты. Были случаи, когда рабочий, особенно многосемейный, по несколько лет не мог погасить ссуды, тогда с него вычитали почти полностью весь заработок и обрекали на голодное существование или невыплаченную ссуду взыскивали с поручителей.

Вследствие того, что на руднике почти отсутствовала техника безопасности, несчастных случаев было много. В этих случаях касса по-

могала, но эта помощь, по существу, была слишком мала и выражалась в нескольких рублях. За несчастные случаи с рабочими никто к ответственности не привлекался, всегда был виноват сам рабочий. Помню, как-то осенью один из рабочих шел на работу. Было еще темно, он спускался с верхнего уступа на нижний по деревянной лестнице, в которой не было нескольких ступенек, свалился и сломал ногу.

Администрация вместо помощи обвинила рабочего, сломавшего ногу. Ни пособия, ни пенсии он не получил.

Некоторым после длинных ходатайств, подачи прошений, поклонов выдавалась казной пенсия. Месячная пенсия по сумме равнялась четырем-пяти дням заработка. Существовать без приработка на такую пенсию, да еще семейному, нельзя было.

КРЕСТЬЯННИКОВА ТАТЬЯНА МАКАРОВНА,
рабочая

Охраны труда и предосторожности для рабочего не было. Несчастные случаи часто бывали.

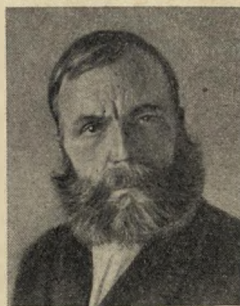
На памяти у меня такой случай. По неосторожности, или по неосмотрительности, или устройство домны было такое, что калоши (очередные порции руды и угля) задерживались, а потом проваливались. Провал калоши имел большие последствия, и вот один такой провал на моей памяти похоронил двенадцать человек, в том числе погиб мой отец.

Оставшаяся семья без кормильца имела бы, кажется, право получить пособие или пенсию. Ничего не получили.

Для матери это было большим потрясением. Через год после смерти отца скончалась и наша мама. Осталось нас семь человек сирот, без всякой помощи и средств к существованию.

Куда этим сиротам? Тем, которые постарше, только на завод да в гору, которые нас не миловали, а маленьким — иди по миру. Трое из нас померло, а остальные, которые выжили, пошли в люди да по цехам.

Невесело вспоминать старое время. Не было в нем отрадных дней. Не было нам помощи.

ЧУПАХИН ИВАН ЗАХАРОВИЧ,
машинист водокачки

О какой там помощи или об охране труда можно говорить было, коли уж и детям чуть не с младенческого возраста разрешали работать. Я вот с семи лет в гору пошел. Всего нагляделся, навидался.

Увечились многие и часто. Дело было поставлено так, что в увечье всегда оказывался виноватым сам рабочий. А если случалось, что происходил обвал или еще что-нибудь, по вине техников были жертвы, то на моей памяти не было того, чтобы начальство отвечало за жизнь рабочего, а уж об увечье и говорить нечего.

Особенно трудно было малолеткам. Расшибется девушка, покалечится и скрывает это, потому что ее сейчас же уволят. Скажут: «Ты неумелая и работать не можешь». И получалось, что искалеченные не только помощи не могли требовать, а даже скрывали свое несчастье.

Больницы были. Лечили в них.

Бесплатно лечили. По бедности. И на рецептах даже было написано: «По бедности». Такое было и лечение — по бедности. Я глаз на руднике потерял во время работы — крошка рудная отскочила — и испытал, что такое лечение по бедности. Я на свои деньги лечился, в Тагил ездил, это вернее было.

Не помню я, чтобы покалеченному на руднике помогали. Единственно чем помогали — это гробом. Гроб даром давали. А насчет лечения... Лечили нас так же, как учили.

ОБОРИН РУФ ИВАНОВИЧ,
рабочий

КАК РАНЬШЕ УЧИЛИ

В 1855 году восьмилетним парнишкой я пришел в школу. Школа тогда находилась на Базарной улице, у пруда, где сейчас ночной диспансер.

Когда вошел в класс, меня буквально оглушил шум и гвалт. По стенам были развешаны огромные таблицы с азбукой. Перед каждой таблицей полукруглые барьеры, как у магазинных витрин. Внутри барьера стоял «старший» с большой «указкой», снаружи стояли школьники. Старший водил указкой по буквам и кричал: «а, бе, ве, ге». Малыши, как галчата, изо всех сил орала вслед за ним. У других барьеров орала точно так же.

В школе было три класса. Перегородок между ними не было. Тут первоклассники твердят свое «бра, вра, гра», дальше читают вслух «закон божий», тут же на партах пишут.

Грифельных досок не было, а бумаги ученикам не давали. Писали на деревянных песочных досках. Это делалось так: на парты накладывались две дощечки с закрайками, на дощечки насыпался песок, линейкой песок выравнивался и

графился. Потом деревянной палочкой на этом песке писали.

Первый день я в школе провел, как гость, — все осматривался. На второй день уже стал осваиваться с школой.

На «закон божий» пришел поп Тимофей Калашников. Все притихли, некоторые побледнели. Он стал спрашивать уроки. Вначале вызвал к столу своего сына и стал спрашивать 50-й псалом.

За то, что сын смешался, отец отвесил ему звонкую пощечину и отправил в сторожку. А там еще прибавил.

На этом уроке законоучитель спросил четырех учеников и все получили свою порцию розог и по нескольку часов стояния в углу на коленях.

А каковы были другие учителя?

В старшем классе был учитель Колясников. У него не проходило ни одного урока, чтобы не были выпороты 5—10 учеников.

Младшие учителя — Бабанкин, Черноголов и Белоусов — были несколько добросердечнее, но это происходило, вероятно, потому, что они недавно были учениками тут же. Неграмотность их была изумительна. Они не могли решить самых простых примеров по арифметике.

Наказания в школе применялись самые изощренные. Ставили в угол на колени, а в руки давали по два три полена, и наказанный должен был их держать на весу. Ученику, не выучившему урок, вешали на грудь большую деревянную доску с надписью «лентяй». Награжденному этим «орденом» старший водил за руку между партами, и все ученики были обязаны петь хором: «Лентяй, лентяй, лентяй». С этой доской ученик должен был притти домой.

БОЛОДКИНА ИРАИДА ПЛЫНИЧНА,
тесничка рудоуправления

Раньше девушкам учиться не приходилось, потому что старшие младших нянчили. Отец, мать на работе, — а ребят с кем? Вот и оставляют старшую нянкой. Когда ей в школу ходить? Некогда. Да и старики наши рассуждали так: на что девушкам учење, только письма парням писать, глупости одни, больше ничего.

Но мне все-таки довелось поучиться. Отец захотел, чтобы одна из трех сестер была грамотная. Послали меня в школу. Семья была у нас большая. Достатки не позволяли всех учить. Школьнице и одежда нужна, и валенки, и тетрадки. Копейка раньше дорога была, считали деньгами ее.

В школе было всего только три класса. Учебный год начинался с молебна, и каждый учебный день — с общей молитвы. Школьников выстраивали рядами, и они хором пели молитвы. Кончался молебен молитвой «Боже, царя храни». Каждое воскресенье школьниц гоняли в церковь к обедне парами. За порядком смотрели учителя. В церкви стоять надо было смирно: если кто повернется, наказывали. Наказания были разные. И к доске ставили и без обеда оставляли. Один учитель сердитый человек был. Он придумывал всякие наказания. Вот, скажем, к примеру, у нас девочка была от природы какая-то хохотливая.

Всегда на улыбке. А в печке, которая в классе стояла, печурочка была узенькая такая. Так он вызовет эту девочку и возьмет да лицом ее в печурку и заталкивает. Это мучительно и унизительно для девочки было. Или возьмет да на пол посадит, ноги калачиком велит сделать, и сидит девка, а он ходит мимо и попинывает, а она крутится, как манекен.

На учительниц я не могу пожаловаться, они как-то к нашему брату сочувственнее были. Ну, так и понятно, из народа вышли. Жизнь ихняя тоже невеселая была. Жалованьишко маленькое. Целый день в школе. Ночью тетрадки проверяют. Учителя тогда у власти не больно в почете были. Елена Андреевна Левкович, — я до сих пор помню ее, — очень славная была.

Гляжу я на нынешнюю школу и сравниваю, что против старой-то школы гораздо больше знаний получают. Они, пожалуй, нынешние школьники, за полгода столько проходят, сколько мы за два. Вся наша грамота кончалась на том, что немножко писать, читать выучат — и все.

Поучилась я только два года. Дальше средства не позволили. Но можно сказать, что эти-то два года были для меня счастьем. Сестры вон мои даже расписаться не умеют. А я пишу вот, видите. Прочитать все-таки можно.

БЕЖЕНОВА НИНА ИВАНОВНА,
секретарь-машинистка

О КУШВИНСКОЙ ЖЕНСКОЙ ГИМНАЗИИ

Удивительным кажется, что у нас в Кушве, где девушкам чаще всего не давали учиться, вдруг появилась женская гимназия. Тогда я была совсем еще девочкой и не задавалась этими вопросами. Но теперь мне хочется объяснить причину ее возникновения.

Дело в том, что к началу двадцатого столетия в Кушве, в центре Гороблагодатского округа, появилась не только торговая буржуазия, кулачество, но и интеллигенция. Интеллигенцию представляли: инженеры рудника и завода, чиновники управления округа, почтовые чиновники, врачи, нотариус, лесничий, земский начальник и другие, в том числе и духовенство. Им нужно было давать своим детям не только низшее, но и среднее образование. Для мальчиков уже было городское училище, впоследствии переименованное в Высшее начальное училище, образование же девочек ограничивалось церковно-приходской или земской школой. Купечество и главным образом интеллигенция потребовали среднего учебного заведения для своих дочерей.

Мне пришлось в этой кушвинской гимназии поучиться только один год. Материальная необеспеченность отца и сравнительно высокая плата за право учения помешали учиться дальше. Но когда я вспоминаю своих соучениц по первому классу, то среди них не нахожу детей рабочих нашего рудника. Перебирая в памяти фамилии соучениц, я теперь вижу, что они были дочерьми купцов, крупных служащих, инженеров — детьми из обеспеченных слоев общества.

Кушвинская гимназия обращала особое внимание на внешний лоск своих воспитанниц. Мне кажется, что женская гимназия не ставила своей задачей подготовить культурную женщину, образование которой пригодилось бы ей для дальнейшей деятельности. Гимназия скорее готовила невест для молодых людей из обеспеченных кругов кушвинского общества, и само образование являлось своего рода приданым. Поэтому-то, видимо, и были введены уроки танцев, хорошего поведения и тому подобное. Обращалось внимание и на языки.

НИКУЛИН СЕМЕН ГРИГОРЬЕВИЧ,
техрук промывочной фабрики

ЧЕГО У НАС ВДОСТАЛЬ БЫЛО?

Гимназия гимназией. Про нее надо было бы попозже сказать. Ну, уж раз о школах начали, так пусть будет все в одном месте. До гимназии о водке надо было поговорить. Этого «просвещения» было сколько душе угодно.

До того, как царь вино-водочную торговлю монополией сделал, частные заводчики водку курили. Из них Козелл-Паклевский у нас больше всех гремел. Большие деньги нажил.

По торговле вином каждый виноторговец монополию хотел в данной местности иметь. Если один торгует водкой на Благодати, другой уж не показывайся. А кому торговать — мир решал. Вот, к месту скажу, был единственный «парламент» того времени, когда народу было предоставлено право выбора: у какого заводчика лучше себе отраву покупать.

«Парламент» этот происходил так. На пасхальной неделе к волостному правлению приходили на сход заводчики или ихние приказчики.

Старшина, благословясь, надевал на шею бляху медную, на медной цепочке, что значит «власть при исполнении служебных обязанностей».

Вынет старшина кiset, свернет цыгарку, высечет неторопливо из кремня огонь, закурит и приготовится слушать.

Виннозаводчики объявляют, какие они льготы миру дадут, если мир им монополию торговлю у себя предоставит. Один предлагает недоимки уплатить за всю Кушву, другой, кроме этого, еще десять ведер водки выставляет. Третий, четвертый там еще какие-нибудь очки по-своему народу втирает. Тут выходит Козелл. Все стихают.

«А я, Козелл, выставляю вам боч-

ку водки в сорок ведер. Пей ковшом! Гуляй, народ! Веселись, православные!»

Ну и что вы думаете?.. К чертям летят в сторону недоимки и долги, которые другие предлагали за нас платить. Подаст знак староста — махнет рукой:

«Которы за «Козла» — сюды, которы за недоимки — туды!»

Весь народ и валит за «Козла».

А бочка-то уж катится! Ковши наготове, из дому принесли. Трах обухом по дну. Только брызги на все стороны. Пошли ковши гулять на круговую. Некоторые тут и полягут у бочки. А Козелл документ в карман, который староста подписал ему, и кабак открывает. В этот день он после даровой бочки столько вина продаст разгулявшимся, что даровую-то бочку три раза оправдает. Торговля за ним и остается.

Пирушка прошла. Отрезвел народ. Затылок чешет.

Поздно. Налоговой пресс приходит в движение. Глядишь, у одного дом описали, у другого корову повели...

А школа что? Она одна была в Кушве или две. А вот кабаков — их до тридцати штук бывало. Вот это массовое «просвещение». Было где народу ума-разума зачерпнуть. Различно и навьнос просвещали нас.

Кабак тогда центром всех центров был, а школа — это окраина...

ВОРОБЬЕВ ЯКОВ СПИРИДОНОВИЧ,
старый горняк

Вообще мы тогда во власти вина да во власти купца жили. А откуда эти купцы пошли? Это ведь тоже интересно знать для молодого поколения. Слушайте.

ОТКУДА НА ГОРЕ КУПЦЫ ПОШЛИ

Я про это скажу, потому что все на наших глазах было. А то, что мы сами не видели, от стариков знаем

Купец здешний из нашего же брата вышел, из крепостных. Ранее этого сословия ведь не было. А как выходили в купцы? А вот как: выскочит какой-нибудь мужичонко и зашибет деньгу. Трудом честным тогда большую деньгу трудно было добыть. Но фарт бывал. Или золотишко перекупит, перепродает или даже бывало и хапнет где что. Ну, деньжишки-то живо в оборот. Привезет кое-что, добудет, перепродает. Глядишь, из копейки-то две получаются. А там и откупится. Вольную выправит. А после конца крепостного права и выкупаться было не надо. Ну, глядишь, пару лошадемок раздобудет. Возит. Продаст опять. К старости-то кое-что накопилось. Деньги и дело сыну переходят. Сын далее дело раздувает — потомственно. У нас самый большой купец Никитин был. Умелый купец. Знал, как дело вести. От отца ему деревянная лавчонка осталась. А он из нее две сделал и одну каменную. Честь по чести — полный магазин. Приказчики и все такое. А чем? С хитринкой Никитин был, не без ума. В долг давал. Надо тебе купить чего — к Никитину. А если свадьба или большой праздник? Денег-то у нас как-то всегда не хватало. А он в долг. А в долг-то без денег вовсе любо покупать. Ну и берешь, сколько твоей душе угодно. А душа наша больше, чем на пятнадцать рублей, и не желала. Всего наберешь на эти деньги и везешь. А он в книжечку... Получка приходит — платить надо. Заплатишь, а себе что? Опять в долг. Так и крутится колесо. Ты не замечаешь, как оно тебя закручивает и как ему денежки намальвует. А потом он совсем как «Зингер» стал. Это, который машинами швейными в долг торговал. Этот Никитин-то «зингерские» книжки завел. Кому доверие есть, кто платит, тому книжку выдает. А как не платить? Не запла-

тишь — в другой раз не дадут, а деньги все равно стребуют. Через мирового. К тому же этот Никитин против других дешевле торговал. Ну, там у Горбашова или Панкова, тоже купцы, пять двадцать стоит, а у него пять. Он и на этой скидке выгоду имел. Деньги скорее вертел. У тех товары лежат, а у него вертятся. Этот внук-то Никитин, а может, и правнук, из соликамских крепостных вышел. А потом он, во все как господа, жить стал. Дачу такую отмахал за прудом, что не хуже господского дома. А с нами был обходительный. Если у него того товара, который надо, нет, к другому записку даст. И все равно без денег, в долг. С тем сам расчет имел. Ну, так ведь понимал, с кем дело имеет, кем живет, — нами жил.

Вот откуда купец вышел.

Коли уж про купца речь зашла, думаю, что с ним рядом и господ управителей присобачить надо. Жалко, что не я про них говорить буду. Уж я бы их описал на весь белый свет. Ну, да и другие, думаю, тоже не оробеют, найдут слова.

ИЗКУЛИН СЕМЕН ГРИГОРЬЕВИЧ,
техрук промысловой фабрики

ГОСПОДА И ГОСПОДСКИЙ ДОМ

Хотя крепостное право и кончилось, но в господских домах оставались старые помещичьи порядки. Управляющий так и назывался: барин или «ваше благородие», и дом его — господским домом. Так было до самой революции и не только у нас на Благодати.

Что представлял собой дом управителя? Это большое здание, комнат на двенадцать, со всеми удобствами. Комнаты были обставлены привозной мебелью, коврами и всякими причудами. Жизнь упра-

вителя и рабочего настолько резко отличалась, что ничего не было такого, что можно было сравнить. Если взять того же Апыхтина, то видим мы, что коров у него было минимум три. Свора собак, пять лошадей. Ездить он любил на тройке. Имел сторожа, конюха, кучера и других. Спрашивается, могли он 10 — 12 человек своей челяди на свое жалованье содержать?

АЛЖИНОВ НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧ,
экономист-плановик

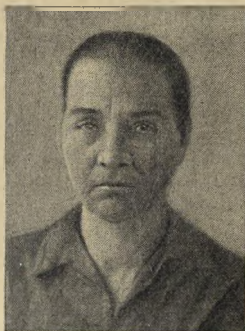
Нет, не мог. По штатам управителю казенной прислуги почти не полагалось, а если и полагалось, то очень немного — конюх, сторож и, может быть, кухарка. Между тем огромные штаты жили и кормились в господском доме. Если подытожить их жалованье, то получится сумма, превышающая месячный заработок управителя.

Я как-то поинтересовался, за какой счет нанимается и оплачивается огромный штат господской прислуги. Мне это было легко сделать потому, что я работал тогда счетоводом. Выяснилось, что повар, например, из года в год проводился сталеваром по спискам Кушвинского завода и получал там жалованье как сталевар. Какой-нибудь конюх получал как буршик, и так вся прислуга оплачивалась казной незаконным образом.

К этому прибегали не только управители, но и чины поменьше, вплоть до бухгалтера. Это вполне понятно, а почему? Потому, что без бухгалтера не сжульничаешь.

Управитель, привыкнув к крепостной дворне, не хотел расстаться с ней и после падения крепостного права. Словом, существо сохранилось старое, только изменилась форма.

Барин барином и остался.

САПНИКОВА ДАРЬЯ СЕМЕНОВНА,
горнорабочая

Я это все сама видела, потому что одно время в господском доме в няньках жила. Там я и узнала, как господа живут. Комнат не пересчитаешь, спален только одних несколько было, а служек-прислужек видимо-невидимо. Кухарка, коровница, горничная, да не одна, сторожей два, конюх, кучер, няньки и во дворе какие-то мужики работали. Одних ковров не перетрясешь, не перечистишь, полов не переMOVED. Широко жил барин, на тройках любил ездить. Охотник был. На работу реденько ходил, а вот на охоту часто. Компанией ездили, на лошадях, а с ними загонщики разные.

Помню, облаву устраивали, медведя убитого привезли. Сам медведь, он, наверно, тех трудов не стоил, какие потребовались всем тем людям, которые его искали да обкладывали. Во всем управитель от помещика не отставал и в медвежьей охоте тоже.

Мое дело было с ребятами сидеть: известно, нянька. Дети капризные, балованные, чуть заплачут — держись. Барыня строгая была, ногами затопает, куда тебе! Толкнет так, летишь, летишь и жаловаться некуда. Хоть мы и не крепостные были, а все равно бесправные. В суд ведь на барыню не подашь. Кто ей что присудит!

Гости частенько у господ случались.

Больше приезжие, из своих-то кого позовешь — купчишек разве, так и те неровня. Ездили из Екатеринбурга, из Тагила, из соседних заводов, тоже все господа важные. Гости бывали зимой и летом. При доме сад был. Большой, самостоятельный сад, и росло в нем все, что только может расти в наших краях.

Жили господа от нас на особицу, отдельно, и наша жизнь от ихней отличалась, как небо от земли. И нигде у нас никаких стыков с господами не было и не могло быть.

КРЕСТЬЯНИКОВА ТАТЬЯНА МАКАРОВНА,
рабочая

И я в господском доме жила. Вообще вся моя жизнь была по людям. Девушка я была складненькая, развитая, меня горничной назначили. Прибрать комнаты, на стол подать было моими обязанностями.

Господа сердитые были, не так барин, как барыня. Недаром помещицья дочь. Всего натерпелась я: и ругали, и руки долгие были у барыни — бивала. Приходилось терпеть — нужда.

Вечера у барина бывали часто. Гостями были начальство, лесничество, управляющий, духовенство из соседних заводов и даже из Екатеринбурга.

На вечерах танцевали под рояль. Играла наша барыня да барыня Капылова — туринского управителя жена, та из немок была.

Гостей бывало помногу, человек до пятидесяти случалось. Невеселое какое-то веселье у них было. На немецкий строй веселились. Вот разве охота. Охота, пожалуй, — забава веселая.

АЛИПЬЕВ НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧ,
экономист-плановик

ГОСПОДСКАЯ ОХОТА

Господская охота облавами повторяла собою помещичью охоту. Так как леса Гороблагодатского округа были казенными, то в охоте обычно участвовал «хозяин» лесов — лесничий. Он и подымал на облаву всех подчиненных, лесо-объездчиков, эти, в свою очередь, набирали гонщиков — из детей гороблагодатских рабочих, которых вознаграждали гривенниками, пряниками да булавками.

Облавы на зайцев были обычно по первому снегу. Охота начиналась утром. Человек пятьдесят мальчишек, вооруженных трешотками, колоколами и другими шумовыми «инструментами», оцепляли лес и гнали зайцев на охотников.

Охотниками, кроме управителя, были инженеры, служащие рудника и гости. За день прозодили до пяти загонов. Добыча достигала двух возов. Набитые зайцы распределялись между охотниками. Господа не нуждались ни в заячьем мясе, ни в его шкуре. Охота для них являлась чистым развлечением. Трофеи обычно выбрасывались. Редко господам в порядке деликатеса подавали зайца к столу. Иную цель преследовала охота рабочего. Она не только была для него большим удовольствием после трудов, но и большим подспорьем. Я, между прочим, сам охотник, и мне очень хочется рассказать про самую интересную уральскую охоту на тетеревином току.

НА ТЕТЕРЕВИНОМ ТОКУ

Некоторые рабочие и служащие свободное от работы время проводили на охоте. В наших уральских лесах водится зверь и птица. Есть медведи, волки, лоси, козы, белка,

рысь, куница, колонок, лисица, горностай, заяц-беляк, а из пернатого царства — глухари, тетерев, рябчик, куропатка и др.

Сколько наслаждения и переживаний на весенней охоте!

Бывало накануне праздника с вечера я ухожу в лес на знакомый ток. На место приходишь поздно вечером. Надо приготовить дров, чтобы в покосной избушке, расположенной около тока, провести два-три часа в тепле. Ранней весной еще холодно. Спать, конечно, уж некогда, да и боязно — проспийшь, пожалуй. Ну, ляжешь на нары, поглядываешь на огонек в незатейливом «камине» и строишь разные планы на случай, если на этом току охота получится почему-либо неудачной. Нетерпение берет свое... Примерно в час ночи направляешься в шалаш, осмотришь его, поправишь, где надо, устроишь поудобнее сиденье, ружье с поднятыми курками положишь на колени и начинаешь напряженно вслушиваться в ночные звуки, а их много. Где-то далеко филин кричит свое «фубо», вблизи приятно журчит ручеек. Пробежит какой-нибудь зверек, пролетит над лесом стайка уток. Но чу! Знакомые звуки — ци, ци, хрр, хрр — это вальдшнеп, значит жди сейчас прилета тетерева-токовика, так сказать, главного заправила тока. Не пройдет и нескольких минут, как токовик с шумом опускается на поле предстоящего боя. Снова тишина, как будто токовик проверяет, все ли здесь в порядке. И вдруг лес оглашается резким свистом «тю-фышши». Сердце так и замирает после этого свиста, боишься сделать самое легкое движение. Через одну-две минуты токовик повторяет свой свист.

Из леса раздаются с разных сторон ответные свисты, тетерева слетаются на ток. Тогда токовик начинает издавать звуки, похожие

на воркованье голубя, но более сильные, и прилетевшие тетерева вступают в драку, с поднятыми веером хвостами, вытянутыми шеями. Они задорно подпрыгивают, наскакивают друг на друга, вцепляются клювами в шею, грудь противника — только перья летят.

Во время драки тетеревов самки то и дело шныряют около тока, и чем больше самок, тем азартнее идет бой. Я помню случай, когда тетерка забежала ко мне в шалаш и, видимо, почуяв что-то неладное, быстро исчезла.

Я из шалаша слежу за дракой и выбираю парочку дерущихся, которые поближе.

Прицеливаюсь. Раздается выстрел. Все смолкает, драки прекращаются, тетерева настораживаются, но раздается свист токовика — и все начинается снова. Я готовлюсь ко второму выстрелу. На непуганом току тетерева не улетают после трех-четырех, а иногда и больше выстрелов.

Начинает светать. Дрозд-«пересмешник» заводит свою звонкую песню. Лес постепенно оглашается криком и песнями малых пернатых. Подобрав убитых тетеревов, с особым наслаждением закуриваешь махорочку и, довольный, не спеша направляешься к дому.

Тетерев равен хорошей курице, а глухарь — гусю. В доме охотника-любителя скопляется запас дичи.

В моей семье охотники не только я, но и дети.

Кстати говоря, так жаль, что никто не писал еще специальной книги об уральской охоте. Она по разнообразию едва ли не самая богатая, как и наша изумительная, ни с чем не сравнимая уральская природа, которую нельзя не любить.

СТУПИН ГРИГОРИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ,
старый горняк

Теперь я после Алимпиева о праздниках расскажу. В нашей старой жизни были и просветы. Вот та же охота. И эти просветы тоже показывать надо.

ПРО ПРОСВЕТЫ ИЛИ ПРО СТАРЫЕ ПРАЗДНИКИ

Я свою работу начал тоже с ребячьей «золотой роты». Давно это было. Еще в том веке, в 1894 году. По «транспорту» я начал работать, каталем. Сам паровоз, сам машинист, а вагон-думпкар мой особый был — об одном деревянном колесе с ручками. Одним словом, тачка. Плата четвертак в день. Фунт масла даже не купишь, а работа с утра до позднего вечера. Но мы, ребята, как-то умели вырывать время на игры. Наши игры были такие: во-первых, в бабки играли, в кон, в саку. Азартно играли. Во-вторых, играли в кожаный мяч, в-третьих, в шарики — палками деревянный шарик сбивали. Ну, конечно, и «чижика» не забывали. «Чижик» из палочки делается, с обеих сторон конусом, били его лопаткой деревянной с короткой ручкой. Известная уральская игра. Отцы еще при крепостном праве в эти игры играли. Ну и палку-воровку не забывали. Словом, «прятанки». А еще ребячья забава была — птичек ловить. Это осенью. Я-то не занимался этим делом. Мать не давала, а другие сильно увлекались птицами. Сначала чижей, потом синюшек (больших синиц), чечеток, снегирей, клестов — зимних уральских птиц. Постарше которые, те голубей держали. У нас в Кушве тысячи, наверно, голубей жило. Вечером так взвываются — глядеть любо. Голубятники с молодых лет до старости с голубями не расставались. Один так своих голубей до 1945 года додержал.

Разные развлечения, елки реденько бывали. А вот у начальников и в те годы свой клуб был. Ну, нашего брата не очень там как-то привечали, да и не с руки нам было, но на спектаклишки хаживали. Граф Толстой там заправлял спектаклями, Александр Николаевич. Брат тому графу Толстому, который большие хорошие книжки писал, или не брат, я не знаю. Это у Семена Григорьевича Никулина надо спросить. Он с ним вместе работал. Но неплохой был этот наш-то граф, пожаловаться не могу. Даже на местные темы спектакли представлял.

Конечно, время туманное было тогда. Темное. Но просветы случались. Три их было в году. А когда свадьба случится, тогда четыре да два неполных. Это я покос имею в виду, в который хоть и тяжело страдовать приходится, но все же приволье. Луга, лес. Потом троицын день был.

Прежде чем о трех просветах рассказывать, я о кабаке скажу. Это тоже «просвет», только темный. Кабак-то у нас был там, где Кушвинский музей теперь находится. На две половины: в одной пьют, бьют и под столом валяются; во второй половине бочка стоит. Распивочного в ней нет, только навывнос. Мой отец реденько, но перехватывал. Меня в кабак посылал. Ну вот, значит, мне и довелось видеть кабак прошлого века. Многих он погубил, но были и такие, которые умели обходить его.

Ну, а теперь о свадьбе. Без свадьбы в нашей книге нельзя обойтись. Она большой просвет была. Другой раз дней на пять, а на три — обязательно.

КАК У НАС СВАДЬБЫ ИГРАЛИ

Ну, в первый день свадьбы поезд собирают. Кто парами, кто на одной лошади, — смотря по достатку, по

родне. Лошадей, надо сказать, тогда много было. На что мы бедные, и то «сереньку кобыленку» держали. Поперечная была кобылка. Один раз в «паратнее крыльцо» въехала, хоть плачь — ни туда и ни сюда. Ну, да не о ней речь. Соберут этак ходков пять-шесть, а то и семь, и, конечно, по тем временам в церковь. Ну, там что полагается, конечно: венцы наденут, попоют, кольца на руки — и домой. Дома отец и мать встречают. Обряды нужные производят — и за стол. На столе, конечно, пирог. Ну и в бутылках тоже обязательно. Начинается «горько» и тому подобное. Первый день пируют легонько. Конечно, другой так хватит, что и в первый день под столом сумеет належаться. Но больше степенно. Потому как жениху с невестой надо все-таки ночь захватить. Расходятся.

Наутро, как полагается, — проверка. Обмен мнениями. И свахи начинают молодых в баню снаряжать. Ну, там наговоров, приговоров, обрядностей разных множество... Ни в какую книгу не войдет. Из бани молодые придут наряжаться, начинают по гостям ходить. Перво-наперво к молодухиной матери и к отцу. Чаепитие, угощение. Потом молодые родных и знакомых объезжают. Приглашают к себе. К вечеру опять все за столом. И тут кто во что, кто как может развлекается. И песни поют разные и величальные. Одну такую я у своей бабушки списал, чтобы понятие вам дать, какие такие величальные песни были. Вот она:

Как на Ванюшке у нас
Сюртук драповый,
На Максимыче у нас жилет строчатый,
Во правой руке у него папирсочка,
Во левой руке трость серебряна,
Он со тросточкой со серебряной
Во саду гулял. Любовались им,
Красоте его удивлялись...
Не бела ли тебя зоря воспородила,
Не свет ли месяц воспоил, вскормил?

Ох вы, глупые, неразумные господа в саду. Воспородила меня родима маменька, Воспоил, вскормил родимый тятенька. Завили русы кудри красны девицы.

После песен танцы. Во-первых, уральская кадсель на сто сорок четыре колена с гаком, ну, конечно, и «полечка», а потом трепака русского во все струны, на все лады. И так до утра. Кто потверже — на ногах домой идет, кто послабже — на карачках ползет, а вовсе слабые, те ночевать остаются.

Наступает третий день. Опохмелиться надо. Идут, ну и опохмеляются до следующего утра. И так другой раз свадьба ден на пять растягивается. А кончится... Тогда убытки считают.

О РОЖДЕСТВЕ ДА О ПАСХЕ

А теперь поговорим о праздниках. Их у нас в заводе три было: рождество, пасха и масленка. Всякий по-своему был праздником. Ну, начнем с главного — с пасхи. В четверг на страстной шабашили. Получка. И с четверга десять ден гуляли. Стряпню там, церковные дела в стороне оставляю. О забавах хочу. Перво-наперво, как тогда говорили, «качели ладили». Двои козлы, из трех жердей каждая, на них перекладина. К перекладине веревка, на веревке доска. Длинненьку выбирали доску и поздоровше, чтобы больше уселось. Двое по краям стоят на ногах. За веревки держатся и раскачивают. Остальные сидят. Кто поет, кто семечки ест. Качели были общие. Сложились, поставили, качайся кто вздумает.

Второй пасхальный досуг — колокольня. Туда на пасху всех пускают. Ну и звонят! Были такие звонари, что трепака на всю Кушву вызванивали. Да как! Так, что вся Кушва пляшет.

И, наконец, гармонь, гитара, гулянье по улицам.

Мы, мальчишки, особенно рож-

дество любили. Больше всего первый день. Славить ходили. Ранорано, темно еще. Ребята из двора во двор. Где шаньгу, где деньгу дадут. Случалось, удачливые и по рублю наславливали. Один тут Горбашов был, старик. Меньше двух копеек не давал. Я к нему наутро-то по три раза славить ходил, и каждый раз по семику.

И второе, что мне на рождестве запомнилось, это маскированные. Кто кем оденется. Мужчина женщиной, женщина мужчиной или чортиком каким-нибудь. Вместо масок скатерки старые вязаные на лицо надевали. Другой так замаскируется, родная мать не признает.

Кончится рождество — и опять в гору. Так и бьешь в ней, бьешь до самой масленки. А масленка очень народный праздник была. Уличный праздник, веселый.

РАЗВЕСЕЛАЯ МАСЛЕНКА

Во-первых, катушки. Обольют гору водой, застынет — опять Заледенеет гора — и пошел. На кованках наши кушвинские катались. Да и по всем заводам так. Кованки — это, как бы вам сказать, ну, что ли, такие санки с железным, как у коньков, полозом. Ковром обитые, с кисточками. Хорошие кованки рублей пять стоили. На кованках двое. Он, значит, и она. Он садится, и в руках у него подпирки. Такие железные, вроде разверток, только тупые. Ими он и санки пра-

вит. А то прозеваешь, так занесет, и увечье получить недолго.

Вторые катушки были лотошные. Жолобом такие. А по жолобу лоток бежит. Лоток на манер мелкого корыта, но по форме челнока. Снизу его коровьим отходом ровненько смажут, как застынет, водой польют. Да не один раз. Ну, он и бежит-скользит. По полверсте катушки тянутся. Раньше они были на Старо-Казарменной, теперь Красноармейская, да и на Старо-Амбарной, теперь Интернациональная.

Катанье на конях — это уж было преобязательно. Запрягали в санки. Муж и жена едут. Он правит, она себя показывает. Запрягали в кошевы и парами, случалось, и тройками. В кошеву всей семьей, а то и две семьи садились. Сбрую, конечно, начистят, коням ленты в косы. Одним словом, кто как мог.

Ну, конечно, как масляная кончалась, наступал великий пост. Приходилось поститься не столько из-за поста-батюшки, сколько из-за мощны-матушки. До новой пасхи веселую масленицу отрабатывали.

Вот весь наш и досуг, если, конечно, не считать борьбы уличной да поножовщины околичной. Редкий праздник без зарезанного обходился, а изувеченный-то уж обязательно был. Нравственность тогда была другая. Вот так и жизнь прожили. Темное-то забыть хочется, а светлое как никак вспомнить любехонько.

Ну, кто другой,* может, добавит что, а я все сказал. Про клуб за был. Так не бывал в нем. Пусть уж про эту забаву другой кто расскажет.

АЛИМПЧЕВ НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧ,
экономист-плановик

СТАРЫЙ ДРАМАТИЧЕСКИЙ КРУЖОК

Тогда я еще совсем молодым человеком был. Меня очень тянуло в клуб к драматическому искусству.

И я в числе немногих из рудничных служащих оказался в клубном драматическом кружке, в котором принимали участие инженеры и служащие и даже некоторые рабочие. Наш кружок был особенный. Возглавлял его опальный человек, граф Александр Николаевич Толстой, который был любимцем публики. Если на афишах было напечатано: участвует Толстой — значит, народу будет битком набито. Кружок ставил такие пьесы: «Власть тьмы», «Рабочая слободка», «Гроза», «Бедность не порок», «На дне» и др.

Много удовольствия нам, молодежи, доставляло участие в спектаклях. Участие это как-то невольно заставляло молодежь стремиться к самообразованию. Некоторые из молодежи, как, например, рабочий Бартов Виталий Дмитриевич, через два-три года играли ответственные роли. После революции этот Бартов был первым управляющим Гороблагодатского рудника. Среди рабочих и служащих Бартов пользовался большим авторитетом, так как всех он знал, знали и его все.

Помню, ставили пьесу «На дне». На первой репетиции среди рудничной и заводской знати чувствовали мы себя нехорошо: то повернешься не так, то сядешь неладно, — одним словом, всё не то, а играть хотелось. Спасибо графу Толстому, он всегда ободрял нас, не смеялся над нашими недостатками, а старался настойчиво выправлять их.

Если судить по нашему толстовскому кружку, то мы можем сказать, что тяга наших рабочих к самостоятельности давно началась. Но, к сожалению, условий для нее не было. Хотя формально и были двери открыты как будто для всех, но плохой костюм, неумение себя держать, робость и сотни всяких на первый взгляд мелочей мешали рабочему человеку быть в клубе, как дома, даже при таком либеральном организаторе, как А. Н. Толстой.

ЖЕРНАКОВА АЛЕКСАНДРА ВАСИЛЬЕВНА,
горнорабочая

ВО ЧТО И КАК ТОГДА НАШИ РУДНИЧНЫЕ ОДЕВАЛИСЬ

Вот мы, старухи, примрем, платьишки наши, нашу одежонку молодые изнасят, перешьют, и внуки не будут знать, в чем бабушки ходили, во что наряжались.

Старики наши ходили в домотканном, в самодельном, а мы-то уж нет. Хоть мало платили, а все на рынке, в лавке сходнее купить. Самодельщина много хлопот требовала. Машина, она дешевле делала, потому как при машине, которая ситец ткала, тоже, думаю, даровые, дешевые руки были, как и у нас на горе-матушке.

Ну, сперва наше описание с баб начнем. На женщине всегда главный наряд был. В мои годы моды были разные, но кофты больше поверх юбки носили, шили их кафтанами. Фасон такой. Она с напуском на юбку. Поясом, кушачком кожаным или матерчатым опоясывается. Рукава шили косые, длинные. Тогда руки еще не оголяли. И вообще все, что можно прикрыть, прикрывали. Кофты шились из ситца и сатинета. Пестренькие, с цветочками, горошком. Кто какие мог. Брать старались материю не марковитую. Стирать-то когда? Юбки шили в сборку, широкие, ситцевые, из «гумазен», кто посправнее, так кашемировые нашивал. На юбку шло и четыре полосы и пять, а другие модницы и шесть нашивали. На себя надевали не по одной юбке. Три-то уж обязательно. Но и четыре и пять надевали. Другая навздевает их, так всю свою тоньшину спрячет. Такой толстой покажется, и не признаешь. Ну и для тепла их помногу носили.

На ногах носили ботинки кожаные, с пуговицами, но больше обувь была фланелевая, с кожаным носочком из лаковых обрезочков. Лаковые-то сапоги господам да «щегерям» шили, обрезки на нашего брата пользовали. Лаптей, правду сказать, мы не надевали. Даже на покос или по грибы и то редко надеывали. Ну, зимой, как водится, валенки, обыкновенно на босу ногу. Чулок из лавки мы не брали. Неноские они. Ходили в самодельщине. Это уж большинство сами вязали.

На голове у женщин платок. Летом ситцевый, сатинетовый, были и шелковые — обеднешные платки. Зимой шаль суконная или самодельщина вязаная. Случалось, бывало, что и оренбургский платок, пуховый, подцепляли. Дороговат он для нас был. За этот пензенский или оренбургский платочек, о-ой, сколько тачек-то надо вывозить! Он без малого полкоровы стоил.

Из верхней одежды разное бывало. Полупальтишко-стеженочка, но и драповые были. Форсом считалась плюшевая шуба. Это уж не только у нас, а по всем заводам разный плюш уважали. Ну такая шуба если сошьется, так на всю жизнь. Зазя не надевали ее, берегли. Другой раз плюшевая-то шуба от матери к дочери переходила. Венчальные платья бывали белые и голубые. У кого достаток, то для невесты вуаль брали и цветы, ну, а кто победнее, так и без этого сходило.

Мужчины в наши годы одевались одинаково. Рубаха с косым воротом. Рубахи были бордовые, красные, темносиние. Больше из ситца, но и сатинетовые были. Поверх рубахи пиджак. Пиджак длинный. Штиблет в те годы не знали: и парни и мужики в сапогах ходили.

Штаны в сапоги. Штаны тоже больше хлопчатобумажные. И суконные были. Из верхней одежды — полупальто-стеженка, зимой — полушубок дубленый, когда и крытый. Очень нарядных шуб у мужчин не было. Я про рабочих говорю. Мастера, те, конечно, и с каракулкой и с меховым отворотом на кенгуровом меху нашивали, а мы нет. На голове у мужчин шапка-«татарка»: «безушая» такая, с опушкой по краям. Поверх одежды надевался холщевый фартук.

Ребятишки по бедности ходили в чем попало. Если лето взять, то девчонкин наряд был рубашонка и платье, а то только и одно платьишко. Ладно, пробегает! Мальчишка — штаны с ляжкой через правое плечо и рубаха в штаны запрятанная. Белья детям в те годы не полагалось. Обувь у ребят никакой, кроме валенок, не было. Да и валенки чужие носили. Отцовские, материны донашивали. Наденет бывало их, а они по уши. Ну что ж сделаешь!

Шили сами на руках. Когда и наймовали. Потом машины зингерские появились. Их в долг начали брать. Стали, у кого достаток был, на машинах шить. В те поры и швейки появились.

БРЕСТЯННИКОВА ТАТЬЯНА МАКАРОВНА,
рабочая

НЕЗАБУДКА ГОЛУБАЯ

Тут хоть мелконькими буквами, но все же примечание нужно сделать, фактическую справку дать. Александра Васильевна Жернакова гладко рассказала, все полсы на юбках пересчитала, все ситцевые незабудочки выпестрила, только одно упущение сделала. Это у ней от ее незлопамятного характера идет. Незабудки-то она помнит, а как они росли, забыла. Были и у меня цветастые одежды. Да много ли их было? Может, за

всю жизнь пять либо шесть. Да и она, помнится мне, пестроту-то своего наряда больше заплатами распестривала. И выходит, что незабудку голубую не забыла, она по сей день в глазах у ней цветет, а как кофта на плечах изгорала, в соляном поту истлевала — это как-то у нее все остается за изгородью. Нет спору, хорошо, когда человек цветы в памяти бережет, а грязь, мусор не помнит. Но ведь Макаровна политически ответственное воспоминание дает. А раз так, значит все должно быть, как на карточке. В этом отношении Ступин Григорий Васильевич очень правильно говорит. У него и свет и тень, и ночь и день.

Я, конечно, историческими науками специально не занималась, но представление имею, потому что держала в руках исторические книги и читывала. И, читая, мне всегда хотелось замечание или примечание сделать наподобие того, как я здесь даю. Но в тех книгах это невозможно было. Они уже напечатаны. А эта пока еще «сырой пирог», и в наших силах сделать его настоящим, без изъяна. Так вот, многие исторические книги тоже одежду, утварь показывают и тоже «незабудками» злоупотребляют. Например, читаешь: «Костюмы эпохи Людовика... такого-то». И думаешь: «Ишь, как при этом Людовике здорово наряжались, какие-такие штаны, камзолы носили, на ботинках пряжки, чулки в обтяжку, шляпа с бибером, бабы с веером. Дальше ехать некуда». Но тут мое примечание-замечание в силу вступает: «А кто ходил с пряжками-бляшками?» Известно кто — Людовик да Людовичиха с людовятами, да людовичиха пажии-плюмажи, людовичиха знать, а люди, народ как при Людовике ходил? В рванье, в старье, в дерюге. Вот она где, настоящая эпоха Людовика! И на этом моло-

дым читателям глаз наметывать надо. Через свои очки надо старую книгу читать и свой подход к старой книге иметь.

Да, были и плюшевые шубы в Кушве или в Тагиле, или там где. Но у кого? Износила хоть одну плюшевую шубу средняя рабочая старого времени? Нет. «Щегерихи» действительно носили. Случалось, и наш брат рядился. Правильно. Надо об этом сказать. Но надо и цену объяснить. Какой ценой, какими лишениями, какими притеснениями самого себя в еде, в питье, во всем.

Одним словом: помни «незабудки голубые», но не забывай, как они росли и что за чертополох, что за горькая полынь вокруг их росла. Вот в чем политическое существо.

ЖЕРНАКОВА АЛЕКСАНДРА ВАСИЛЬЕВНА,
горнорабочая

ЧТО И КАК МЫ ЕЛИ ТОГДА

Еда наша тоже по достатку распределена была. Хоть и можно было все купить, да не на что. Брюхо-то ужимать приходилось. Ел бы каждый день пирожки крупчаточные, а они... «горячие», кусаются.

Самым главным питанием был «аржаной» хлеб. Тогда хлебозаводов еще не было, сами пекли. Много времечка он отнимал у женщин. Чуть не каждый день квашню ставили. После хлеба о кашах надо сказать. Каши были разные. Какие

крупы есть, такие и каши. Ели их с молоком, с постным маслом, в мясоед со скоромным. Рядом с кашей надо поставить кулагу ржаную. Заваривали муку, квасили, и потом айда пошел — ложками. Супы были капустные, картофельные, мясные и постные. Из супов у нас разнообразия, можно сказать, не было. Горошница супом не считалась. Она и не каша и не суп. Когда жидкую сваришь — за суп хлебаешь, погуще — за кашу ешь. Был и уральский десерт — паренки. Парили калегу (то есть брюкву), морковь, репу. Паренки ребята любили. Сладкие они. Само собой, капусту солили. Огурцы у нас как-то плохо родились в Кушве. Квас хлебный — это уж обязательно в каждом доме. И пили его и редечные блюда из него делали. Редьку терли в квас и хлебали.

У нас очень хлебные блюда уважались. Их множество. Одних шанег, наверно, не пересчитать по сортам. Перво-наперво, надвое их разделим: шаньги кислые и пресные. А их опять разделить надо на крупчаточные и на аржаные. Шаньги были налёвные, творожные, «картошные», морковные, ну, что только можно на них положить, то и клали. Шаньги у нас на славе были. Ну, да и пироги тоже не отставали от шанег.

Пироги делали большие и маленькие. Подовые и жареные. Глушники и открытые. Ну, скажем, изюмный сладкий пирог взять. Он уж чаще открытый был.

Самый главный уральский пирог — рыбный. Из мелочи или из большой рыбы. Сами ловили и покупали.

Рыбный пирог был больше по праздникам и в именинные дни.

В воскресенье пироги всегда стряпали. Если в кармане бедно, делали аржаной, капустный.

Самым главным нашим блюдом были и в настоящее время остались пельмени. Пельменей тоже много

сортов. Лучшими считаются мясные из белой муки. Месится туго пресное тесто. Раскатывают его, режут на колобки. Колобки давят пальцами и делают сочень. Хорошим считается тонкий сочень. Потом кладут в этот сочень мясо, зашипывают. Мясо брали говядину и добавляли свининой. Рубили мясо в корыте, сечкой. Лучку добавляли, разводили водой. Чтобы у пельменей сочни не разваливались, добавляли в тесто яичко. Зимой пельмени морозили.

Варили пельмени в русской печке в чугунах. Давали воде, в которую пельмени спущены, вскипеть раза три-четыре и подавали на стол. Ели пельмени кто с чем — и с уксусом и со сметаной. Ели пельмени и с хлебом.

Не только из мяса стряпались пельмени, но и из рыбы и из капусты. В посты особенно капустные пельмени часто стряпали. Недорого стоят они, и наешься досыта. Пельмени очень любят наши рабочие. И у кого вовсе достатка нет, так даже аржаные делали, редечные. Лишь бы пельмени.

В старые годы тарелок не знали. Ели из общей чашки деревянными ложками. Кашу там, или суп, или кулагу — все равно. Пироги вилками. Бывало поставят пирог, верхнюю корку срежут, хозяйка раздаст ее, ну и пошла писать.

Кержаки, те сыздавна всяк из своей посуды, а мы как-то нет. Да и то сказать надо — мытья много. По десять душ ведь семьи были. Каждому по тарелке — десять, а по две — двадцать. Перемой-ка их да перетри каждую. Ну, а при советской власти тарелка уж обязательная для каждого. Да и пища изменяться стала.

Самовар с испокон веков был в рабочей семье. Случалось, что чай и обед и ужин заменял. Попьют кипяточку с аржаным хлебушком, так и лягут.

Такая-то вот еда была в те поры. Ели лучше, конечно, те, у которых своя корова была. Корова — большое дело в рабочей семье. Не легко доставалась она.

КРЕСТЬЯНИНKOBA ТАТЬЯНА МАКАРОВНА,
рабочая

РОМОВАЯ БАРЫНЯ

Опять двадцать пять!

Снова об эпохе Людовика по людовичьему обеду судят.

Были пельмени. Были пироги. Да часто ли? А сколько раз в году? Вот оно что!

Очень это все мне рассказ про ромовую барыню напоминает. Получительный рассказ. Сказывается он так:

«Жила-была старая барыня. В годах, но не очень чтобы уж так. В вине и в чем другом там, поест, погулять, не отказывала себе. Было отчего. Два завода, один прииск. Дерзка была барыня несказанно. Хватит чем попало, и суда на нее нет. Госпожа. Был у нее придверник. Из крепостных. Много он натерпелся от барыни. И окривел от нее — вилкой глаз выткнула, и охро-мел — со второго этажа прыгнуть велела. И другие обиды она наносила ему. Только у барыни обычай был. Нет-нет, да поднесет своему придвернику стакан рому. Зашибала она ромком. Придверник хватит стакан и забудет, что одним глазом видит, по барыниной злобе, что одной ногой ступает по ее прихоти. Все забывает — и верным псом возле нее. Умерла барыня. Могила бурьяном поросла. Составился придверник. Вольную получил. В крайности жизнь доживал. Куда он, старый, да хромым, да кривой? Но когда доводится ему вспоминать про старое, оказывается, что он ром только и помнит. «Эх! Старая ромовая барыня была. В придверниках я у нее был. Сядет бывало за стол. Поставит бутылоч-

ку рому. Себе рюмку, а мне стакан. Стаканами ром я пил, детушки. Ромовая у меня барыня была.

Все. Больше прибавить нечего.

**ЗУЕВА АНАСТАСИЯ АРСЕНТЬЕВНА,
горнорабочая**

КАК МЫ КОРОВУ ЗАВОДИЛИ

По нашим местам без коровы жить было нельзя, особенно если семейному человеку. В лавках не напокупаешься. Корова для рабочей семьи — кормилица. Мы то-

Застряпней пельменей.

же задумали корову купить. Сбережений никаких не было: в обрез жили. Пошли в кассу, поклонились: «Так и так, деньги нужны!» Выпи-сали нам сколько-то на корову. А коров сюда летом башкиры при-гоняли. Недорогие коровки были, маленькие, породистых коров то-гда не было, только разве у бога-тых. Крынки по две, по три доили. На литры это будет четыре-пять литров. Слава, что корова, а удой небольшой, но все-таки подспорье хорошее было. Нашу корову Мань-кой звали, маленькая, но бодливая. Большая радость с коровой пришла, молоко свое в доме стало. Малень-ко ожили.

**НОВОКРЕЩЕНОВА ЕВДОККИЯ ПРОКОФЬЕВНА,
горнорабочая-охранник**

ПЕРЕД ТЕМ КАК СВЕТАТЬ НАЧАЛО

Неохота мне старое пересказы-вать. Моя жизнь, как у всех, тогда была. Разве одним только горем у меня меньше или одним больше бы-ло. А в остальном в той же тьме беспросветной жила. Я про другое хочу описать. Я хочу описать про то, как после долгой-то ночи све-тать начало, как первая зоря-зо-рюшка забрезжила. Перед девять-сот пятым годом это было, с рус-ско-японской войны началось и да-же ранее.

Стали похаживать слушки о том, что не на трех китах земля держит-ся, а на нашем труде стоит, что не один царь всему голова, могут быть на свете и другие правления.

Разгибаться рабочий люд начал, задумываться над своим житьем-бытьем. Поговаривать стали. Ше-потком поначалу, потом вполголо-са, а потом-то уж... во весь голос пошли разговаривать.

Хоть тихо квашня кисла, да ходко тесто росло. И мы, женщины, тоже соображать начали.

Перед великой зарей 1905 года сильная темень стояла. Совсем как в большую темницу нас заперли. А потом... Потом, как начало све-тать со всех сторон... Мы сразу тут и себя и кругом нас все увидели. Ночью-то все кошки, бают, серые, а при свете они масть-то свою до пятна оказывают.

Вот оно что... Только как это все именно было, должен революцион-ный народ обсказать, а я беспар-тийная бабушка. Могу только про-стым словом сказать, а тут надо большую речь держать. Это ведь не что-нибудь, а всенародное возму-щение — 1905 год.

Вот оно что...

ТЫСЯЧА ДЕВЯТЬСОТ ПЯТЫЙ ГОД И ДАЛЕЕ...

НА ЗАРЕ РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ

Из архивных материалов Свердловского филиала Института Маркса—Энгельса—Ленина

Уральские рабочие начали стачечную борьбу еще в ходе реформы 1861 года. Например, лысьвенские рабочие бастовали 18—25 мая 1861 года и не прекращали забастовки до тех пор, пока на завод не прибыли воинские силы. Бастовавшие требовали повышения заработной платы. Такое же требование заводчикам предъявили бастовавшие катавские углежоги. На Уткинском, Кусинском и Симском заводах рабочие выносили решения об отказе от земельных наделов, так как за пользование наделами рабочий должен был отрабатывать на заводе, не получая за этот труд никакого заработка.

За 70 — 80-е годы известны двенадцать забастовок на Урале. Показательна забастовка на Кыштымском заводе в 1872 году. Там рабочие бастовали в ответ на грубость помощника управляющего заводом, на его угрозу не выдать зарплату.

Бастовавшие приступили к работе лишь после того, как власти официально объявили, что заработная плата будет выдана.

Для 80-х годов типичной была забастовка на В.Сергинском заводе. Здесь рабочим было объявлено, что впредь с них будут вычитать «за угар» (то есть за окалину на металле, понижающую его вес). Это вызвало возмущение среди рабочих. Они бастовали три дня и отстаивали старые условия найма.

В 90-х годах на Урале было уже двадцать восемь забастовок. В эти годы очень широко распространилась скрытая форма безработицы в виде так называемых «гулевых дней». Рабочие, получившие усадьбу, покос и построившие домики, были привязаны к определенному заводу. Со временем население в заводских поселках увеличивалось, а производство на многих, особенно мелких, заводах не расширялось. На заводах образовался избыток дешевой рабочей силы. Заводчики установили весьма низкую заработную плату. Например, на Сысертском, Ревдинском, Кыштымском,

Н.-Сергинском, Кислинском и некоторых других заводах рабочие получали 7—10 рублей в месяц. Чтобы сохранить эти условия найма, закрепить за собой и впредь резерв рабочих рук, заводчики ввели на предприятиях «гулевые дни». Рабочий, работавший одну смену, должен был день или два «гулять», так как на его место становился другой, который уже «отгулял». До семидесяти процентов уральских предприятий были с «гулевыми днями».

Все чаще и чаще стали повторяться совместные выступления рабочих различных цехов и заводов. И на Урале передовые рабочие начали понимать, что для успешной борьбы с капиталистами нужна организация.

Петербургский союз борьбы за освобождение рабочего класса, организованный Лениным, дал могучий толчок к объединению рабочих кружков в союзы и в других городах и областях России. Под влиянием этого союза во второй половине 90-х годов создаются социал-демократические группы и кружки на Урале.

ХАЙДУКОВА МАРИЯ НИКОЛАЕВНА,
домохозяйка

О ПОДПОЛЬНОМ КРУЖКЕ

Подпольные кружки у нас начали работать давно, до 1905 года. Из рассказов других я многое узнала о квартире, где я жила в детстве. Дом № 20 по улице Интернационала (прежнее название — Амбарная) был местом сборища большевиков.

В этом доме жил большевик Майданов Павел Петрович. Майданов хотя был и скрытным человеком и о разных подробностях политического порядка нам не сообщал, но все же не стеснялся нашей семьи. Видимо, доверял нам. Я, конечно, позднее узнала, что значили

эти собрания. Помню, как по вечерам собирались рабочие, закрывались в комнате. У Майданова был сын Миша, которого высылали в качестве караульного. Он был уже взрослым человеком — студентом. На собрания приходило человек шесть — не больше. Приходили по одному, крадучись. Собрания затягивались надолго, я уже засыпала и не знаю, как они расходились. Из участников мне запомнились большевики Сабенин, Никулин С. Г. и Мужиков Н. Б.

В доме у нас был склад литературы и оружия.

В моем присутствии печатались листовки. Их печатали на какой-то черной доске, на которую клали листы, и получался оттиск. Когда начинала работать подпольная типография, окна завешивались, за ворота выставляли дежурного.

Листовки и воззвания распространялись среди членов организации, которые разбрасывали и расклеивали их.

Майданова как-то предупредили о том, что за нашей квартирой начали следить. Видимо, кто-то донес и провалил конспиративную квартиру большевиков. Помню, что Майданов тогда быстро решил ликвидировать документы, фотографии и другое. Все, что нельзя было спрятать, он сжег. При мне была сожжена фотография партийного съезда.

До последних дней в майдановской квартире обнаруживаются неожиданные находки: литература, листовки и тому подобное.

СЕРЕБРЯКОВА МАРИЯ АНДРЕЕВНА,
рабочая

МОЯ ВСТРЕЧА С ЯКОВОМ МИХАЙЛОВИЧЕМ СБЕРДЛОВЫМ

И в нашем доме подпольная организация работала тоже.

Мы тогда на улице Грушина жи-

ли. Кто в Верхней Туре бывал, тот знает. Муж мой, Семен Николаевич, с 1905 года к революционно настроенным подпольщикам примкнул. Часто на тайные собрания ходил. И я, несмотря что малограмотная, тоже за мужем шла. Чувство во мне было такое, что он на правильной дороге стоит.

Собрания подпольные и в нашем доме бывали. Как-то зимой вместе с моим мужем да с акушеркой с Таисьей Петровной какой-то незнакомый человек пришел. Бородка черноватенькая и очки. Без оглобель очки, а такие с дужкой поверх переносицы. Очень он обходительно поздоровался со мной и с Таисьей Петровной и в горницу прошел.

А мой Семен Николаевич человек десять из надежных рабочих привел. Помнится, Андрей Пивоваров был, Данил Чернышев, Федор Южиков и еще кто-то.

А я на кухне сидела. Сына укачивала. Но, несмотря на это, мне все слышно и видно было. Приезжий-то политические книжки стал раздавать, рассказывать. Каждое лыко у него в строку было. Все ладно, все понятно. Одним словом, как следует. Непонятное слово попадет, без которого нельзя, он сейчас понятными словами перескажет. Большевистскую программу выкладывал так, что в книжке лучше не прочитаешь. Слова негромкие, а нагретые. Сильные слова. А как про Владимира-то Ильича про Ленина начал... так вовсе в избе светло стало. Я уж кое-что слышала про Ленина и до того. Не совсем уж все-таки фефела была — подпольного мужа жена.

Приезжего-то все «Андрей» и «Андрей» называли, больше никак. В те поры не так чтобы полностью назывались. Большая вера в словах и в глазах у этого «Андрея» была. Слушаешь, и на душе радостно становилось, когда он к борьбе призывал. Не смогу даже передать сей-

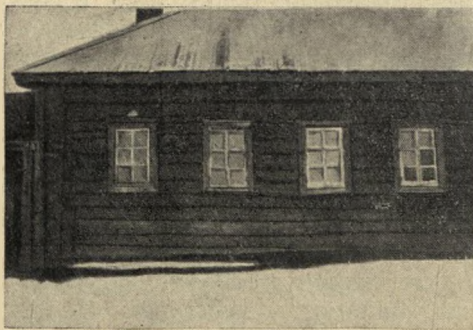
Дом в В. Туре, в котором И. М. Свердлов проводил партийное собрание в 1906 году.

час, какое чувство росло во мне. Ну и наши-то все не дыша его слушали, допоздна. Все спокойно прошло. На улице-то караульщика из своих выставили. Чуть что, он бы живо сказал. И все бы — кто куда... Хорошо собрание прошло. По одиночке, как полагается, расходиться начали. Кто огородами, кто как. До него очередь дошла.

Очень он приятно простился со мной. Рука такая гладенькая у него, как у доктора. Сколько уж годов прошло, а его-то руку в своей руке я все еще чувствую... Хорошо попрощались мы с ним!

А потом... Вдолге уж узнала я, кто этот «Андрей»-то был. А был этот «Андрей» не кто другой, как

Дом, в котором И. М. Свердлов проводил партийные собрания.

Яков Михайлович Свердлов. И я его лично слушала и своей рукой с ним здоровалась и прощалась. Вот на каких дрожжах мы росли! Вот кто у нас в Туре в нашем доме был. Никогда этой встречи забыть нельзя, до самой смерти.

Вот с таких-то кружков по нашим заводам: в Туре, Баранче да в Кушве, и девятьсот пятый год начался. Сильно народ подыматься стал, густо.

НИКУЛИН СЕМЕН ГРИГОРЬЕВИЧ,
техрук прядильной фабрики

КУШВА В ДНИ ПЕРВОЙ РЕВОЛЮЦИИ

К осени 1905 года революционное движение охватило всю страну. Оно приняло широкий размах и в нашем районе.

Рабочие рудника, завода и транспорта собирались на митинги и беседы, обсуждали планы политической работы, читали материалы о подготовке к всеобщей политической стачке. Были созданы комитеты, которые занимались вовлечением рабочих во всеобщее рабочее движение.

На митингах большевики рассказывали о том, к чему ведет политика царского правительства и что рабочим и крестьянам нужно создать свое правительство. В Кушве не раз выступал Яков Михайлович Свердлов, которого все тогда называли Андреем. Пламенный был человек. Огонь!

Агитаторы Елин Александр, Майданов Павел, Майданов Александр, Чердынцев Сергей, Панов Михаил, Собенин Григорий, я и еще ряд товарищей ходили в цехи к рабочим, рассказывали, чего добиваются большевики. Учитель Подсухин у себя на дому руководил кружком. Он помогал нам разбираться в партийных материалах, которые мы получали из Екатеринбурга.

Нередко наши попадались в лапы жандармерии.

В 1905 году у кушвинских большевиков была своя подпольная типография. Помещалась она в доме Насонова (ныне Красноармейская улица). Насонов был богатый, но в то время сочувствовал большевикам. Чтобы не вызвать подозрения у властей, типографию мы поместили у Насонова.

Это было подобие стеклографа. Шахурдинов (под такой фамилией работал один из наших товарищей) на подогреваемой гладкой чугунной доске наносил кисточкой буквы из мастики (писал он наоборот), накладывал бумагу, проводил валиком и так отпечатывал каждый раз экземпляров до пятнадцати.

А мы эти листовки распространяли. Раздавали рабочим в руки. Узнала полиция. Начались аресты. Арестовали Елина, Майданова П., Подсухина, Анферова. Пошли обыски.

Когда забрали с Благодати Александра Елина и Павла Майданова, горняки забастовали. К ним присоединились рабочие Кушвинского завода, станций Гороблагодатская и Кушва. Все организованно пошли к приставу с требованием освободить наших товарищей. Тот вызвал команду вооруженных солдат, и демонстрацию разогнали.

Так мы ничего и не добились. А ночью забрали еще Василия Мезенцева, Родиона Анферова и учительницу (не помню ее фамилии).

СЕРГЕЕВ АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ,
участник гражданской войны

И мне памятен этот год. Работал я тогда на вагранке у Богатырева.

Помню, собираемся зимой к кому-нибудь на квартиру, окна занавесим, начнем беседовать, как бы царя сбросить, да установить ответственное перед народом правительство, да восьмичасового дня добиться. Иногда навернется приез-

жий из Екатеринбурга пропагандист, разъясняет нам, как и что. Потом споем «Марсельезу» — она в моде тогда была.

Пели «Марсельезу» часто и на улице. За это арестовывали. Однажды меня за эту «Марсельезу» крепко избили полицейские.

А летом мы устраивали сходки около памятника Александру II (там, где сейчас памятник К. Марксу). Выступали ораторы, призывали к непримиримой борьбе с самодержавием.

Народу собиралось много. Минтинговали, ходили по Главной улице с флагами, с пением «Марсельезы».

Озадаченные полицейские, как собаки, бежали за толпой, упрасивали разойтись: «Граждане-господа, разойдитесь, пожалуйста... К чему ходить...»

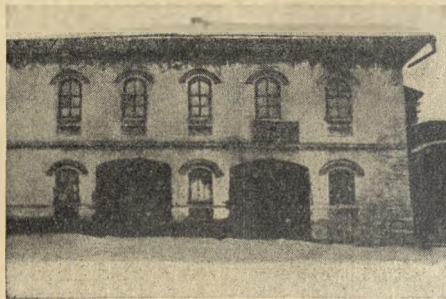
В 1905 году на масленице наши заводские — Воробьев Я. М., Сысоев М. И., Шмаков М. Н., Чеклов Д. И. и я — прошли с улицы Карла Либкнехта до клуба с пением «Марсельезы». Вошли в клуб. Там моих товарищей арестовали, а я и Чеклов убежали. Через несколько часов ко мне нагрянула полиция, арестовала, и я предстал перед станковым приставом Шварцем. Шварц долго кричал на меня, а затем приказал околоточному: «Вздуй его, стервеца!»

Околоточный увел меня в другую комнату, и там избили до крови. Я еще дешево отделался — малолеток был, а товарищей моих долго держали в тюрьме.

НИКУЛИНА АЛЕКСАНДРА ВОРИСОВНА,
домохозяйка

ЖЕНА ПОДПОЛЬЩИКА

Мне в два раза тяжелее было, потому что я жена не простого рабочего была, а подпольщика.

Дом, в котором Я. М. Свердлов выступал в Кушве в 1906 году.

Муж-то мой, Семен Григорьевич Никулин, давно с кружками спознался. Я хоть и не была партийная, а от него не отставала. Тоже хаживала на кружки. Якова Михайловича Свердлова своими глазами видела; он приезжал к нам тайно. Муж свою партийную работу от меня не скрывал. Верил, что я не выдам ни его, ни товарищей. А бывало дело, под плеткой стояла и молчала. Жандарм с обысками приходил, так кричал, так замахивался, оружием угрожал. В одной руке плеть, а в другой револьвер. Литературу искали подпольную: листовки, брошюры. По первости мне ее в подпол да в поленицу прятали. Из-за этих-то листовок и обыск произошел. Сема распространял их среди рабочих. Среди знакомых, конечно. Вот один раз и вышла оплошка.

Было это так.

Работали два брата на горе — Костылевы. Один из них большевик был, а другой против. Муж встретил второго; ну, думает, раз они братья, можно на обоих надеяться. И дал ему прокламацию, а тот с прокламацией-то в полицию. Дорогой он повстречал своего брата-

большевика и говорит ему, что Никулин, муж-то мой, подпольной работой занимается.

Брат, как узнал, скорее побежал к моему мужу и говорит: «Семен, берегись, Макся, мой брат, тебя выдать хочет». Александр Николаевич Толстой начальником тогда был на промывочной. Мне неизвестно — из большевиков он был или нет, но только человек был сочувственный и говорит моему-то: «Семен, беги домой, приברי все, обыск может быть».

Мы быстро подготовились. И жандарм сколько ни махал плеткой — ничего найти не мог.

«Где Никулин?» сказал жандарм. Я говорю: «На промывке, на работе».

Он на работу кинулся.

*НИКУЛИН СЕМЕН ГРИГОРЬЕВИЧ,
теструк промывочной фабрики*

КАК МЕНЯ ДОПРАШИВАЛИ В ПОЛИЦИИ

Подхожу к дому; у моего дома стоит жандарм и спрашивает: «Ты Никулин?» Я ответил, что я. «Ты арестован», — и повел меня на допрос.

«Где вы листовку взяли?» начал пристав допрос.

Я говорю, что шел на работу, вижу — на дороге валяется листок, я его подобрал, а в это время попадается мне Костылев, говорит: «Дай мне листок, который ты поднял». Я не рассматривал этот листок потому, что торопился на работу, и отдал ему.

Пристав поверил мне. Но на этом не успокоился. Дальше начал спрашивать: «Где источник, откуда берется нелегальная литература?»

Я отмалчивался. Тогда он, как сумасшедший, стал кричать, бить по столу кулаком, вытаскивать револьвер: «Выйди отсюда вон!»

Вскоре он вновь вызывает меня

и опять начинается допрос. Снова входит в бешенство, кричит: «Заморю, в тюрьму посажу».

Потом вызывает того жандарма, который меня привел, и спрашивает его, где он взял меня. Тот рассказал, что я пришел с работы вместе с другими рабочими. Тогда пристав говорит моему конвою: «Ты плохо искал. У них подпольная литература всегда прячется в отхожем месте».

И вновь велел мне выйти.

Я простоял в коридоре долгое время, он опять вызывает: «Я вас отправлю в николаевскую тюрьму, если вы не скажете, откуда берете листовки».

Я говорю: «Ваше дело, куда вы меня отправите. Как я вам могу сказать, откуда эти листовки берутся, если не знаю», и без всякого стеснения сел боком к нему.

Тут он опять закричал: «Невежа, перед своим господином не желаешь стоять и сидишь даже боком!»

Тут я поворачиваюсь к нему лицом, и он долго смотрел мне в глаза. Я не переменял того выражения, которое было у меня. Твердость моего взгляда осилила его. Он не выдержал и сказал: «Будь свободен до первой встречи»

Эта ночь до смерти останется у меня в памяти.

*ЛЕБЕДЕВ СТЕПАН АЛЕКСЕЕВИЧ,
забойщик*

ДЕМОНСТРАЦИЯ В КУШВЕ

Я на руднике забойщиком тогда работал. Агитатор приехал в обеденный перерыв. Агитировать начал, на демонстрацию звал, а в Кушве в церкви молебен какой-то был. Народу густо поднашло. Собрались заводские, рудничные, станционные. Все работу побросали и по рыночной улице густо пошли. Теперь эта улица Первомайской

называется. С песнями шли. Пели «Марсельезу»:

Вставай, подымайся, рабочий народ,
Иди на врага, люд голодный...

Полиция не ожидала этого. Пристав совсем растерялся, а потом отряд собрал, разгонять демонстрантов стал. Народ тогда еще неопытный был. Разбежаться начали.

Это была первая наша демонстрация.

После этого аресты открылись. Опять подпольно работать пришлось.

Моя мать раз по воду пошла, листок бумаги подобрала, принесла домой — прокламация. Этих прокламаций порядком было. Ночью разбрасывали их, на видные места приклеивали; днем-то боялись, а то живо «за конверт и в кружку».

Помню, как весной у нас на горе вроде маленькой забастовки было. Побросали работу, пошли к господскому дому. Управляющим тогда Назаров был. Он сам вышел к нам на терраску. Человек он для нас был не так чтобы отвратительный, поговорил с нами. Требования наши были невысокие. Просили увеличить расценок-зарплату, облегчение в работе, восемь часов требовали, и кипяток чтобы был. Раньше даже чаю не было, так всухомятку, кто под елкой, кто в сарае, поест мало-мало, и все.

Назаров выслушал нас, полиции никакой не вызвал, нас не страдал и пообещал убоготворить наши требования, и мы ушли обратно работать.

Не обманул нас Назаров: и работа полегчала и в пожарной помещении оборудовали под вид столовой. Чай появился. Малого тогда мы хотели. Не знали еще того, чего теперь знаем.

Не было тогда у нас единого мнения. Не могли как-то мы сразу

в один голос заявить и на своем поставить. Разноголосица была, меньшевички под ногами путались. Вот и тянулось все это мелкими вспышками: где забастовка, где маевка. Ну, нас и тушили по одиночке. А маевки очень сильные были.

НИКУЛИН СЕМЕН ГРИГОРЬЕВИЧ,
техрук промысловой фабрики

ГОРОБЛАГОДАТСКИЕ МАЕВКИ

Веселый, солнечный день был первого мая. Зазеленело все кругом, солнышко жаркое, хорошее. Собрались мы на нашу рабочую маевку на одиннадцатой выработке, там, где сейчас карьер рудоносной глины разрабатывают. Человек тридцать собралось. По тем временам это считалось большим сборищем. Тут тридцать, там двадцать, таких групп помногу набиралось. Если все сложить вместе, так большое количество получится.

На лужке, на опушечке или на поляночке разговор, чтение, беседа, выступление ораторов. Приезжие бывали. Само собой разумеется, постовые, где надо, расставлены. Из молодежи обычно. Молодежь-то ведь давно участие в революции принимать начала.

В одну из таких маевок нас предали. Предатели были, нечего таить. Полиция тоже не спала, нюхала. Оцепили нас, хотели захватить. Только наши постовые такие были и в таких местах, что полиции и в голову притти не могло. Если полиция за нами следила, так и мы ее не выпускали из поля зрения. Полиция бывало и продавалась тогда. Другого за полштофа можно было купить и все у него выведать.

Пустое место да окурки оцепила полиция, а мы на другое место перешли. Леса-то наши, сами знаете, какие. Ищи-свищи... Скорее себя потеряешь, чем нас найдешь.

А потом по одному вернулись домой.

Конечно, нас и у квартир караулили. Ну так... кто покос проведать ходил, кто удилыща вырубить, кто дерева под порубку метил. Мало ли зачем из дому уходил. Это еще не факт, что в лесу был. А может, и не в лесу. Может, так просто рубяку да сапоги новые на люди показывать ходил.

Маевки светлым пятном живут в нашей памяти. Сейчас еще старики-то на старых местах с воспоминаниями собираются. Дорогие эти места для нас. На них мы расти, крепнуть начали. Вот уметь бы, так хорошими бы словами рассказать про это все. Очень поучительная книга получилась бы, не оторвался бы от такой... Ну, да напишут, я думаю, еще когда-нибудь. Перепишут наши-то караули, поскладнее наше письмо про нас перескажут. А пересказать следует... Особенно интересно про то рассказать, как борьба шла и как мы победителями вышли. А ведь какие только меры против нас царь не принимал! Даже ингушей с Кавказа пригонял нас глушить. Продажный народишко был эти ингуши.

ПРО ЦАРСКИХ ИНГУШЕЙ

ВЕДЕРНИКОВ АЛЕКСАНДР ПАВЛОВИЧ,
бурцик

До того продажные ингуши были, что и пересказать нельзя. Когда непорядки начались, так наш-то

царь, видно, небожно на своих русских солдат надеялся. Ингушей нанял. Он из них, говорят, много рот набрал. Все больше для охраны да для карания. Ингуши на конях ездили. Кони сытые, а сами-то ингуши злые, дикошарые — не попадайся!

Помню, как они к нам на Благодарь, в Кушву приехали. Как-то утром иду... Мальчишкой я тогда еще был... Гляжу — пятеро скачут. В бурках, в черкесках, с кинжалами, с шашками, и у всех по плетке. Я сразу понял, что это ингуши и есть.

Поселили их в казармах. Кормили невпроед. Ну и поили, видно, тоже не из рюмки, а стаканом подносили. Расправу они начали сразу же, коням передохнуть не дали. Жестоко били. И главное — подряд. Попал — пропал. Мой товарищ Павлик Колясников, тогда ему меньше пятнадцати было, попался им. Он, видите ли, листовки разбрасывал. Ну, видно, про это ингушам известно стало. Слушки-то, наверно, дошли до них. Так они его так били — больницей дело кончилось.

Народишко наш стал бояться на улицу выходить. Завидят ингушей — и кто куда. А ночью за ворота вовсе не показывались. Бывало надо куда по делу, бежишь, ног под собой не чувствуешь. Все кажется — ингуши за тобой гонятся. Бесчинствовали они до того, что и горное начальство их побаиваться начало. Один раз такой случай вышел.

Горного начальника его кучер на санках вез. Вдруг горный начальник слышит: «Стой!» Ну, он же начальник, и думает, что это не ему. Кто же мог допустить, что начальника горного останавливать, да еще так: «Стой!»

Едет — и горя мало. А ингуши опять: «Эй, стой!» Кучер рыси прибавил.

А те вскачь. Нагнали, остановили.

«Почему не остановился?» И ну господина-то начальника плетью охаживать. Так начали полосовать, что из господской шубы всю моль выбили. Тот кричать на них, а ингуши-то тогда вовсе в азарт вошли и до девятого поту его...

Вскоре после этого случая пропали у нас ингуши. И с тех пор не видывали, какие они есть. Уж так мы благодарны были этому счастливому случаю, что и теперь выразить нельзя. Не избеи бы они тогда горного начальника, много бы еще из наших битых было.

Уехали ингуши, но лучше все же от этого не стало. После 1905 года начались черные дни. Все достижения рабочих отобрали, хотя мы еще и пытались восстановить свои права.

НИКУЛИН СЕМЕН ГРИГОРЬЕВИЧ,
теструк промывочной фабрики

ЧЕРНЫЕ ДНИ

Однажды мы снова обратились к управляющему Назарову, а он ответил, что сейчас не 1905, а 1908 год. Мы снова бросили работу и начали требовать ответа: почему увеличили рабочий день и понизили заработок? Назаров сказал: «Идите работайте, я ничего сейчас не могу сделать. Мой совет возобновить работу, иначе может быть хуже, зачтут вас всех забастовщиками, арестуют и в тюрьму посадят».

Наступили беспросветные дни реакции. Рабочему со многим пришлось мириться. Но все же та работа, которую мы начали, не остановилась. Мы ушли в подполье. Хотя охранка и следила за нами, но все же вновь возобновилась нелегальная работа. Стали печатать прокламации, листовки, призывающие на борьбу рабочий класс. Печатали в квартире Носова Алек-

сандра. Это делалось специалистом Шархутдиновым Иваном Никитичем, — он не одну тысячу выпустил таких листовок.

На квартиру Носова подозрений не было, он был промышленник, имел свои золотые прииски, считался буржуем и был связан с властями.

На такого человека никто подумать не мог. Научились мы к тому времени либеральные настроения буржуазии в своих интересах использовать. И не один такой Носов на Урале был. Буржуазия чувствовать начала, что царский режим и для нее стеснителен. Реакция все дыры, все поры закрыла. Нечем дышать стало. Религию она, и ту еще больше начала для своего дела использовать.

С моей женой как-то на религиозной почве такой случай был.

НИКУЛИНА АЛЕКСАНДРА БОРИСОВНА,
домохозяйка

КАК МЕНЯ В ЧУДОТВОРНУЮ ИКОНУ В ПОЛИЦИИ ВЕРИТЬ ЗАСТАВЛЯЛИ

Как-то явленную икону божьей матери несли. Тогда не то, что теперь — свободы религии не было. Это сейчас: хочешь верь, хочешь не верь — никто не притесняет, а в те годы не то что не верить, а чуть не так против религии, живо полиция вмешается.

Явилась ко мне певчая из Михайловской церкви — видно, ее послали — и требует с меня рубль на ризу явленной божьей матери. А у меня не то что денег не было, я просто не имела расположения зря платить. И говорю ей: «Будет дурачить-то меня, без того темно. Я лучше ребенку рубаху сошью на этот рубль». А надо сказать, я и раньше икон в дом не принимала. Ребята как-то боялись попов.

Вызывают меня в полицию. «Так

и так», дескать. «Ты в бога плохо веруешь...»

Я говорю: «А почему же вы, господин полицейский, а не батюшка, мой духовный отец, мне внушает это самое?»

Ну, конечно, мне сказали, чтобы я не учила их, кому что надо делать, и в полицейском порядке объяснили меня веровать.

«Хорошо,—говорю,—буду впредь веровать».

«То-то! — говорит. — Смотри!» — и плеткой погрозил.

И выходит, что при старом-то режиме религия не была свободной, как у нас сейчас, а насильственной. Ничего хорошего в том не было. Они плеткой еще пуще от бога отпугивали. Настоящим-то верующим, которые сами в бога верили, этот порядок тоже не по душе был. Какая же вера может быть, если она палки требует?

АНДРИАНОВА НИНА ИВАПОВНА,
секретарь-машинистка

Не только в области религии, но и вообще жандармская политика была часто очень неумной. У меня сохранились расчетные книжки моего покойного отца Ивана Васильевича Андрианова. В этой обычной расчетной книжке, ничем не отличающейся от всех других, напуганная администрация, очевидно не без указания не менее напуганного 1905 годом правительства, вклеила впереди текста предупреждение владельцу книжки. Вот этот первый лист расчетной книжки:

«ПРАВИЛА
для предупреждения забастовок,
установленных министром
торговли и промышленности для
казенных горных заводов

1) Забастовкою считается самовольное прекращение и сокращение времени работ не только на всем заводе или в техническом заведении, но и в отдельной его час-

ти или мастерской, если оно вызывает приостановку действия на всем заводе или в какой-либо его отдельной части или мастерской.

Участникам забастовки присвоенного им содержания или заработной платы за все время забастовки не производится.

Зачинщики забастовки подвергаются увольнению и в казенные горные заводы вновь не принимаются. В случае, если зачинщики не будут обнаружены, увольнению подвергаются все участники забастовки, причем обратный прием их на службу может быть допущен лишь по выбору надлежащего начальства.

2) В заводских зданиях, в мастерских и на земле, принадлежащей заводу, никакие собрания, митинги и тому подобные сборища не разрешаются.

Винные в нарушении настоящего правила подлежат увольнению.

Примечание. Запрещение это не относится до собраний, установленных действующими правилами о вспомогательных кассах горнозаводских товариществ казенных горных заводов и рудников.

3) На основании временных правил о наказуемости участия в забастовках (именной высочайший указ правительствующему сенату от 2 декабря 1905 года) виновные в участии в сообществе, направившем свою деятельность к возбуждению служащих и рабочих к самовольному, по соглашению между собою, прекращению, приостановлению или невозобновлению работ, наказываются заключением в крепости на время от одного года и четырех месяцев до четырех лет с лишением по ст. 50 уложения о наказаниях некоторых особенных, лично и по состоянию присвоенных прав и преимуществ.

Верно: Горный начальник
Гороблагодатского округа
А. Левитский».

Не знаю, предупреждал этот лист забастовки или нет. Я лично думаю, что он сыграл совершенно обратную роль. Тупоумное царское правительство выбалтывало рабочим свое самое сокровенное и тем показывало свои больные места.

Каждому ясно, коли предупреждают о чем-то, значит боятся этого.

КАРЕЛЬСКИХ ГАЛИНА ПЕТРОВНА,
машинистка

В этом же отношении не менее интересны некоторые параграфы из «Обязательного постановления пермского губернатора о хранении взрывчатых веществ», которые я вычитала в старом адресе-календаре Пермской губернии. Вот послушайте несколько выдержек.

«Параграф 8. При выдаче взрывчатых материалов из рудничных складов для производства работ в шнуровой книге, кроме установленных записей о том, кому и сколько именно выдано какого материала, штейгер или технический досмотрщик обязан записать номера ящика и коробки.

Параграф 9. Выдача из рудничных складов взрывчатых материалов для производства работ может производиться лишь в количестве, не превышающем потребного для одной смены. Местная полиция должна быть немедленно извещена о всяком лице, вновь записанном по книге склада как получатель на руки взрывчатых веществ.

Параграф 11. В запальщики могут быть назначаемы только надежные лица и о назначении должно быть немедленно сообщено окружающему инженеру и местному чиновнику полиции, причем требование последнего об увольнении запальщика подлежит немедленному исполнению».

Теперь, когда я работаю в качестве машинистки в редакции и пе-

репечатаваю рассказы рабочих для данной книги, мне становится понятным, почему все старые рабочие жаловались на недостаток пороха для взрывных работ. Администрация давала ограниченное количество взрывчатых веществ из-за боязни того, что этот порох пойдет для вооружения революционных горняков горы Благодать.

Зачем же, ради чего потребовалось бы заявлять имена запальщиков полиции и требовать такой тщательной записи номеров коробок и ящиков?

Несмотря на все эти предосторожности, как видно из рассказов и воспоминаний горняков, участников революции 1905 года, они находили возможности вооружать своих товарищей, экономя порох за счет своих добавочных усилий по ломке руды вручную.

КАЗЫШИН ДМИТРИЙ ДЕМЕНТЬЕВИЧ,
ковалочик

НЕПОКОРНЫМ Я БЫЛ..

Непокорным я был: не любил начальникам кланяться. Как-то у меня к ним подхода не было. Другие подлаживаются, а я этого переносить не мог. И начальство меня крепко не любило. Притесняли. Гоняли с места на место. Кланяться не ходил. Ну и терпел из-за этого. Всего было.

Помню такой случай.

Привез руду на двух лошадях. На весы надо было ее. Вдруг весовщик придирается начал: «не из того места привез» да «не так подъехал».

Я попросил его сначала по-хорошему. Он свое — упирается. Ну, тут я не стерпел, да и дал волю рукам.

После этого меня с работы выгнали.

В политических организациях я не состоял и, кроме демонстрации в

1905 году, нигде не участвовал. Но нутром понимал, что неладно с нами делают, что бороться с хозяевами надо.

С пятого до семнадцатого года очень мы серо жили. Особенно в первую германскую войну. И воевать надо и родину от немцев спасать. А родина в царских руках. Наша родина, кровная наша, и хоть несладко в ней живется, а отдавать немцу нельзя. Теперь можно понять, что к чему тогда было. Разъяснилось все. А когда один сам с собой живешь, трудно выяснить все подробности и точку зрения установить. Я сам себе подпольной организацией был. Непокорной организацией, дерзкой. И много таких-то было. И непокорство это я до семнадцатого года пронес в себе. Ну, а тут-то уж все ясно стало — что к чему.

А до этого день на день, год на год походили. Заволокло кругом серыми тучами, и, кажется, никогда больше не выглянет солнышко. А оно выглянуло.

Очень я тогда царем интересовался. Что, думал, за личность царь, коли такую державу, такой народ в руках держит? Ну, конечно, видеть не приходилось его. А были такие, наши же кушвинские, которые царя видели самолично, и по ихним рассказам он просто рыженький мужичонко, неказистенький, и все. Не в нем сила была. А все ж таки надо такого найти товарища, который царя видел. Пусть пополитичнее расскажет о нем. Для молодых это очень любопытно и даже удивительно будет.

КОЛОДКИН ВАСИЛИЙ ДМИТРИЕВИЧ,
бывший углежог

КАК Я ЦАРЯ ВИДЕЛ

Раньше у нас в Кушве рекрутский набор по старому календарю 20 ноября проходил. Дошла и до меня

очередь. Пришел мой 21 год. Вызывают в волость. В волости старшина с бляхой, староста, офицер и доктор.

«Раздевайся!»

«Так точно».

Скинул одежонку, предстал голышом. Как глянули на мое телосложение — и рукой махнули. Дескать, такого и выстукивать нечего. Ну, все-таки доктор пощупал, потыкал, порасспросил. А что я могу сказать, когда во мне и роста, и плеч, и здоровья на двоих.

«Годен!»

Ну, годен и годен. Делать нечего. Веселого мало, но и тужить тоже не приходится. Тужи не тужи — все равно «некрут». Ну и запел:

Последний nonешний денечек
Гуляю с вами я, друзья,
А завтра рано, чуть светочек,
Заплачет вся моя семья.
Заплачут братья мои, сестры,
Заплачет мать и мой отец,
Еще заплачет дорогая,
С которой шел я под венец.

В те годы больше женатиками уходили. С 18 лет женились другие. Глупо получалось: только женишься — и прощай, жена молодая!

Нас в Верхотурье погнали. Там сортировать стали. Отсортировали — и на Москву.

Я по телосложению в гренадеры попал. Мундир был черный, погон желтый с вензелем, фуражка бескозырка, околыш красный, верх желтый. Туда брали рослых и лицом чистых. Подпрапорщик правофланговый у нас ничего себе росточек имел — одну сажень два вершка. Можете себе представить, какая это часть была!

Началось ученье. Солдатское ученье известно. Нелегкое. Подучили, подтянули, к царскому смотру подготовили.

Перед царским смотром особая муштра была. Доводили солдата

до полного механического состояния.

Оловянным солдатиком себя чувствуешь, когда на смотр идешь.

Выстроили нас на оцепленной площади. Все шестнадцать рот, семнадцатую нестроевую и пулеметную команду. Я в пулеметной был.

Замерли. Царь появился. Что там ни говори, а как-то боязно царя увидеть. Ведь вся наша держава под ним. Один наш Урал не обойдешь, не объедешь, а уж про всю-то Россию и говорить нечего. Ну, думаю, человека увижу. Горные-то управители вон какие орлы у нас были! А этот вовсе гроза должен быть.

Появился царь со свитой. Впереди его скачут и позади скачут. И на тележке кто-то едет. Говорят, наследник и дочь. Не знаю, кто. Далеко, не видно.

Царь и свита спешили. Он в белом кителе был. Небольшой. С рыженькой бородкой. Такой дохленький царек. Николай Николаевич при нем. Дядя ли, кум ли, кто ли он ему доводится. Долговязый такой, худой.

Николай Николаевич первым делом на правый фланг, к подпрапорщику Сенокаеву. Спinoй к нему стал — и ну меряться ростом. Ладонь положил и говорит: «Как же это так: по всем войскам я самый высокий по росту, а ты выше меня?»

Тот не знает, что делать: то ли прощенья за рост просить или улыбаться.

Заигрывал Николай Николаевич с солдатами. Расположения искал. Ну и царь, тот тоже. Походил по ротам, понюхался — и к себе. Непонятные мысли у меня были тогда в голове. В это время вдруг сильный плач послышался. Это баба, инвалидова жена, голосила. Мужа-то у нее на войне изувечили, и никакой субсидии. Она к царю проси-

лась, а стража, оцепление-то, не пропускает.

Царь-то услышал ее голос: «Что такое? — плечами пожимает. — Доставить ее сюда». Тоже, видно, показательную милость к народу хотел оказать. Кто его знает, может, все это было подстроено.

Бабу привели; она подбежала и пала в ноги царю, а письмо-то, прошение-то на голову себе положила. Лежит — не встает. Царь взял заявление с головы и отпустил ее.

Опять всякие мысли в моей голове пошли. Разные мысли. Но одну из них я помню. Думал я: «Царь ты царь, все в твоих руках. Все ты сделать можешь. Почему ничего не делаешь?»

Тогда я, конечно, извиняюсь, политически еще недоразвитый был и не понимал полной государственной картины и существа царизма, опекавшего только эксплуататорские классы. Не на народ царь ставку делал, а на тех, кто держал этот народ в страхе и повиновении. Но это уже специальный сказ. А то, что я царя видел, — это факт.

ЗУЕВА АНАСТАСИЯ АРСЕНТЬЕВНА,
горнорабочая

СОЛДАТКИНА ЖИЗНЬ

Солдаты маялись, так хоть видели что-то, хоть мимо городов по Расее-матушке ездили. А мы-то, солдатские жены, что тогда? В два хомута впрягались: мужнин-то хомут на бабью шею надевать приходилось.

Как первая-то германская война началась, моего мужа, Павла Васильевича Зуева, на фронт угнали. Одна работницей осталась. Солдаткина жизнь в старое время нелегкой была. Мужа нет — обидят, и защитить некому. Муж-то хоть и пил, не тем будь помянут, но работник хороший был. Можно было при

нем жить, не жалел рук. Без четырех месяцев пять лет без него маялась. В те годы солдаткам государство никак не помогало. Все сама: и дрова рубить, и сено косить, и на руднике за двоих работала.

Теперь уже забылось многое, новой травой старые-то обиды поросли, но только горькая участь солдатки царского времени ничем никогда не зарастет.

Если уж солдата не уважали тогда, про солдатку-то и говорить нечего...

БРАТНИ АНДРЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ,
мастер

КАК ЦАРЬ СВОЮ ВЕЛИКУЮ АРМИЮ ОБЕССИЛИЛ

Уж я-то на себе узнал, с каким таким уважением относился царь и его приспешники к великой защитнице родины — к армии.

Мне в царской армии, ой-ой, сколько послужить пришлось. Навидался всего. Разное было. Двенадцать лет воевал. Повидал видов. Забыл уж многое. Один обидный случай никогда не забуду.

Части царской армии отходили. Отступали мы через Беловежскую пушу. Хороший густой лес. Там заповедник был. Идем по пуше, видим — на деревьях клетки для птиц висят. Для чего они, я до сих пор не знаю. Вдруг офицер спрашивает меня: «Для чего эти клетки?»

А нам вовсе не до клеток было тогда, сами понимаете: под огнем отступали. Отвечаю ему: «Я, ваше высокоблагородие, столько же знаю, сколько и вы. Не мне вам объяснять».

Он ни с того ни с сего вытащил наган, размахнулся и ударил меня рукояткой по шее. Кровь полилась.

А за что? Ни за что. Их власть была, вот и делали, что хотели.

Так поступали со мной, с фельдфебелем. Я до фельдфебеля дослужился уже. А что же о рядовом говорить? Битье было тогда нормальным явлением.

Били за здорово живешь. Вздумалось — бац! Не понравилась морда — хватать по ней!

К чему я это все говорю? Говорю я это к тому, чтобы показать гниение царской армии. Первые, кто разложил свою армию, — это царь, его генералы и офицеры.

Убеди другого петуха, что он орел, петух-то и поверить может. Ну, конечно, хоть невысоко, а все-таки взлетать начнет.

А мы действительно по природе орлы, а нас не то что петухами — курицами, червяками ползучими сделать хотели. А разве червь побеждает когда? На капусте разве только, а не на поле брани-сражения.

Ну, конечно, и техничка в германской войне была — дальше «трехлинейной» не шла. Да и трехлинейку нечем заряжать было. А штыком много ли наковыряешь, когда у немцев кругом металл.

Сидишь бывало в окопе и рассказываешь ребятам, сколько у нас в горе Благодать этого металла рудой лежит и чего-чего из него сделать бы можно. Одна только Благодать могла столько металла дать, что неприятеля залить артиллерийским огнем можно было полностью. Подумаешь, и зло берет...

Когда немцы, французы, англичане нашу же уральскую, ползуновскую паровую машину перехватили и паром работать начали, а мы все — балдой.

Правда, когда по затылку начали поддавать, царские-то министры о технике, о механизации заботиться начали. Но какая была это механизация! Шарашкина лавочка. На трех жердях, на семи гвоздях, скри-

пит, не идет, а пойдет, неровен час — не обрадуешься. Про эту механизацию без смеха нельзя рассказывать. Уж очень она была «пошехонская».

ПОЛЯКОВ ВАСИЛИЙ ГАВРИЛОВИЧ,
слесарь

О ЦАРСКОЙ МЕХАНИЗАЦИИ ГОРНЫХ РАБОТ

Приходилось ли вам верхом на палочке ездить? Если не приходилось, то вы, наверно, видели, как другие ездили. Такая езда хотя и не приносила облегчения ногам, а даже затрудняла их, но все же приносила удовлетворение. Сидя на палочке, наездником себя воображаешь, да и другие — твоего ума — тоже думают, что твой суковатый конь ретив и горяч и что ты скачешь на нем через горы, через доли и перепархиваешь перышком через разные рвы и реки.

Не позорю я эту знаменитую детскую игру, в которую, может, тысячу лет играли и еще, может быть, неизвестно сколько будут играть дети. Не на палочке скачет малец, а на великой силе своего воображения. И над этим никто не может насмеяться.

Но если же не малец, а женатый мужчина и к тому же инженер с образованием вдруг оседлает батожок и заявит, что он едет на паровозе, необходимо надсмеяние.

Вся механизация царского времени была именно этой ездой на батожке, и на нем ездили взрослые, получившие образование люди.

Если на воображении в десять лет можно ездить за тридевять земель, и это правильно, то в сорок лет на этом воображении нельзя возить руду даже за версту.

ДЕРЕВЯННО-ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА

Управители и технический персонал нашего рудника задумали удивить всех и решили строить железную дорогу. Довольно, дескать, на конях возить, машину надо заставить работать.

И вот через некоторое время начали шпалешки пилить, рельсишки возить. Не прошло и двух лет, протянулась тонюсенькая кишка железной дороги. На деревянные рамы приладили железные колесные скаты, и вагончики покатились по рельсам узкоколейки.

Очень радовались начальники своему творению. Пили и чокались за новую железную дорогу.

Пришло время ее в работу сдавать.

Оказалось, что вагончики сами по себе не бегают, — их тянуть надо. А чем? Лошади неудобно как-то паровозом быть. Трубу на нее, главное, некуда ставить. Решили пока людей заставить вагончики катать. Заставили. Пустой вагон в гору «дубинушкой» тянут, а под гору он сам бежит. Одно плохо: гора крута. Нагруженный вагон, как бешеный, летит. То и дело с рельсов соскакивает и со всего маха кувырк под гору падает. До тех пор кувыркается, пока в шепки не разлетится.

«Тормоз нужен», решили господа инженеры.

«Изобретайте тормоз», приказал управитель.

Заработала техническая мысль. Чертить начали, обсуждать, утверждать и в жизнь проводить.

Очень хитрый тормоз придуман был — березовый. Другая древесина, как маломощная, не допускалась. Технические нормы не выдерживала. Потому что елка или пихта дерево мягкое, а береза — та терпеливая. Засунешь эту березовую жердь между скатами колес и

На старом руднике.

жмешь что есть силы. Дым даже идет от трения. Вагончик сбавляет ход и часто в целости, в сохранности прибывает под гору. По несколько возов доставляли таких жердей. Потому что больше двух раз с таким тормозом не спустишься.

Довольнешенько начальство. Должность новую ввело — «тормозчиков». В тормозчики шли те, кому жизнь вовсе недорого была или кто на ходу прыгать мог. Прыжки эти очень часто нужны были: вагончики то и дело сходили с рельсов.

Ну, мало-помалу овладели березовым тормозом. Вагончики самокатом с горы руду доставлять начали. Но опять беда. Руду дальше надо было тянуть, на промывочную фабрику. К тому времени промывочную построили. О ней будет особый смех.

Судили, рядили — придумали воровинкой, канатом, тянуть. Решили машину паровую ставить. Это уж совсем техника. Но пока что «волосатый паровоз» запрягли. Опять сивка-бурка — вещей каурко возить начал. Но уж не по простой дороге, а по железной.

Пока сивка-бурка возит, инженеры принялись паровую энергетику придумывать. И году не прошло — придумали.

СКУРИХИН АЛЕКСАНДР СТЕПАНОВИЧ,
кочегар

ЭНЕРГЕТИКА ЦАРСКОГО ВРЕМЕНИ

До последних лет царизма лошадь и человек были главной энергетикой нашего рудника. Но когда начальство захотело вагончики паром тянуть — локомобиль поставили. На мою долю выпало «сча-

стве» работать на главной и единственной энергетической базе рудника. Эта база, этот локомотив не превышал 70 лошадиных сил, то есть его сила была равна силе современного автомобильного двигателя.

Питья и битья много было, когда локомотив устанавливали. Шутка ли, машина ведь. И главное — дым из трубы идет. Назначение локомотива было — канат тянуть. К канату цеплялись вагончики и медленно тянулись им на промывочную фабрику.

Появились новые профессии на горе Благодать: машинист, кочегар и масленщик.

Гороблагодатская «энергетика» работала не круглый год, поэтому ее можно назвать сезонной энергетикой.

Я не подсчитывал, но думаю, что при таком веревочно-железнодорожном транспорте рудник не получал экономии в доставке руды против лошади. И если эта канатная железная дорога оставалась, то только для того, чтобы «фирму не гадить»: знайте, мол, у нас тоже машина работает.

Перед войной и в войну механизацией сильно начали заниматься. Но вся эта механизация как-то очень смешно кончалась. Или расчета настоящего не было, или по какой другой глупости, потому что ни придумают — все прахом шло.

Вот ту же первую промывочную фабрику взять. Про нее не расскажешь так, как на самом деле было. Если бы ее в кино показать, так, я думаю, хорошая бы техническая комедия получилась. Уж очень она убога была. От деревянно-железной дороги недалеко ушла.

Это та же «деревянная техника». Слово только фабрика, а на самом деле бутара бутарой.

ГОРЕ-ПРОМЫВОЧНАЯ ФАБРИКА

САВИНА НАДЕЖДА ДМИТРИЕВНА,
работница

В руде-то год от году все больше и больше нужда росла. Особливо хорошая руда требовалась. А лучше нашей валунчатой руды разве можно что придумать? Бери ее из глины и вали прямо в домну без всякого обжигания. В ней чистого железа полный процент. Вон она какая тяжелая! Железо и железо. Ну, а брать-то эту руду трудненько. Она ведь в глине «растет». Пovyбери-ка ее оттуда руками-то, много ли за день наберешь?

Поэтому порешили руду водой выбирать. Вода-то и раньше вымывала ее, до того, как промывочные фабрики настроили. Бывало дождливень пройдет, глину смое, а катышки-то рудяные на месте останутся: их не под силу даже большой воде смыть.

Вот на это-то гляючи, и удумали промывочную фабрику ладить. Оно бы если с умом ладили, как в нынешние годы, так и ладно бы было. А тогда как-то без головы все делалось, и больше из дерева. Ну, а как же можно деревянную фабрику ладить для железной руды. Это все равно, что козлу капустную изгородь ставить. Проест он ее и уйдет.

Ну, вот построили машерт и начали на машерт пожарной кишкой воду подавать. На него же и рудоносную глину стали валить. Руда

водой отмывалась, а глина с водой уходила.

Потом решили «вертящую чашу» построить. В чаше песты ходили. Приводом они двигались. Вся мелочь проваливалась в бутары и промывалась особо, а крупная валунчатая руда в чаше оставалась.

Эта деревянная машина много помогала, но руки тоже при ней нужны были. Нагребали глину и выгребали руду руками. Я вот, например, лопаточкой помогала машине промешивать глину. Грязная это работа была, мокрая. И посушиться негде. Осенью вовсе невмоготу было работать.

Недолго эта фабрика просуществовала. Мало прибытку, видно, давала. Больше скрипу да грохоту было. А главное — она пруд изгадила. После промыва красную глинистую воду в наш пруд спускать начали. Покраснела вода в нашем пруду. Ни пить ее нельзя, ни белье в ней выполоскать. Народ шуметь начал. Ну и прекратилась с тех пор фабрика.

Только потом, вдолге уж, когда сток для воды нашли, когда деревянные части на железные сменили, тогда и фабрика работать начала. Да и то летом только. Плохо тогда, очень плохо рудник работал. Как-то мало о нем казна заботилась. Темно жили и работали в темноте.

СБУРИХИН АЛЕКСАНДР СТЕПАНОВИЧ,
кочегар

КАК И ЧЕМ ОСВЕЩАЛСЯ РУДНИК

Электричества на руднике у нас не было. Только перед самой революцией появился электрический свет, и то только в господском доме. Рудник освещался керосиновыми лампами, а на улице освещение было совсем допотопное, варварское: освещались кострами. Везде, где производились ночные работы, горели десятки костров. Сжигали пни,

чашу, связанную пучками, и при этом свете работали люди. Такое мрачное освещение становилось причиной увечья, ушибов, не говоря уже о порче зрения и о том, что производительность работ ночью по сравнению с днем падала. Все это отражалось главным образом на зароботке рабочего.

Очень странно вспоминать сейчас, что так недавно, на моей памяти, так смешно освещался рудник. Защиришь сейчас глаза, и перед тобой картина: дым, костры, красное пламя так и хочет темноту осветить. А темноты много кругом. Она сверху, с боков, со всех сторон наваливается на свет костров и глушит его, темнит, забивает. Везде тогда эта темнота царствовала. Единичный костер слабосилен был против нее.

КАК ПЕРВЫЙ ЭКСКАВАТОР ЛЮДЕЙ НАСМЕШИЛ

ЮЖАКОВ ПАВЕЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ,
слесарь

А все-таки хотелось, видно, рудничному начальству себя показать. Много оно разных попыток по механизации делало, да негладко.

Привезли как-то на рудник к нам электрические перфораторы — такие автоматические молотки. Очень любопытно было, как они работать начнут, как бур да балодку заменят. Прокламация, которая при них была в ящике, ловко объясняла их

работу. Приставь его куда надо, и он в скалу, как в масло, войдет.

«Вон оно что!» важничали наши начальники и умственно говорили о том, куда наука пошла. Ну и мы довольны. Кому-кому, а нам совсем любо на механическую работу перейти.

Давай пробовать. Провод электрический подвели. Подключили электрический молоток. Т-р-р! Ф-р-р! Сам собой он кое-как начал вздрагивать, а что касается пороку долбить — стоп.

«В чем дело? Может, не смазали?»

Начальники бегают, суетятся, один другого отгадками забивает.

А монтер наш, — фамилию-то не упомяну уж, — который «электрической станцией» заведывал, и говорит: «Господа начальники, ну как наша электрическая станция может такие молотки двигать, когда еле-еле два десятка угольных лампочек накаливает?..»

«Что это значит?»

«А то и значит, — говорит он, — что вольтаж не тот и амперы не такие».

«Чего ты в амперах понимать можешь?» огрызнулось начальство и велело пока что электрические молотки на склад сдать. В скором времени побольше динамку нашли. Поставили. Молотки заработали. Моего отца Александра Дмитриевича Южакова выделили в числе других на перфораторное бурение.

Отец, помню, очень обрадовался. Но вскорости ему пришлось оставить этот электрический молоток. Почему? Во-первых, энергия электрическая и при новой динамке мала оказалась; во-вторых, по конструкции эти молотки такие были, что работать ими оказалось нельзя. Грудью надо было их нажимать. И они не столько гору долбили, сколько грудь отбивали. Посмотрели, посмотрели начальники и приказали их «впредь до особого» на

склад сдать. Этого особого распоряжения, насколько мне помнится, не последовало.

Но все это только присказка, а сказка впереди.

Слух у нас на руднике прошел, что на рудник такая механическая лопата идет, при которой простой лопате и делать нечего. Очень обрадовались мы такой лопате. В рабочем народе с давних пор разные технические чудеса желанными сказками живут. К слову, тот же аэроплан ковром-самолетом жил, лампочка электрическая — жар-птицыным пером и лопата, которая так много силы брала, тоже в рабочей мечте сказкой обертывалась. И когда о такой самокопательной лопате слух прошел, народ очень близко это к сердцу принял.

Большой шум стоял, когда первый экскаватор прибыл.

На лошадях везли его. Мальчишки табуном, роем вокруг вились. Стар и мал повыскакали. Шутка ли дело — самокопатель везут.

Начальники тогда петухами индейскими ходить начали. На лице у них тайность, в глазах блеск. Такими министрами разгуливают — не подходят.

Первый экскаватор назывался «Мария». Приводился он в движение паром. С большим доверием к нему рабочие относились. С нетерпением ожидали, когда его соберут и пустят.

Недели две возились со сборкой. Собрали по чертежам, по картинкам.

Меня назначили кочегаром. Зависти-то было сколько! Я тоже индюком начал похаживать. Шутка ли дело — кочегар. Да какой? На самокопательной механической паровой лопате кочегар. Машинистом поставили Жигалова Степана Ивановича. Ну, конечно, подготовки ни у кого никакой.

Назначили день пуска. Майский день был, солнечный. Народу люд-

но набралось. Пришел управляющий Назаров, главный инженер Левицкий, все начальство. Одним словом, полный парад.

Машинист Жигалов подошел к управлению. Сидения на первом экскаваторе не было. Я дрова подбрасываю, атмосферы нагоняю.

Приказали свисток дать.

Дали свисток. Торжественно, звонко. Народ стих. Ждут — вот-вот работать начнет.

Начали работу. Экскаватор повернулся, копнул ковшом гору — и затих.

«Что такое?»

«Не извольте беспокоиться. Шестерня жидкая. Зубы выкрошились».

На этом первое представление было закончено.

Начали ремонтировать. Шестерня — невелика птица. Сменили. Начали опять пробовать. На этот раз полегоньку.

Ну, все убедились, что он действительно самокопально работает: и землю берет и куда надо перемещает ее. Только одна досада: простая-то лопата больше накапывала, чем эта механическая. И главное — при простой лопате один человек нужен был, а при этой-то, при механической, — двое, да масленщик еще третий, да механик по ремонту

не отходил, потому что поломки и остановки были частые. Кроме этого, доставка воды, дров, масла оказалась делом начетистым.

Первое время начальники охотку тешили, не останавливали экскаватор, а потом остановили, потому что уж дальше нельзя стало народ смешить.

Кое-кто попытался было меня да машиниста обвинить в том, что будто нам не к рукам машина пришлась, только это зря. «Марион»-то этот пока что еще был, ну, что ли, учебно-показательным и для настоящей работы, особенно у нас в горе, жидковат оказался. Может быть, песок да мусор перегреть на заграничных ярмарках он и годен был, а для уральского дела никак.

Простая лопатка опять оказалась в ходу, а эта так и осталась стоять. Потом ее на отвал увезли.

На этом, пожалуй, и кончилась царская механизация нашего рудника.

Опять начались дни друг на друга похожие — днем в горе, ночью по домашности. К войне уж привыкли все. Не ждали, не знали, как и чем она кончится. Но вот однажды всем известно стало, что царя свергнули.

С этого момента большой перелом в жизни начался.

ОСВОБОЖДЕННАЯ БЛАГОДАТЬ

КАЛЫПИН ДМИТРИЙ ДЕМЕТЬЕВИЧ,
комкоробочий

В ФЕВРАЛЕ 1917 ГОДА

Когда царя свергли, мы на работе были. Как слух прошел, что больше царя нет, сразу оживление началось. Все перемену жизни почувствовали. А в чем эта перемена, я лично не понимал еще.

Лозунг прошел — разоружить полицию, вооружить милицию. Формы у милиции тогда еще не было. Поязка красная на рукаве, и все.

Начались собрания, митинги, агитация. Партий тогда множество всяких обнаружилось. Сорок-сороков. Как грибы, росли партии. И ты как в лесу: не разберешь, которые поганки, которые чистые грибы. Другие поганки под хороший гриб так ловко растут, что и не подумаешь, за настоящий гриб примешь. Особенно эсеры. Ох, и партиешка же была — крутит, мутит, вертит, концов не найдешь. За кого она — неизвестно. И рабочим мигает, и перед крестьянами виляет, и бур-

жуазию не задевает, и начальство призывает. Налим, а не партия. Меншевики, трудовики, максималисты, левые социалисты, кадеты тоже лозунги выкидывают, учредилку обещают. Призывают, зовут, а в руки ничего не дают. Не жизнь началась, а общее собрание. Ну, а мы работали, не останавливались. Как было все, так же и осталось, только трехцветный флаг — красно-сине-белый — нижней красной полосой кверху повернули. Понимай — революция верх взяла. А так все по-старому оставалось.

Горный начальник смотрел-смотрел на это все, да и смылся от греха подальше. Главное — к этому времени большевики себя сильно показывать начали. Особенно туринские да баранчинские. Из баранчинских очень тогда на слуху и на виду был Поскребышев Александр. Росточком маленький, а самый видный. В наших гороблагодатских местах, пожалуй, второго-то такого и не было, если «Андрея»—

Свердлова — не считать. Ну, к этому времени «Андрей»-то уж при Ленине большим работником был.

Словом, облегчение предчувствовалось, хотя его и не было еще. Но уже чувствами жить можно было.

И весь этот временно-правительственный балаган до осени был. А осенью большевики к порядку призывать начали. Довольно уж было. Понаслушались мы сорокапартийных митингов, и наша-то партия четко обозначилась. Некоторые партии помогали нам своей болтовней большевизм понять. Чем больше они хаяли большевиков, тем сильнее нас к ним притягивало.

Осенью, как известно, Октябрьская революция произошла, которая теперь на полном основании именуется Великой. Ну, тут-то уж ясность полная выявилась, и вся власть в наши руки перешла. Мы, рабочие, к управлению пришли и на этом закончили сорокапартийные прения.

Мы сначала в союз металлистов с Кушвинским заводом вошли, а потом свой союз организовывать начали — союз горняков.

Управителями даже простые молотобойцы сделались. Не сразу у них получалось гладко с управлением. Учились... Но крепко на управительское место сели. Я, правда, вскоре в Красную Армию ушел, и настоящие-то перемены на Благодати без меня происходили, но есть у нас люди, которые об этом точно описывают как свидетели и как участники самой первой советской власти на руднике. Особенно те, которые в деловом совете были.

ИВАНОВ ПАВЕЛ СПИРИДОНОВИЧ
горнорабочий

ДЕЛОВЫЕ СОВЕТЫ

С приходом советской власти управление рудником перешло в руки делового совета. Деловые со-

веты выбирались на общих собраниях рабочих и служащих открытым голосованием. Помню я ноябрь 1917 года. Власть управляющего Васильева уже считалась недействительной. Собралось общее собрание рабочих горы Благодать. В числе вопросов, которые стояли на повестке дня, было создание делового совета. В тот памятный день рабочие нашего рудника, взявшие власть в свои руки, называли своих представителей, которым они доверяли руководить всеми работами рудника.

В первый состав делового совета прошли: Бартов Павел Иванович — был избран председателем; Мужиков Николай Борисович — был избран членом, и мне была оказана рабочими высокая честь и большое доверие: я был избран единогласно членом первого делового совета горы Благодать.

Деловой совет оставил бывшего управляющего Васильева при себе как специалиста, и первое время он работал ничего, только потом сбежал к белым. Волка сколько ни корми, все равно в лес убежит. Работать нам было очень трудно. Рудник большой, надо в каждое дело вникать, а мы от молотка да от кайлы. И грамота невысокая у нас. Еще надо сказать, что 1917 и 1918 годы были беспокойными годами, и меньшевики и эсеры сильно пакостили, а потом Колчак начал жать.

Но как ни было трудно, а мы с своим делом справлялись, и наша руда пошла на металл для революционного оружия. Рудник работал без срывов и простоев. Рабочий класс не на казну, не на царя, а на самого себя, на свое рабочее государство работал лучше, чем раньше, и переносил все трудности и лишения.

Тогда мы не думали о личном. Одно желание было: власть удержать в своих руках. Закрепить то.

за что начали мы бороться в 1905 году и завоевали в 1917 году. Повсюду, по всему Уралу росли, укреплялись большевистские организации. Не появлялись, а объявлялись эти организации. Они и раньше были, только в глубоком подполье, на нелегальном положении. Большевиками оказались такие люди, на которых не подумаешь. Большевики берегли свои силы до нужного момента. Теперь нужный момент настал, и мы все увидели сильную, организованную, большую партию большевиков. Везде работали ее комитеты: в Кушве, в Туре, в Баранче. В Баранче фельдшер один сильно гремел, из вятских он.

Фоминных Михаил Максимович,
слесарь-токарь

САБОТАЖ В ЗАВОДУПРАВЛЕНИЯХ

Бывший-то государственный аппарат не сразу ломался, не в один день перестраивался. Владимир Ильич с первого дня команду подал о том, что сломать нужно старую государственную машину и заменить новой. И эта замена повсюду шла. И везде, по всем заводам, аппаратный саботаж был. Как правило, эти аппаратчики думали, что нам, большевикам, пропасть без них. И на Баранчинском заводе тоже саботаж произошел. Было это так.

Мне поручили объявить волю местной советской власти одному начальнику цеха о том, что мы его отстраняем. Было за что отстранить.

Я явился со всеми полномочиями и объявил: так, мол, и так, ввиду коренного политического изменения в нашей стране вы нам как начальник механического цеха не можете подходить для этой должности.

Он уставился на меня, маленько попятился, потом боком стал, вид-

но, независимость свою хотел показать и спрашивает сквозь зубы: «А если я не подчинюсь?.. Тогда тачка?»

Надо сказать, у нас на заводах частенько на тачке оформляли увольнение. Посадят в нее ненавистного тирана-начальника и вывозят под свист, с бибером через заводские ворота, на виду у всех. И этого очень боялись начальника, потому что бывали и такие случаи, когда видных кровопийцев, достойных высшего наказания, на некоторых заводах на тачке прямой дорогой в мартен или в домну вживали. Правда, это при бунтах в старые годы было, когда крестьянская стихия на заводах захлестывала. Те бунтари на самосуд очень падкие были. Взять хотя бы случай с конокрадами. До мирового судьи конокрада никогда не доведут. Снимут шапки, осенят себя большим крестным знаменем, раскачают вора, подбросят вверх, и был таков.

При советской власти через тачку увольнение не оформляли уже. Но начальники побаивались. Всего могли ждать. Я и говорю ему, начальнику механической: «Не знаю, как совет найдет нужным, только я уполномочен уволить вас».

«Хорошо, — говорит, — считайте уволенным». И ушел.

В ответ на это заводское начальство — инженерно-технический аппарат — объявило организованный саботаж.

Что делать? Как быть? Мы в больницу бросились. Наш-то главный из главных, Александр Поскребышев, не оставял своей лечебной должности, и в больнице прием у него был.

«Так и так, товарищ Поскребышев, — говорим мы. — Что делать, как быть? Инженерно-техническая забастовка. Саботаж! Завод вот-вот остановится. Управлять заводом некому».

А Поскребышев-то успокаивает: «Вы не очень волнуйтесь, товарищи. Вот сейчас больного дослушаю, обсудим, как быть. Нечего носы вешать».

Силен фельдшер был. Больного-то достукивает, дослушивает, а сам в это время в своей голове план строит. Простукал больного, прослушал, рецепт выписал, отпустил его и говорит нам: «Вы это что, товарищи большевики, власть в свои руки взяли, а заводские вожжи выпускаете? Законом бонтесть управлять? А другие в Тагиле, в Кушве, в Туре, такие же, как вы, управляют заводами. Вот что. В каждом цехе у нас есть выборные рабочие старосты. Передать им всю заводскую власть. Составить из них совет. Саботажники сразу почувствуют, что и без них завод работает. Обратное с повинной явятся».

И тут же следующего больного вызвал.

Мы видим, что золотые слова сказаны — и бегом на завод. Свисток. Митинг: «Так и так, дорогие товарищи. Государственная власть в наших руках. Неужто мы заводскую власть не удержим? Больше веры в себя, товарищи цеховые старосты. На вас весь мир смотрит теперь. Выбирайте деловой совет, становитесь к рулю правления. Покажем всему миру, на что мы способны, товарищи...»

Тогда у меня зубы были целые. Я здорово звонко говорить мог.

Выбрали деловой совет. Мы живо ему на нос большевистские очки надели, так он так видеть начал все, что просто удивительно. Писаришки, конторщики первыми явились. Известно, промежуточный элемент. Бумаги показывают, что к чему рассказывают. Дебеты, кредиты, балансы, приходы, расходы сводить начали. Вместо одной плавки в литейном две начали делать, где один снаряд точили — два ста-

ли вытачивать. Дым из труб все густо пошел. Саботажники-то смотрят, без них завод дымит. Ну, а дальше-то все по Поскребышеву пошло. Один идет, второй ползет, третий с гонором вваливается. На четвертый день и сам управляющий пожаловал. Пожаловал и стал уговаривать рабочих впустить начальство на завод. А заводское правило старое: с завода уйти легко, на завод попасть трудно.

Деловой совет говорит: «Пожалуйста! Разве, — говорит, — мы против инженерно-технического сословия. Мы всегда уважаем высокие знания. Милости просим! Возвращайтесь. Только, — говорит, — не табуном, а организованно. В индивидуальном порядке, по одному товарищу».

А в проходной свой инструктированный часовой стоит. И кому надо он кепочку снимает, по-ефрейторски на караул берданкой увеселительное приветствие производит. А кому не надо, он не то что кукиш показывает, а так с полнотой власти в голосе заявляет: «Извините, прошу прощения, вам не в эти ворота следует, а вон в те — в расчетный отдел». И дымком махорочным ему в нос.

Так-то вот мы и прочистили саботажников, а тех, кого приняли, на путь наставляли начали. И многие, став на этот путь, сейчас в большие люди вышли. Я нарочно умалчиваю о фамилиях. Читателю их ни к чему знать, а те, кому надо, промежду моих строчек прочтут полностью свое имя, отчество и фамилию. Сердце-то, может, и кровью обольется теперь у них за свои прегрешения перед молодой властью. Ничего, ничего... Легонько не мешает напомнить кое-кому, что мы из них людей сделали и большие дела им в руки дали.

А длинно и подробно про этот случай я потому рассказываю, что он показательный, всероссийского

значения. Этот случай у всех был, только, конечно, с другими добавками и при другом положении.

Саботаж заводских начальников — это этап в жизни любого завода, любого рудника. И его знать надо.

ХРЕНОВА ВАЛЕНТИНА ВАСИЛЬВНА,
домохозяйка

ЖЕНЩИНА ПРИХОДИТ К ВЛАСТИ

Как во сне, я прожила все это счастливое утро новой жизни — 1917 год. Первый год великих свобод и равноправия.

Честно говорю, ничего такого особенного во мне не было. Выросла я в такой же избе-пятистенке, в уральском доме, как и все мои сверстницы. И никуда ни на какие выборные должности я себя не готовила. А тут как-то само собой все пошло. Пробудились во мне такие чувства, про которые я и не знала, что они бывают на свете. Небо синей вдруг стало, солнышко жарче греть стало, сама себя в зеркале другой увидела, и земля подо мной тверже сделалась. Голос откуда-то взялся, слова пришли, и я заговорила на людях. Правду, видно, говорила я. Видно, свила эта правда гнездо в сердцах других женщин, и они меня выдвигать начали.

И вот, когда был избран у нас первый Совет рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, голосовали и за мою кандидатуру. И я, жена слесаря, прошла в первый Совет. И это я считала не своим личным завоеванием, а завоеванием простой женщины, пришедшей к рулю управления жизнью, хозяйством, заводом, культурой и всем.

Но эта почетная выборная должность имела и обратную сторону. Ты депутат, ты избранница народа, значит ты должна отвечать своему званию и достойно представлять женщин в Совете. А это было тогда

очень трудно. Осколки разбитых и разбиваемых партий использовали все средства, чтобы мешать первому Совету строить свою жизнь. Разве не те же эсеры и меньшевики подсовывали проснувшимся женщинам, но еще не протершим от векового сна свои глаза, разные идейки? Разве не они через этих женщин доводили до глупости высокие идеи свободной любви, то есть брака не по принуждению родителей или кого-то, а по обоюдному согласию мужчины и женщины? Разве не они оскверняли раскрепощенную любовь, толкая ее, как свальный грех, как многобрачие? Они! И тем самым очернили светлые мысли и взгляды, которые проповедовали мы. Не одна женщина была сбита с пути этими замаскированными врагами, которые выдавали себя за передовых людей. И сбитые с толку женщины озлобляли некоторых мужей, которые сваливали все на нас. И я должна была не гнущаяся, не отступать, а утверждать супружескую верность, крепость рабочей семьи.

Разве не контрреволюционные партии пускали слухи о национализации женщин и отпугивали от нас этим даже иногда хороших людей? Теперь в эту сказку никто бы не поверил, а тогда в год великих переустройств нетрудно было затуманить без того темные головы некоторых людей, даже из рабочего класса.

Личным примером, своим поведением, своими отношениями с мужем приходилось мне доказывать, на какой платформе стоит и будет стоять советская власть.

А оскорблений сколько было! И прямо в глаза говорили и анонимки подкидывали, угрожали. Немало таких анонимок получил и наш председатель Совета А. Н. Поскребышев. От него научилась я держать себя выше этого лая отмирающих пустолаек. И я несла свою женскую

гордость вместе с честью нашего первого Совета. И я, думаю, мне, не уронила достоинства депутата Совета — женщины.

Будили мы заспанных «баб», выкинули к своей неволе, к своей тяжелой участи, не изменившейся, по существу, с времен крепостного права. Ясли, детские сады, раскрепощение женщине обещали. Не все нам верили, смеялись в глаза. Другие сомневались. Но мы выполнили свои обещания. Не тогда, а потом, через несколько лет.

Большие дела вершились тогда, и есть с чем рассказать теперь горблагодатцам, кушвинцам, баранчинцам.

ВАСИЛЬЕВ ИГОРИ АНДРЕЕВИЧ,
*бывший командир
партизанского отряда*

В БОРЬБЕ ЗА ВЛАСТЬ

С первых дней революции большевистские организации нашего района творили огромной важности дела. Большую школу революционной борьбы прошла наша баранчинская партийная организация, окончательно оформившаяся летом 1917 года.

К этому времени она насчитывала в своих рядах около сорока коммунистов. Она была подлинным организатором масс не только рабочих завода, но и населения всего поселка.

В тяжелых условиях приходилось работать большевикам до революции и в начале ее.

К началу 1917 года в Баранче существовали легальные организации меньшевиков и эсеров, они всячески клеветали на большевистскую партию, травили большевиков, пытались привлечь на свою сторону рабочих. Но ничто не могло поколебать железной воли большевиков. Рабочие знали, на чьей стороне правда. И это, как в зеркале, показали первые выборы в Советы

рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. Абсолютным большинством в орган власти были избраны большевики.

Большевистский Совет решительно разоблачил гнусную деятельность меньшевиков и эсеров. Рабочие завода изгнали их из Советов и поставили во главе его руководителя баранчинской партийной организации тов. А. Н. Поскребышева.

Очень заметный человек был Александр Николаевич Поскребышев. О нем специально надо поговорить в этой книге, и на примере его партийной биографии будет видно, из кого и как росли члены ЦК нашей коммунистической партии и какими корнями и куда уходят они. А уходят они своими корнями в наш народ, и из нас они выросли. На моих все это глазах было. Я живой свидетель всему этому. Но Хренов Иван Сергеевич Поскребышева еще ближе знает. Он лучше меня о нем расскажет.

ХРЕНОВ ИВАН СЕРГЕЕВИЧ,
слесарь-лекальщик

ОБ АЛЕКСАНДРЕ НИКОЛАЕВИЧЕ ПОСКРЕБЫШЕВЕ

Летом в 1914, а может быть и в 1915 году, когда я на Баранчинском заводе слесарем-лекальщиком работал, прибыл к нам новый фельдшер. Росточка невысокого такого, плотный из себя молодой человек. По слухам он из вятских. В Перми он кончил фельдшерскую школу. А в те годы, надо сказать, работу нелегко было найти. Ему посоветовали попытать свое счастье в Кушве. В Кушве место оказалось занятым, и ему указали на наш завод. В Баранчу он пешочком пришел. Видно, недостатки у молодого человека невелики были. И, судя по штиблетам, он никак не буржуй был. У нас в Баранче оказалось место фельдшера, и тут-то мы с ним по-

знакомились. Познакомились главным образом на почве книг. Охотник он был до чтения, серьезную книгу любил.

У меня по тем годам хотя и немудренкая, но была своя книжная полочка, и у него книжечки появились. Стали обмениваться. Дальше — больше. Подружились. На «ты» перешли. Парень он оказался просто золотой. Ни дать, ни взять — рубаха-парень. Только рубаха-то со своим узором. Доверять ему было можно, а понять его полностью трудновато. Я и до сих пор не знаю, сам собой он пришел или присланный. Сошлись покороче. На политические темы стали разговаривать. То да се — выяснилось, что молодой-то человек еще в 1905 году мальчиком принимал участие в революции. Он тогда по поручению старших товарищей листовки в подворотни совал, революционные прокламации на столбы приклеивал. По ночам, конечно, делал, крадучись. Это совсем на дело походить начало. И я ведь тоже по этой части опыт имел. Вижу, что мы одного поля ягода. Тут я его вовсе стесняться не стал. Всю литературу, которую я получал из Сормова через Мотовилиху, вместе с ним читать начал.

Вскоре и у него своя политическая литература обнаружилась. Теперь он меня, в свою очередь, запрещенными книжками снабжать начал. Тут-то баранчинский фельдшер в ином свете представать стал. А мы, баранчинские, надо сказать, хорошую большевистскую закалку имели. Яков Михайлович Свердлов по всем гороблагодатским заводам и у нас в Баранче не редким гостем был. И он неоднократно проводил подпольные собрания. Собирались мы и за Баранчинским мостом по Тагильской дороге, и на Бабушкиной горке, и просто в лесу. В старом гороблагодатском округе у нас, пожалуй, самая креп-

кая партийная организация была, если Верхнетуринскую не считать.

И как тут сказать, Поскребышев ли возле нас рос, или мы с ним росли, только после свержения самодержавия главнее его у нас в округе большевика не было.

Александр Николаевич Поскребышев — это был тот, за которого все партийные и все беспартийные полностью свои голоса отдавали. Вот когда еще блок-то начался. А почему? Потому, что не только хороший большевик был, но и человек исключительный.

БОРЯ-ВЕРДНИКОВА ЕКАТЕРИНА ПЕТРОВНА,
акушерка-фельдшерица

Исключительным человеком был Поскребышев. В наших медицинских кругах в Гороблагодатском округе мы ведь друг дружку насквозь знали. Показом да внешнею нас трудно провести было. А он своей скромностью, своим каким-то природным умом и благородством обращал на себя внимание. Врачи, даже завистники, нелюдимы, и те как-то не находили возможным хоть в чем-нибудь упрекнуть Поскребышева. Кто он, откуда — мы не знали этого. И только в 1917 году на съезде в Верхотурье стало ясно, когда он загорелся вдруг, этот невысокий человек, и стал большим в своей пламенной речи, которая так и зажигала наши сердца. И мы поняли, что он большевик.

Был ли раньше большевиком или нет, это уж у него у самого надо спросить или у его баранчинских дружков-приятелей. А этих дружков — вся Баранча. Но, думаю, что неспроста он тихим промеж нас ходил, было, видно, в нем давно это пламя, только он сдерживал его до поры до времени.

Ну и как фельдшер он тоже отличный был. Больные в этом самые лучшие свидетели. А кто в Баранче не лечился у него? Все! Любого

Группа старых рабочих-революционеров Н. Баранчинского завода, работавших под руководством А. Н. Поскребышева.

спросите. Любои мои описания продолжить может так, что целый рассказ получится.

ВОРОВЬЕВ АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ,
начальник литовского цеха

В старые годы лечили рабочих очень хорошо. В народе молва была, что лекарства, как и лечения, на два рода делятся: одни — «по бедности» — пыль в глаза для простого народа, а другие настоящие — для господ. И эти хорошие лекарства почему-то назывались «губернаторским ящиком».

Когда Александр Николаевич Поскребышев приехал к нам, то как-то сразу заметно стало, что он к нашему брату, к рабочим, ближе держится. Не знаю, был он тогда подпольным работником или не был, только лечил здорово. Рабочие души в нем не чаяли. И всегда приходили к нему запросто.

Но не в этом главная заслуга Александра Николаевича. Он хорошо нас лечил не только в медицинском смысле, но и в политическом. Он был нашей политической совестью, нашим партийным судьей, нашим вожаком и в то же время нашим закадычным товарищем. Не случайно его партия скоро

заметила и не случайно ему большое дело доверено. Большой человек нигде не потеряется.

КУЗНЕЦОВ ТИМОФЕЙ МАТВЕЕВИЧ,
токарь по металлу

Да, в те годы трудненько пришлось. На заводе разброд начался, да и Колчак поджимать начал. Тогда нам, депутатам первого Совета, соображать надо было.

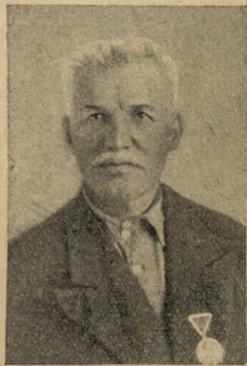
Чем ближе Колчак, тем «оборотни» политические все больше и больше себя показывать начали. Одни из сохранения шкуры, другие на всякий случай, а третьи — те совсем Колчаку колокольный звон да хлеб-соль готовили.

Товарищ Поскребышев тогда прямо заявил в своем воззвании: «Товарищи, советская власть в опасности!», и призвал нас организовать батальон.

Я первым тогда сказал ему: «Пиши меня!»

Он записал. А за мной еще 196 человек записались. Мы создали 2-й Кушвинский батальон.

КОНТРЕВОЛЮЦИЯ ПОДЫМАЕТ ГОЛОВУ

ХРЕНОВ ИВАН СЕРГЕЕВИЧ,
слесарь-лекальщик

Враг не дремал...

Первым грозным предвестником контрреволюции на Урале был го-

Дружина Красной гвардии. 1918 год.

лод. Враждебные советской власти элементы использовали голод как средство агитации против большевиков. Распространялись самые непетые слухи.

Зашевелились контрреволюционные силы и на заводах; не решаясь еще выступить открыто, они вили черные гнезда и копили свои силы. Уже шли на Урал слухи об атамане Дутове. Он в районах Троицка, Кустаная, в оренбургских степях, примыкающих к Уралу, поднял кулацкие восстания. Собрал крепкие банды и стал угрожать Южно-Уральской железной дороге и городу Челябинску. Челябинск в то время еще не был индустриальным городом. Это был перевальный торговый пункт Урала и Сибири. Торгашеское население преобладало в Челябинске. На него-то и рассчитывал Дутов.

Но не дремали и большевики. На уральских заводах формировались отряды.

Верхняя Тура и Баранча создали первые отряды, не отстала и Кушва.

Горнозаводские рабочие отряды направлялись в Екатеринбург под командой верхнетуринского рабочего Лупова А. Н.

Тепло проводили мы наших добровольцев. Горячую напутственную речь сказал товарищ Поскребышев.

В степях Приуралья разыгрывались все сильней и сильней кровавые события. Банды Дутова разгоняли еще не окрепшие Советы, вырезали комбеды — комитеты бедноты. В числе павших за дело рабочего класса были и наши городоблагодатские товарищи. Особенно хочется вспомнить здесь нашего молодого студента Ваню Уфимцева.

Вместе с ним был убит товарищ Цвиллинг, тоже молодой, полный сил и энергии большевик, председатель Челябинского Совета, участник 2-го областного съезда Советов, происходившего в городе Екатеринбурге.

Екатеринбургская газета «Уральский рабочий» была в набат, призывая рабочих стать грудью на защиту Советов, на защиту родного Урала. И в ответ на призыв «Уральского рабочего» нарастало красное добровольческое движение.

Банда Дутова была разбита нашими уральскими частями.

Помню, как я вместе с Поскребышевым встречал победителей, возвратившихся с дутовского фронта. Но победу торжествовать было рано. Укрывшийся Дутов снова собрал силы и выступил против нас. Снова с большей силой ответили мы, уральцы, формированием новых отрядов.

С уходом большого количества рабочих как-то притих Гороблагодатский округ. Поредели рабочие на руднике и в цехах.

Но работы останавливать было нельзя. Красная Армия требовала вооружение, снаряды, металл.

Поскребышев все чаще и чаще ездил по заводским делам в Екатеринбург. Работать становилось все труднее и труднее, потому что мы послали на фронт много большевиков. Притихшие меньшевики и эсеры воспользовались этим и начали действовать.

А в это время с востока двигалась большая армия, сколоченная при поддержке некоторых иностранных держав. Возглавлял эту армию адмирал Колчак.

Пал Екатеринбург. Пал Невьянск... Тагил... Бои развертывались под нашим заводом. Красные части окопались на Костаревской горе. Они упорно в течение трех месяцев отражали яростные удары белой армии. Несколько раз переходила Баранча из рук в руки. Но, наконец, белые обошли с тыла и, заняв Верхнетуринский завод, стали угрожать Кушве.

Наши части оставили Баранчинский завод.

Пешком, последним, спасая партийные документы, ушел наш товарищ, Александр Николаевич Поскребышев, с группой друзей. Кушва тогда уже оказалась занятой колчаковцами. Три дня и три ночи шли ушедшие из Баранчи большевики по звездам в стужу, по глубоким декабрьским снегам, через дремучие уральские леса к своим. Один из них замерз в лесу, остальные с отмороженными ногами и руками добрались до станции Бисер, через которую проходила линия фронта.

С тех пор партийный и советский работник Поскребышев становится военным. И вся дальнейшая жизнь этого нашего человека, с которым связаны лучшие воспоминания многих о бурных днях партийной юности, продолжалась за пределами нашего Гороблагодатского округа.

Зимой 1918 года рабочий класс Урала пережил черные месяцы, названные черным именем черного адмирала — колчаковщиной.

Мы, частью уйдя в подполье, частью в армию, верили в победу, потому что там, в Москве, Ленин и Сталин руководили борьбой.

КОЛЧАКОВЩИНА

ПОЗДНЕВ ЕФИМ НИКОЛАЕВИЧ,
техник-нормировщик

ПРИХОД БЕЛЫХ В КУШВУ

Борьба с Колчаком на Урале приняла самые ожесточенные формы. Запрятавшиеся да замаскировавшиеся беляки слухи начали пускать о том, что белые близко, что с ними хорошая жизнь идет.

Я совсем молодым еще тогда был, но хорошо помню все.

Рудник стал. На улицу мы не выходили. Пугали нас артиллерийским обстрелом.

Помню, 2 декабря 1918 года пришли ко мне мои уличные товарищи: Паша Черноусов и Петя Южаков. Сидели впотьмах. Огонь зажигать боялись. Без работы сидеть надоело. Долго судили мы, что будет с нами. Красная Армия отошла. Белые окружили Кушву. Разошлись, когда уже было полночь. Я долго не мог уснуть. Мысли мешали мне спать. Жалко было мне, что пропадет все светлое, все хорошее, что началось в 1917 году. Думал я, что

станется с матерью и с нашей семьей. Ведь отец и старший брат ушли с Красной Армией. И это все соседи знали... Не помню, как я уснул тогда. Помню только, что проснулся от страшного шума.

Мать не смыкала очей. Она тихо сказала мне: «Белые вошли в Кушву...»

Проснулась и заплакала моя маленькая сестра Шура.

Белые входили в Кушву...

НИКУЛИНА АЛЕКСАНДРА БОРИСОВНА,
домохозяйка

С фасоном вошли к нам колчаковцы.

На штыках несли белые булки, на шее крендели: на, дескать, смотри, народ, какую мы сытую жизнь несем.

Несознательные-то и радовались. Были такие. «Ура» им, проклятым, кричали, кланялись. Не знали они, что на этих штыках их самих скоро на смерть лютую понесут. Не